

ПРИЛОЖЕНИЯ
КЪ 5-МУ ВЫПУСКУ ПѢСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

I.

СКАЗКИ

ПРО ВАСИЛЬЯ БУСЛАЕВА.

1.

(Пермской губернії).

Жиль-быль Буславъ девяносто годовъ; живучи Буславъ, перестался; остается его молода жена Ванильоа Тимофеевна, остается у нее младъ сынъ Василій Буславичъ. И сталъ этотъ сынъ Василій Буславичъ съ маленьками ребятками поигрывати: у кого руку оторвѣть, у кого голову расколоть. Отдала Ванильоа Тимофеевна своего сына любимаго Старшку Угрумищу *) учить—во листы писать: а выучился Василій Буславичъ не во листы писать, а выучился соколомъ летать.

Однажды у Старика Угрумища сдѣлался пиръ и бесѣда: онъ не позвалъ на него своего любимца Василья Буславича; пришелъ самъ Василій Буславичъ на пиръ на бесѣду; изъ передняго угла гостей повыхваталъ, со скамееки повыдергалъ, проводилъ на новы сѣни съ чернымъ **) вязомъ. Старша ***) Угрумища осерчалъ на него, на своего любимца, и сказалъ ему:—Ты не стѣкчи, молодой стѣкунъ! Тебѣ не выпить изъ Оби воды, не выбить изъ граду людей; выпьешь изъ Оби воду, выбьешь изъ граду людей,—вотъ тебѣ пять сотъ рублей.—

---

*) Пилигримище.—*O.*

**) Черленымъ, червлевымъ.—*O.*

***) Старичища, старичище.—*O.*

II

Пришелъ Василій Буславичъ домой къ своей матери и говоритьъ: «Ахъ, матушка родимая! Я въ молодыхъ лѣтахъ расхвастался, съ Старшомъ Угрумищемъ разорился.» Мать взяла его—пьяного напоила и въ темную темницу заложила. Вотъ народъ собрался съ нимъ воевать, а онъ спить да спить, ничего не знаеть. Женщина по воду ходила и ему въ окошко закричала: ««Чтѣ, говорить, Василій Буславичъ, спиши, ничего не знаешь? Я, говорить, по воду ходила,— сколько людей коромысломъ прибила!»» Василій Буславичъ, услыхавъ эти слова, вышибъ каменную стѣну и пошелъ силу бить,—народъ *).

Старша Угрумища ему и взмолилася: — Гой ли ты еси, Василій Буславичъ! Уходи, говоритьъ, свое сердце ретивое, утоли плеча боатырскія: я тебѣ пять сотъ сулиль, а теперь отдамъ всю тысячу!— Вотъ Василій Буславичъ смиловался и пошелъ къ своей матери: «Ахъ, говорить, матушка родимая! Я сегодня много крови иролиль, много народу иогубиль!» Вотъ мать на него осерчала, сдѣлала ему корабль, набрала людей и отправила по морю: сказала ему, чтобы ъхаль куда хочетъ, и рукой въ слѣдъ машиуя.

Василій Буславичъ приплылъ на зеленые луга: лежитъ тутъ Морская Пучина *), вокругъ глаза. Онъ вокругъ ее иоаживаетъ, сапожкомъ ее иопиниваетъ, а она ему и говоритъ:—Не иинай меня: и самъ тутъ будешъ!— Вотъ послѣ этого рабочіе его расштилились межъ собой и стали скакать чрезъ Морскую Пучину: всѣ перескакли; онъ скокнулъ ианослѣдѣ, и задѣль только се пальцемъ, да тутъ и померъ.

(Записано г. Огаревымъ, доставлено В. И. Ламанскимъ).

*

*) См. „Замѣтку“ къ 4-му выпуску, стр. IV. и ниже.—O.

III

2 *).

Жилъ Богуслай девяносто лѣтъ; живучи Богуслай переставился. Оставалось у него малое дѣтище Василей Богулаевичъ. Когда онъ достигнетъ пятнадцати лѣтъ, выходить онъ на улицу на Рогатицу, играть онъ не съ малыми ребятами, съ усатыми и бородатами: котораго изъ нихъ схватить за руку, у того рука прочь; а кого за голову, головы нѣтъ.

Отъ такихъ его наглыхъ шутокъ чернь взволновалася. Собираются посадники Новгородскіе, думаютъ крѣпку думушку; они приходять къ его родимой матери и говорятъ громкимъ голосомъ: ««Ты гой еси, честная жена Амелоа Тимооевна! Уими ты свое мило чадо Василья Богулаевича, чтобъ онъ не ходилъ на улицу на Рогатицу и не игралъ бы по своему: уже наимъ Великой градъ отъ его шутокъ людми порѣже сталъ.»» Отъ такихъ рѣчей честная жена Амелоа Тимооевна прикручилилась, обѣщаетъ имъ управу дать, отпускаетъ она посадниковъ съ почестью и призываетъ къ себѣ свое чадо Василья Богулаевича. Призвавъ его, говорить такія рѣчи: —Охъ ты мое чадо милое! Перестань тыходить на улицу на Рогатицу, полно тебѣ играть съ мужиками Новгородскими! Вижу я въ тебѣ силу богатырскую; но ты еще дитя младое; твои шутки неудалыя: кого ты схватишь за руку, отрываешь изъ могучихъ плечъ; а возменишь за буйну голову, остается она въ твоихъ рукахъ. Скорбять на тебя посадники и мужики Новгородскіе. Когда они на насъ полныются, на кого наимъ попадѣться? Въ сиротствѣ мы съ тобой осталися. Хотя твоя сила велика, но стать ли тебѣ на тысячу? А побиешь ты и тысячу, за тысячую ихъ и смѣты нѣтъ. Послушай слова доброго: перестань ходить ты на улицу!—

Сіе выслушавъ Василей Богулаевичъ поклоняется своей матушкѣ, честной женѣ Амелоа Тимооевнѣ до сырой земли; поклонивши-

---

*) О достоинствахъ этой сказки, не смотря на ея поддѣлки, см. въ „Замѣткѣ.“ Языкъ изъ народнаго во многомъ перепечатанъ на книжный языкъ.—O.

ся онъ отвѣтъ держитъ: «Государыня ты моя матушка! Не боюсь я посадниковъ, не страшны мнѣ мужики Новогородскіе; а боюсь твоихъ рѣчей родительскихъ, мнѣ страшно твое слово доброе. Не пойду я уже на улицу: по чѣмъ же мнѣ позабавиться, съ кѣмъ отвѣдати мотгуча илеча? Не сидѣть ты меня породила, не даромъ мнѣ моя звѣзда щастливая дала силу богатырскую. Какъ придетъ моя пора, укро-чу я всѣхъ посадниковъ, мнѣ поклонится земля Старо-Славенская и княжество Руское. А теперь я во твоей волѣ; но прикажи ты мнѣ потѣшиться: благослови выбрать товарищѣй, съ кѣмъ бы было мнѣ слово молвiti, съ кѣмъ отвѣдати мнѣ своей руки. Ты вели мнѣ дать зелена вина и наварить пива пьянова: я дамъ по-честѣ всему граду и найду чрезъ то товарищѣй, чтобы были они на мою руку.»

Получа позволеніе отъ своей матушки, Василей Богуслаевичъ вы-ставляетъ у своего двора бѣла-каменна, у своихъ широкихъ воротъ, чаны дубовые, наливаетъ въ нихъ зелена вина и пива пьянаго по края полны; онъ пускаетъ въ нихъ золоты чары, съ тѣми камнями самоцвѣтными, въ каждой чарѣ вѣсу тридцать шудъ. Посылаетъ онъ бирючей по всѣмъ улицамъ и велитъ имъ кличь кликати: «Кто хо-четъ пожить весело, кто хочетъ въ краснѣ въ хорошѣ походить, тотъ бы щель къ Василю Богуслаевичу на широкой дворѣ не обсы-лающи, но спросясь только съ своей силою, понадѣявшиися на буйну голову!» Бирючи ходятъ день до вечера, они кличутъ громкимъ го-лосомъ: никто имъ не вызывается. Самъ Василей Богуслаевичъ смот-рить съ высока терема въ окно косящетое: чаны стоять непочаты, никто къ нимъ не появляется.

Тогда жиль-былъ иѣкто Фома Толстой сынъ Ременниковъ. Онъ идетъ къ широкому двору не обсылающи, подходитъ къ чанамъ не спрашивающи; онъ береть золоту чашу: одной рукой поднимаетъ, од-нимъ духомъ вышиваетъ. Увидѣвъ то Василій Богуслаевичъ, бѣжить съ высока терема, не одѣвшися, безъ чебатовъ, за собою онъ та-щить стемляній вязъ, и этотъ вязъ свинцомъ налитъ Сарочин-скимъ; онъ бѣть вязомъ Фому по уху по правому: на Фомѣ голо-вушка не тряхнется, черны кудри не ворохнутся. Богатырь тому удивляется, а ретиво сердце играетъ въ немъ отъ радости. Обни-маеть онъ Фому въ бѣлыхъ рукахъ и ведеть его въ свои теремы

V

златоверхie. Приведши его въ свой высокъ теремъ, цѣлуешь во уста, и тутъ кладуть они между собою слово крѣнкое—богатырское, чтобы быти имъ братьями, не щадить другъ за друга буйныхъ головъ, чтобы пити имъ изъ одной чары и Ѳести имъ съ одного блюда, носяти платье цвѣтиное съ одного плеча. Потомъ сажаешь его за столы дубовые, за скатерти браныя, за Ѳествы сахарныя: шпли—Ѣли, прохлаждалися, межъ собой забавлялися.

Между тѣмъ Василю Богуслаевичу лежить на сердцѣ дума крѣпкая: онъ поглядываетъ въ окно косящетое и ждетъ, не придетъ ли кто къ дубовымъ чанамъ не спрошающи. Появляется тутъ вдоль по улицѣ Новогородецъ Потанюшка: онъ малъ собою, невеличекъ и на одну ногу прихрамываетъ. Приходитъ онъ къ дубовымъ чанамъ, онъ бросаетъ вонъ золоты чары, подымаетъ чанъ зелена вина одной рукой, выниваетъ его однимъ духомъ до суха, онъ выпивши разбиваетъ чанъ о сырь землю, и того чана не осталось ни щепочки. Увидѣвъ то Василей Богуслаевичъ, вспрыгнулъ онъ изъ окна отъ радости, закричалъ громкимъ голосомъ: «Охъ братецъ мой, Фома Толстой сынъ Ременниковъ! Пойдемъ встрѣтить молодца удалова: вонъ пришелъ къ намъ третій братъ!» Они схватываются палицы булатныя, во которыхъ вѣсу по пятидесять пудъ, бѣгутъ съ высока терема въ широки вороты, прибѣгають они ко Потанюшкѣ, они бьютъ его въ буйну голову: палицы въ части разлетаются, а на Потанюшки головушка не тряхнется. Тогда взяли богатыри Потанюшку подъ бѣллы руки, повели его на широкой дворъ, на крыльце красное, во теремы златоверхie. Тамъ они ноцѣловались и дали другъ другу клятву крѣпкую, чтобы быти имъ всѣмъ братьями и быти ихъ душамъ за единую.

Скоро прошелъ слухъ по всему граду, что Василей Богуслаевичъ выбралъ богатырей сильныхъ, изъ всей земли Старо-Славенскія, что живутъ они съ нимъ безъ выходу, что пытъ-Ѳдятъ съ одново стола, цвѣтино платье *) съ одново плеча. Отъ молвы сей посадники взволновались, собираются они во теремы тайницкіе, начинаютъ злышай совѣтъ и думу крѣпкую. Когда всѣ посадники по скамьямъ

VI

усѣлись, встаетъ тутъ чуденъ старъ—матёръ человѣкъ, выходитъ онъ на средину горницы, на всѣ четыре стороны поклоняется, онъ по-глаживаетъ свою сѣдую бороду, тражды ударяетъ о ноль носокомъ, и начинаетъ слово мудрое: ««Вы гой еси, мужи Славенскіе и всѣ посадники Новогородскіе! Не стало князя въ нашей области: Богуслай оставилъ намъ мало дѣтище; мы правимъ всею землей Рускою. Уноваемъ мы на это дѣтище княженецкое: мы ждемъ въ немъ обороны крѣпкія и управы добрыя, ждемъ лишь въ немъ ума зрелага, чтобы поставить его во главу себѣ. Но сіе дѣтище неудалое, пропадаетъ отъ пево земля Славенская, опустѣеть княжество Руское: Василей Богуслаевичъ дошель едавль лѣтъ пятнадесять, а ужъ замыслы его не робацкіе и забавы его не обычныя. Прежде онъ своими шутками осиротилъ людей—смѣты нѣть: а теперь прибираеть къ себѣ богатырей изъ всея земли Рускія. Въ чемъ будетъ его такова дума? Онъ хочетъ насть прибрать во свои руки и владѣть наими своей волею. Пропадетъ наша вся слава добрая! Насмѣется намъ бѣлой свѣтъ, что мы, мудрые посадники, покорилися малому дѣтищу! Оле намъ стыда сего! О вы, посадники могучіе! Соберите вы свое единодушіе, призовите вы свой крѣпкій умъ! Не дѣтищу наими ругатися, подсѣчемъ мы зло въ его корени, поколь оно не утолищено! Мы сдѣляемъ пиръ на цѣлой мірѣ: призовемъ мы на онѣ Василья Богуслаевича и учнемъ выпытывать; поднесемъ мы ему братину вина заморскаго; буде не станетъ нить, лиъ онъ зло мыслить; буде вышѣть, во хмѣлю онъ промолвится, и чтѣ есть на сердцѣ, онъ все выскажеть. Коль примѣтимъ мы, что не кормилецъ онъ земли Славенскія, мы сорвемъ ему голову съ могучихъ плечь. Насть бѣлой свѣтъ не осудить въ томъ: не одинъ онъ роду княжескаго на бѣлой Руси, мы промыслимъ себѣ князя по сердцу. Буде жъ нѣть, проживемъ мы, братцы, и своимъ умомъ!»»

Сію мудру рѣчъ выслушавъ посадники, съ мѣсть своихъ поднимаясь и до пояса они предъ Чудиномъ поклонялися. Всѣ сказали они однимъ голосомъ: ««Быть ио твоему, какъ придумала твоя голова умная!»»

На зарѣ потомъ на утренней, на восходѣ красна солнышка, тѣхъ теремахъ тайницкихъ становять столы дубовые, разстилаютъ скатерти браныя, готовятъ юствы сахарныя, привозятъ бады зе^а

VII

вина и пива сыченаго, бросаются по гостямъ торговымъ, покупаютъ винъ заморскія, что ии пьяныя, и всѣ посадники собираются. Пріѣзжаютъ они въ Старо-Славенской дворецъ и приходятъ къ княгинѣ, честной женѣ Амелѣ Тимофеевиѣ съ честю: они просятъ ее въ Великой Новгородѣ на почестный пиръ. Имъ (въ) отвѣтъ держитъ честна жена:—Не мое дѣло по пирамъ ходить; погуляла я и патѣшилась, когда живъ быль мое солнышко, государь Богуслай, вашъ князь. Вы подите къ моему чаду милому Василю Богуславичу: можетъ, онъ почтить вашъ пиръ своею молодостью. — Чего ждали, то и сдѣлалось: идутъ мужики Новгородскіе къ своему княжичу, они просятъ его съ великою честю на свой пиръ въ Великой Новгородѣ. Василей Богуславичъ идетъ къ своей матушкѣ спрошатися, благословляеть ево княгиня къ нимъ на пиръ итить, благословляющи наказываетъ своему чаду милому:—Ты пей, мой другъ,—не пропей ума! Мужики Новгородскіе хитры лихорадивы *), обойдутъ тебя словомъ лестливымъ; но ты, когда до похвалъ дойдешь, не хвались ищчѣмъ у нихъ, лѣта твои младыя, не груби ты ии въ чемъ посадникамъ. — Сie выслушавъ Василей Богуславичъ, поклоняется своей матушкѣ, что ево надоумила, и идетъ на пиръ во Новъ-городѣ одинъ одионехонекъ; оставляетъ онъ въ дому своихъ побратениковъ, Фому и Потанюшку.

Приходитъ онъ во Новъ-городѣ. Посадники ево встрѣчаютъ на улицѣ, принимаютъ подъ бѣлы руки, ведутъ во палаты тайницкія. Тамъ сажаютъ его за столы дубовые въ переднемъ углу. Василей Богуславичъ имъ за честь покланяется и не хочетъ сѣсть во переднемъ углу. Посадники его нудять добрымъ словомъ: «Садись ты тамъ, чадо княже: тамъ сиживалъ твой батюшко, Богуслай, нашъ князь.» За слово сie доброе княжичъ ихъ послушался: садится онъ въ переднемъ углу. Ему подносятъ стону вица заморскова, онъ пить и єсть—прокляжется, онъ въ полсыта набѣдается и въ иолпъяна чаивается, онъ сидить какъ красная дѣвшушка, ни молвить онъ ии днго слова. Уже посадники на веселѣ, начинаютъ они похвалъ бржать. Иной хвалится добрымъ конемъ, иной хвалится молодой же-, иной сплою и богатствомъ, иной храбростью и мудростю: одинъ

VIII

лишь Василей Богуслаевичъ ни чѣмъ не похваляется. Тутъ встаютъ съ скамы первые посадники, Чудицъ да Сатко Богатой Гоеть, они громкимъ воинъ голосомъ: ««Ты гой еси, нашъ батюшка, Василей Богуслаевичъ! Что ты такъ пріунывъ сидишъ? Что ни чѣмъ ты не похвалишъся?»» Имъ отвѣтъ держалъ младой княжичъ: «Охъ вы люди почетные, посадники Новогородскіе! Чѣмъ предъ вами мнѣ похвалитися? Я послѣ государя моево батюшки сиротою остался малешенекъ, государыня моя матушка во вдовствѣ живеть. Хотя есть у меня золота казна, имѣнья и богатство: то не я собралъ, а мой батюшко. Когда буду я въ порѣ-времяни, тогда буду я похвалятися.»

Таковыми рѣчами посадники удивилися, начали между собою церешентывать. Наливаютъ они братину зелена вина, начинаютъ пить приговаривая: ««Кто другъ Великому Нову-граду и всей земли Славенскія, тотъ пей братину до суха!»» Подаютъ они братину Василью Богуслаевичу. Уже нельзя ему было отговорится: онъ ее въ бѣлы руки принимаетъ и до суха вышиваетъ; и сталь онъ отъ того на веселѣ. Тогда посадники опять начинаютъ похвалятися и опять приставать къ своему княжичу, для чего онъ ни чѣмъ не похвалится. Тогда засиграла въ немъ хмѣлинушка, закипѣла въ немъ кровь молодецкая, взговорилъ онъ имъ таковы рѣчи: «Ой еси вы, посадники Новгородскіе! Се похвала Василья Богуслаевича, что сидѣть ему надъ землей Славенскою и княжить надъ Рускою; быть Нову-граду всему за нимъ; онъ будетъ братъ пошлины датошныя со всея земли, съ лову заячья и гоголинаго; всѣ посадники предъ нимъ поклонятся, онъ принудить всѣхъ своею рукою богатырскою!» Выслушавъ таковы слова, всѣ посадники взволновались и кричали вопреки ему: ««Не бывать за тобой Нову-граду, не сидѣть тебѣ надъ землею Славенскою и не княжить надъ Рускою! Не доживъ поры ты похваляешься: не стерпѣть того намъ посадникамъ! Младъ еще, незрѣль твой умъ, намъ иечево отъ тебя дожидатися: на утро ты иди изъ земли нашей; не пойдешь, инъ погонимъ тебя не съ честію, потеряешь ты буйну голову!»» Имъ (въ) отвѣтъ держалъ Василей Богуслаевичъ: «Не боюсь я васъ, посадниковъ: собирайте вы всю силу Новогородскую я иду съ ней перевѣваться; не изгнать вамъ меня изъ земли Славенскія; таки быть за мной всему Нову-граду, а вамъ, посадника у ногъ моихъ!» Сказавъ сie, встаетъ онъ изъ за стола дубового, даетъ поклонъ всѣмъ посадникамъ и идетъ къ своей матушки.

IX

садники изумились, даютъ ему широкой путь. Пропустя его, думу думаютъ, похвалъбъ его насыхаются, посылаютъ они собрати всю силу Новгородскую на улицу на Рогатицу, чтобы убить имъ своего княжича, разметати его косточки по чисту полю. Они мнуть: ««Гдѣ ратовать съ нами малу дѣтищу!»»

Ужъ па вѣчѣ бывать въ большой колоколь, волнуется вся страна Старо-Славенская, собирается рать сильная па одного младаго княжича. Въ то время дошла вѣсть къ честной женѣ Амелоѣ Тимофеевиѣ, что похвалился ея мило чадо Василей Богуслаевичъ словами неудалыми, чтобы биться ему со всею силою Новгородскою. Отъ тогъ честна жена прикручинилась; она идетъ со крыльца краснаго къ своему сыну во высокъ теремъ, она укоряетъ его за незрѣлой умъ, что нагрубилъ онъ всѣмъ посадникамъ: — Гдѣ тебѣ, вѣщаеть она, биться одному противу силы Новгородскія? Погубилъ ты меня въ старости!—Сказавъ сіе, схватываетъ его въ беремечко и мчить въ ногреба бѣлы-каменныея, задвигаетъ двери засовами желѣзными, засыпаетъ ихъ песками сыпучими, оставляетъ его тутъ хмѣль выспати; а сама идетъ въ свою казнохранильницу, береть она золото блудо, насыпаетъ на него каменя самоцвѣтнаго и ёдетъ въ Великой Новгородъ ко посадникамъ. Она кланяется имъ до пояса, поставляетъ золото блудо на дубовой столъ, говорить имъ рѣчи умилыныя, чтобы простили они ея мило чадо Василья Богуслаевича за слова, чтò онъ во хмѣлю сказалъ, что нельзя ему стоять противу силы Новгородскія, ибо лѣты его младыя, чтобы, поюмия они Богуслая, своего князя, пощадили его дѣтище.

Отъ сего посадники возгордились, говорятъ они своей княгинѣ не-вѣжливо: ««Поди ты вонъ, баба старая! Не пойдешь, инъ вышлемъ тебя съ нечестію. Намъ не надобно злата-серебра, ни каменя самоцвѣтнаго, дорога намъ похвалба Богуслайченкова, намъ надобна его буйна голова!»» За такое дурно честная жена припечалилась, залилась она горючими слезы, возвратилась во свой дворецъ бѣлой-каменной, велѣла запереть широки ворота и засѣла въ кручинѣ великой.

На утрей день лишь просіялъ бѣлой день, не гуси и лебеди по-дымаются съ великаго Прмера озера, идеть то сила Новгородская

X

на улицу на Рогатицу; не вешняя вода туть облелшила, окружили то посадники и мужики Новогородские широкой дворъ Василля Богуслаевича: выбиваются они широки ворота изъ пяты, валятся они на обширной дворъ.

Туть съ ними встрѣтилась дѣвчиночка, чернешенька - малешенька: она шла изъ избы присѣшины въ рѣку Волховъ по воду, на плечѣ у неї коромыслицо, не тяжело и не легкое, — всего вѣсу въ немъ триста пудъ. Увидѣвшіи то невѣжество, вскричала она къ мужикамъ и посадникамъ: — Охъ б... вы дѣти неудалые! Смѣть ли бы вамъ ходить на широкой дворъ не спрошаючи? Почиавъ еще нашъ батюшко Василей Богуслаевичъ, а вы сюда гремѣть пришли! Погоню я васъ съ широкова двора! — Не дали ей докончить словъ, принялись ее колотить въ дубины вязовыя. За ту шутку дѣвчионка осердилась, бросаеть она ведры дубовыя, беретъ въ руки свое коромыслицо, гонитъ она ихъ съ широка двора на улицу на Рогатицу. Гдѣ лишь разъ махнетъ, тамо улица, а въ другой хватить, — съ переулочками. Побивала дѣвчионка тысячу, добивалася она до трехъ полковъ. Уже руки ея примахалися, коромыслицо изломалося: бѣжитъ она на широкой дворъ во теремы высокіе. Прибѣжалъ туда, кричитъ громкимъ голосомъ: — Вы гой еси, богатыри могуте! Чѣмъ вы спите-почиаваете? На нашего брата названаго нападаетъ вся сила Новогородская, уже выломали ворота на широкой дворъ, приступаютъ къ ногребамъ бѣлы-каменны, где почиваетъ Василей Богуслаевичъ. — Ей въ отвѣтъ сказали Фома Толстой сынъ Ремениниковъ со Потанишкой: ««Не сила то Новогородская нападаетъ на нашего брата названаго: налетѣли то комары изъ болотъ Каростанскихъ; пусть пробудять они его жужжаніемъ, а не честь будеть богатырская намъ боронить богатыря отъ болотныхъ мухъ. Опь прогонить ихъ одинъ замахомъ.»» Сие молвиавши, заверили они буйны головы во подушки пуховыя.

Между тѣмъ Василей Богуслаевичъ отъ крика - вопля народнаго пробуждается: онъ вскакиваетъ на рѣзы ноги и потряхается, отъ того въ ногребахъ стѣны бѣлы-каменны распадаются, желѣзные засовы ломаются и желты пески разсыпаются; становится онъ середи двора. То увидѣвъ сила Новогородская, бросается на него тысячами. У молодаго княжича итъ оружія, ни збору ратныхъ. За своимъ стемлянымъ вязомъ показалось ему далеко итти, ибо тѣ вязы были у

XI

него въ высокомъ теремѣ: онъ схватываеть ось дубовую необѣланную; ею гонитъ онъ силу на улицу Рогатицу; побиваеть онъ людей тысячи. Не успѣютъ посадники подковъ наготовиться. Уже вся сила дрогнула, но онъ гонитъ ихъ на чисто поле, пригоняетъ ихъ къ быстрой рѣкѣ, не даетъ имъ развернутися, не винимаетъ онъ ихъ покорности, молодецка кровь разогрѣлася, онъ хочетъ бить всѣхъ на голову.

Узрѣвши то посадники, пріучыли всѣ, буйны головы повѣсили; они бросаются во Новгородъ, насыпаютъ злата-серебра, каменъя самонѣцтва на златы блюды; идутъ они въ Старъ-Славенскъ дворецъ ко честной женѣ Амелѣ Тимофеевѣ. Они хотуть на дворь взойти, ань широки вороты заперты. Они выходятъ на улицу противъ широка терема, противу оконъ косящетыхъ, преклоняютъ они буйны головы ко сырой землѣ и кричатъ громкимъ голосомъ: ««Охъ ты мать наша, честна жена Амела Тимофеевна! Прогигѣвали мы тебя, свою осударыню, и своего княжича, твоего мила чада Василія Богуслава-вича: онъ побилъ ужъ вею силу Новогородскую. Упроси ты его словомъ родительскимъ, чтобы оставилъ онъ людей хотя на сѣмена!»» Но княгиня, то услышавши, не показала имъ своихъ ясныхъ очей, отослала ихъ съ нечестіемъ. Она лишь велѣла имъ возвѣстить: —Какъ вы дѣло затѣяли, такъ и оканчивайте; я баба старая, не возмусь за ваши дѣла ратныя.—

Посадники, услышавши свою онау великою, видять бѣду немину-чую, посижаютъ они въ Новгородъ. Тамъ жилъ Старчище Много-лѣтище: воевалъ онъ при прежнихъ князьяхъ, побивалъ онъ силы ратныя, разорялъ грады крѣшніе; но когда обуяли его лѣты древнія, не выходиль онъ изъ теремовъ своихъ ровно тридцать лѣтъ. Къ нему припадаютъ посадники и молять его спасти свою отчизну, и унять младаго княжича. Долго Старчище не слушаль ихъ, однако на кручину ихъ умиляется. Поднимается съ дубовой скамы, идетъ онъ на сборной дворь: тамъ снимаетъ онъ съ вѣча большой колоколь, которой колоколь шести сотъ пудъ; надѣваетъ оной на буйну свою голову вмѣсто шапочки. Оттолѣ шествуетъ во чисто поле, къ той быстрой рѣкѣ, гдѣ Василій Богуслава-вичъ осталъную рать доколачивалъ. Онъ, подшедъ къ нему, закричалъ громкимъ голосомъ:—Ты гой еси, Богу-слаевъ сынъ! Не за свои ты шутки принимаешься: перестань ша-

XII

лить при старомъ мужѣ! — Отъ такихъ рѣчей молодой витязь прогибается, набѣгасть онъ на Старчица Многолѣтища, бѣсть рукою крѣпко во тяжель колоколь. Красная мѣдь разсыпается, присядаетъ старой мужь къ сырой землѣ, онъ молитъ-проситъ пощады своей: — Охъ ты сильной-могучъ богатырь! Не чаяль я такой силы въ твоей младости! Я живу на свѣтѣ сто лѣтъ и двадесять, не видать я себѣ спорника и поборника: днесъ прошла моя слава богатырская, побѣдилъ меня младой юноша. Не убивай ты меня до смерти: много я служилъ Славенской землѣ, ты дай мнѣ жизнь на вспокаянье. — Убивать его Василей Богуслаевичъ не держаль ни въ умѣ въ разумѣ, а хотѣлъ ему лишь острастку дать. Поднимаетъ онъ его отъ сырой земли, обнимаетъ его въ бѣлыхъ рукахъ и отпустилъ домой съ честію.

Въ ту пору, познавъ посадники свою бѣду неубѣжную и завидѣвъ гибель скорую, бросаются въ Новгородъ, во теремы тайницкіе, они пишутъ крѣпки записи, чтобъ быть Василью Богуслаевичу княземъ надъ всемъ Новымъ-градомъ, землей Славенскою и Рускою, братъ пошлины, каки онъ хочетъ, и владѣть ему своею волею. Написавъ ту запись крѣпкую, идутъ они ко дворцу Василья Бугуслаевича, умоляютъ его названныхъ братьевъ, Фому Ременникова со Потанею, чтобы шли они упросить своего князя, перестать проливать кровь Славенскую, пощадити своихъ подданныхъ и оставити людей хотя на сѣмена.

На просьбу ихъ богатыри преклонилися, бросаютъ они вязы стемляные, кои держали на готовѣ въ рукахъ своихъ, буде бы ослабѣль въ рати братень ихъ. Они идутъ въ поле со посадниками; не дошедъ къ мѣсту побоища, кладутъ на голову запись крѣпкую и кричатъ громкимъ голосомъ: ««Здравствуй, батюшко нашъ, Славенской князь, Василей Богуслаевичъ! Перестань губить свою отчину: покорилась тебѣ земля Славенская и все княжество Руское! Поклонились къ ногамъ твоимъ всѣ посадники: вотъ ихъ запись крѣпкая, чтобъ владѣть тебѣ по своей волѣ надъ всѣмъ Великимъ Новымъ-градомъ со всѣми землями и областями!»» Они, сказавъ сіе, со всѣми посадниками у ногъ его повалились.

Тутъ Василей Богуслаевичъ укротилъ свой сильной гнѣвъ. Онъ простиль и пожаловалъ всѣхъ, кто остался отъ побоища. Онъ вла-

XIII

дѣль надъ Новымъ-градомъ съ мудростю и милостью. Никто не смѣлъ на него поднятися, всѣ состѣи дальниe присыпали къ нему мирныхъ пословъ со дары многими. Всѧ Чудь платила ему дани со вѣрностью. Онъ не держалъ рати многія: его рать была въ его братеникахъ ѡомѣ и Потанюшкѣ. Созывалъ онъ богатырей и витязей со всѣго свѣта бѣлага, съ кѣмъ бы силы опровѣдати: но не выискалось ему спорника ни противоборника. Онъ княжилъ лѣты многія, проживалъ годы мирные. Не оставилъ онъ по себѣ роду-племени: лишь оставилъ онъ свой стемляной вязъ на память Великому Нову-граду.

(Русскія сказки Чукова, часть IV).

*

3 *).

Во славномъ было въ Великомъ Новѣ-градѣ, а и жилъ тамъ Буслай девяносто лѣть, а и жилъ Буслай съ Новымъ городомъ во миру: съ мужиками Новгородскими *) не перечился, со житыми посацкими поперегъ словечка не говаривалъ; жилье Буслай и состарѣлся, состарѣлся и переставился. Послѣ его вѣку долгаго оставалось житье—бытье великое, все имѣнья посацкое, да оставалась матери вдова, матери вдова Амелоа Тимоѳеевна, да оставалось чадо милое, молодой сынъ Василій Буслаевичъ. И будетъ молодой Васька на возрастъ, отдавала его родимая матушка, матери вдова Амелоа Тимоѳеевна, граматѣ да пѣнью церковному учить. Грамата и пѣнье Васькѣ въ науку не пошло **). А и не было такого молодца супротивъ Васьки Буслева.

А и стало Васькѣ пятнадцать лѣть, выходить Васька на улицу на Рогатицу, играть со малыми со ребятами. Повадился Васька на

---

*) Оцѣнку этой сказки см. въ „Замѣткѣ.“—О.

**) Слишкомъ длинная для народнаго языка форма.—О.

***) Это уже конечно подправка: изъ пѣсень и народныхъ сказаний знаемъ противное.—О.

улицу на Рогатицу гулять, со удалыми молодцы до пьяну напиваются. А и ходить Васька съ ними по улицѣ, а и ходить—уродуетъ: кото-рого возьметъ за руку, изъ плеча руку выдернетъ; котораго возь-метъ за голову, у того головы не бывало. Пошла по Нову-городу жа-лоба великая на Ваську Буслаева. Сошлись мужики Новогородскіе и думали думушку крѣпкую. А мужики-то Новогородскіе, все люди по-сацкіе, богатые, несутъ жалобу великую къ матерой вдовѣ Амелоѣ Тимооевнѣ, а и говорять таковы рѣчи: ««Ты гой еси, честна вдо-ва Амелоа Тимооевна! Уими ты свое чадо милое, Василія Буслае-вича: ходить онъ на улицу на Рогатицу, водитъ дружбу со удалыми молодцы, со удалыми молодцы до пьяну напивается, надъ мужики Новогородскими насмѣхается; котораго возьметъ за руку, изъ плеча руку выдернетъ; котораго возьметъ за ногу, ногу выдернетъ; кото-рого возьметъ за голову, головы не бывало. Сонзоль, честна вдо-ва Амелоа Тимооевна, сказать свою заповѣдь великую Василью Буслаевичу: не ходить на улицу на Рогатицу, не играть но своему. Ужь нашъ Великой Новгородъ отъ его шутокъ порѣже стать.»» И чинить отповѣдь честна вдова Амелоа Тимооевна мужикамъ Ново-городскіимъ, обѣщаетъ надъ Ваською дать управу. И чинить почесть честна вдова Амелоа Тимооевна мужикамъ Новогородскіимъ. А и стала мать Ваську журить-бранить, журить-бранить, его на умъ учить: — Перестань, Васька, па улицу на Рогатицу ходить, не во-дись со удалыми молодцы, не пей вина до пьяна, не шуты шутокъ до смертнова съ мужиками Новогородскими. Не въ твои лѣта малыя шутить шутки богатырскія, вынимать руки изъ могучихъ плечъ, со-нимать буйны головы со добрыхъ людей. Скорбять на тебя мужики Новогородскіе и весь міръ крещеный. Съ твоей ли силой стать на тысячу? Будеть ты побьешь тысячу, а за тысячую ихъ смѣты пѣть. Заповѣдаю тебѣ моимъ словомъ великіимъ: не ходить на улицу на Рогатицу, не водить дружбу съ удалыми молодцы, не пить съ ними вина до пьяна, не шутить съ мужиками Новогородскими шутки бога-тырскія.—Честной вдовѣ Амелоѣ Тимооевнѣ, своей родной матушкѣ, Васька поклоняется до сырой земли, а въ отвѣтъ держить таковы рѣчи: «Осударыня моя матушка! Не боюсь страху посадниковъ, не страшины мнѣ мужики Новогородскіе, а боюсь твоей великой запо-вѣди, страшно мнѣ твое слово великое. Не пойду на улицу на Ро-гатицу, не сведу дружбы со удалыми молодцы, не стану шутить

шутки богатырскія. Не таланъ же миѣ сидѣть дома, не таланъ же силу безъ пробы износить. Придетъ пора, укорочу я мужиковъ Новогородскіихъ: придутъ съ покорищемъ посадники. Прикажи своимъ словомъ, родимая, накурить зелена вина, наварить меду иьянова, потешить Новгородъ съ мужиками Новогородскими.»

Пошелъ Васька во высокъ теремъ, садился олъ, Васька, на ренччатый стуль, писаль ярлыки скорописчаты, а въ ярлыкахъ отъ мудрости слово поставлено: «Кто хочетъ пить да ъесть готовое, вались къ Васькѣ на широкъ дворъ, пей, ъши до сыта, носи платье разноцвѣтное до вѣку. А шель бы на широкъ дворъ не обсылаючи, понадѣючись на буйну голову.» Несуть бюрючи по улицамъ ярлыки скорописчаты, кличутъ клич по улицамъ широкимъ, по тѣмъ частымъ переулкамъ. Выставляль Васька у своихъ бѣлокаменныхъ палатъ, у своихъ широкихъ воротъ, чаны дубовые, наливаль въ нихъ зелена вина, меду иьянова съ краями полны, опускалъ въ чаны дубовые золоты чары во тридцать пудъ со камнями самоцвѣтными. Во славномъ было Новѣградѣ, шли люди граматные, читали ярлыки скорописчаты. Васька сидить во своемъ терему, смотрить въ окошко косящатое: чаны стоять непочаты, а повольниковъ по улицамъ иѣть. Идуть къ Васькѣ на широкой дворъ къ тому чану, къ зелену вину, къ меду пьяному, идетъ Фомка Ремениниковъ къ широку двору, не обсылаючи: беретъ чару единой рукой, выпиваетъ чару единствимъ духомъ. Какъ завидѣть то Васька, бѣжитъ съ высока терема не одѣваючись, за собой тащить червленой вязъ, вѣсомъ тотъ вязъ во двѣнадцать пудъ, а въ томъ червленомъ вязу въ половинѣ было налито свинца Сорочинскаго *), и тутъ Васька сталъ его Фомку опробовать, сталъ его бити червленымъ вязомъ по уху по правому: стоитъ Фомка — не шевельнется, на буйной головѣ кудри не тряжнутся. Загорается ретиво сердце у Васьки Буслаева, отъ дива руки опускаются. «Гой еси ты, Фомка Ремениниковъ!» говорить Васька Буслаевъ: «а и будь ты миѣ названой братъ, пуще брата родимаго!» Ведеть его Васька во высокъ теремъ, и тутъ они кладуть промежъ себя слово крѣпкое: «Быть одинъ за одинъ, пить изъ од-

---

*) Это, какъ и въ сказкѣ Чулкова, выдумка, вмѣсто народнаго — „Чебурацкаго.“ — О.

ной чары, носить цвѣтино платье съ одного плеча.» И сажаетъ его Васька за столы дубовые, за скатерти браныя, за ъества сахарныя, за питья медвяныя. Пьють-прохлаждаются отъ утра до вечера, отъ ранней утренней зари до свѣту бѣлаго. Вертится у Васьки ретивое, думаетъ Васька думу крѣпкую, а самъ въ окошечко поглядываетъ: не придетъ ли кто къ дубовымъ чанамъ не спрошающи? Идетъ-плыветь по улицѣ удалъ-добрый молодецъ Потанишка, маль-махехоекъ, невеличекъ, на одну ногу ирихрамываетъ, на головкѣ шапочку охорашиваетъ, на высокъ теремъ поглядываетъ. Приходитъ онъ, Потанишка, къ дубовымъ чанамъ, бросаетъ золоту чару за вереюшку, подымаетъ чанъ съ зеленымъ виномъ единой рукой, выливаетъ зелено вино единственнымъ духомъ до суха: только и видѣли зелено вино. А выливши, разбивается Потанишка дубовой чанъ о сырь землю: и того чана дубового не осталося ни полщепочки. А Васька въ окошечко косящатое на удалъ молодецкую посматриваетъ, горько *) поглядываетъ, а завидѣвши его обычья богатырскія, кричитъ громкимъ голосомъ: «Гой еси ты, братецъ мой, Омка Ременниковъ! Пришелъ къ намъ удалъ-добрый молодецъ, нашъ названой братъ. Бери ты палицу булатную во пятьдесятъ пудъ, бѣги со терема высокова въ широки ворота.» Бѣгутъ Васька съ Омкою въ широки ворота, бываютъ Потанишку въ его буйну голову: Потанишка стоять—не шевельнется, палицы на щепочки разлетаются, а на Потанишкѣ головушка не тряхнется. Берутъ Потанишку подъ бѣлы руки, ведутъ его на широкъ дворъ, на крыльцо красное, во терема златоверхіе. А и тутъ они цѣловались, и кладутъ промежъ себя слово крѣпкое: «Быть одинъ за одинъ, пить изъ одной чары, носить цвѣтино платье съ одного плеча.» И сажаютъ они братца названаго за столы дубовые, за скатерти браныя, за ъества сахарныя, за питья медвяныя. Пьють-прохлаждаются отъ утра до вечера, отъ ранней утренней зари до свѣту бѣлаго. А и мало время позамѣшкавши, идутъ къ нимъ гости не спрошающи, идутъ Дѣти Боярскіи, Лука да Матвей **). Васька молодцамъ сталаъ радешенекъ и веселешенекъ. А и мало время позамѣшкавши, пришли мужики Залѣшане; единой сходкой входятъ они на широкъ

*) Зорко?—О.

**) Монсей.—О.

XVII

дворъ, единымъ словомъ говорять таковы рѣчи: ««А и не было такого удалаго-добра молодца супротивъ Васьки Буслаевича, а нынѣ во теремѣ потѣшается, названными братцами похваляется, а нась Васька на встрѣчу не встрѣчаетъ, чановъ не поставляетъ.»» Тутъ Васька спохватился, что Потанишка сокрушилъ чаны, что въ укоръ дался мужикамъ Залѣшанамъ. А и говорить Васька таковы слова: «Есть про васъ чаны дубовые съ зеленымъ виномъ, есть про васъ меды пьяные во подвалахъ. Коли добръ человѣкъ есть изъ васъ, иди сюда: пей-ѣшь, прохлажайся, со мной, Васькой, потѣшайся.» И вошли мужики Залѣшане къ Васькѣ во высокъ теремъ. Сходилися-собиралися къ Васькѣ добры молодцы со всѣхъ концовъ, опричь Посацкой. И было всѣхъ тридцать молодцовъ безъ единаго, а самъ Васька тридатой сталъ

Скоро прослышали мужики посацкіе про Ваську Буслаева и про его названныхъ братцовъ, что живутъ они съ нимъ безъ выходу, пьють-ѣдятъ съ одного стола, носятъ цвѣтно платье съ одного плеча, грозить грозу всему Новугороду. Собирались мужики посацкіе въ терема тайницкіе, собиралися—по скамьямъ садились. А и мало время по-замѣшкавши, встаетъ тутъ чюденъ старецъ, матерь человѣкъ. Мужики Новогородскіе прюсамились, отъ стараго до малаго всѣ били челомъ. А и стала чюденъ старецъ, матерь человѣкъ посередь терема тайницкаго, на всѣ стороны онъ поклоняется, сѣду бороду поглаживаетъ, о посохѣ вязовой спирается и говорить слово мудрое: «Вы гой еси, мужики посацкіе! Вѣдомо вамъ дѣтище неудалое, Василій Буслаевичъ, вѣдомы вамъ его замыслы неребяцкіе, знаемы вамъ его забавы необычныя: собираетъ онъ названныхъ братцовъ, живеть съ ними безъ выходу, пить-ѣсть съ одного стола, носятъ цвѣтно платье съ одного плеча, грозить грозу всему Новугороду. Прежь того шутилъ онъ шутки великия, сиротиль людей—смѣты нѣть: а теперь задумаль дѣло злое, прибираетъ нась подъ свои руки крѣпкія, владѣть нами по своей волѣ. Не дѣтищу ругатися мужикамъ посацкіимъ: поживемъ мы, люди посацкіе, своимъ умомъ. Созовемъ пиръ на цѣлой мірѣ для Василія Буслаевича: будетъ онъ на пиру, ударимъ челомъ отъ всей поземщины, поднесемъ ему братину вина заморскаго; будетъ становеть нить, во хмѣлю промолвится; будетъ пить не станетъ, инъ зло на нась мыслить. Будетъ не кормилецъ намъ, сорвемъ ему голову съ могучихъ плечъ. Насть бѣлой свѣтъ не охулитъ, ужъ и онъ намъ

XVIII

остуды не положить. Не одинъ опь во Новѣгородѣ, промыслимъ доброго молодца по сердцу.» Кланился чудень старецъ, матеръ человѣкъ на всѣ стороны. Поднималися мужики посацкіе съ мѣсть своихъ, кланились старцу до поясу и говорили всѣ во едину рѣчи: ««Быть по твоему, какъ придумала твоя голова уинная!»» На зарѣ было на утренней, на вѣходѣ красна солнышка, подымалися мужики посацкіе, становили столы дубовые во тѣхъ теремахъ тайницкихъ, разстилали скатерти браныя, ставили Ѳства сахарныя, привозили боды съ зеленымъ виномъ да съ медомъ сыченымъ; приходили гости торговые съ винами заморскими, ни съ пьяными, ни съ похмѣльными *). Идутъ мужики посацкіе къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелоѣ Тимооевнѣ съ честю, просятъ матеру вдову на честной пирѣ и говорять таковы рѣчи: ««Гой еси ты, матера вдова, честна жена Амелоа Тимооевна! Иди къ намъ на честной пирѣ.»» И кланились мужики Новгородскіе до пояса. Возговорить имъ матери вдова, честна жена Амелоа Тимооевна: — Не мое дѣло по пирѣ ходить: было время свѣтлое, погуляла я и натѣшилась, какъ жилъ-былъ мое солнышко, осударь Буслай. Подите вы къ моему дѣтищу, Василю Буслаевичу: онъ почтитъ вашъ пирѣ своею молодостью. — Идутъ мужики посацкіе къ Василю Буслаеву во высокъ теремъ, просятъ Ваську съ великою честю на великий пирѣ и говорять таковы рѣчи: ««Гой еси ты, Васпій Буслаевич! Иди къ намъ на честной пирѣ.»» Выслушалъ рѣчи посольскія, идетъ Васька къ матерой вдовѣ, къ честной своей матери Амелоѣ Тимооевнѣ, спрошать благословеніе на пирѣ итти къ мужикамъ посацкимъ. Говорить ему честна вдова Амелоа Тимооевна: — Ты пей, мое дѣтище, не до пьяна: мужики посацкіе хитры-лихорадливы; не взвидиши ты, мое милое дѣтище, какъ обойдуть тебя словомъ лестливымъ. Будетъ учнуть хвалить тебя мужики посацкіе, не хвались, мое дѣтище: лѣта твои малыя. Будетъ учнуть тебѣ поминать про шутки молодецкія, не чини отповѣдь грубую: лѣта твои малыя.—И даетъ ему благословеніе матери вдова, честна жена Амелоа Тимооевна, итти на пирѣ къ мужикамъ посацкимъ. И чинилъ Васька отповѣдь

---

*) Это что такое? См. „Замѣтку.“ — О.

XIX

мужикамъ посацкимъ, быть къ начь на честной пиръ одинъ па одинъ. Справѣдали согласіе мужики посацкіе, собирались въ терема тайницкіе.

Прослышалъ Васька про канунъ варенья—пива ячныя у мужиковъ посацкихъ, пошелъ въ терема тайницкіе. Встрѣчаютъ Ваську въ теремахъ тайницкихъ мужики посацкіе, принимаютъ его подъ бѣлы руки, ведутъ въ палаты посольскія, сажаютъ за столы дубовые, въ переднемъ углу. Говорить Васька мужикамъ посацкимъ: «Вы гой еси, люди степенные, честны мужики посацкіе! Велика честь моей молодости: есть постарше меня.» И кланялся Васька за честь мужикамъ посацкимъ. И пудили Ваську посацкіе ласковымъ словомъ: ««Садись, дѣтище: тутъ сиживаль твой родимый батюшка, Буслай Довмонтьевич *).»» И кланялся Васька за честь мужикамъ посацкимъ пуще того. Пустились мужики посацкіе на злорадны хитрости, говорили небылы рѣчи: ««Садись, дѣтище: сидѣть тебѣ будетъ на отнемъ столѣ и править мужиками посацкими по своей волѣ.»» За сие слово Васька спохватывается, во передней уголь сажается. И стали чевствовать Ваську мужики посацкіе. Застучали стопы съ зеленымъ виномъ, понеслись **) юства сахарныя. Пьють-ѣдятъ, прохлаждаются, въ полыни напиваются, рѣчи держать крупыя. Одинъ Васька сидѣть не шынъ, сидѣть — не молвить словечушка. Стали мужики посацкіе похвалу держать; Садко ***) молвить: ««А и нѣть нигдѣ такого ворона коня супротивъ моего Сокола ****): онъ броду не спрашиваетъ, рѣки проскаакиваетъ, долы промахивается, горы перелетываетъ.»» Чурило ****) молвить: ««А и нѣть такой нигдѣ молодой жены супротивъ моей Настасьи Апраксѣевны: ужъ она ли ступить не стушитъ—по алу бархату; юсть юства сахарныя, зашиваетъ сытой медовой; ужъ у моей ли молодой жены очи соколы, брови соболы, походка павлинная, грудь лебединая, а и краше ея

---

*) Отчество Буслая присочинено.—*O.*

**) Не народно.—*O.*

***) Вотъ и Садко, помянутый Чулковымъ.—*O.*

****) Соколъ у Садки былъ не конь, а корабль.—*O.*

*****) Для краснаго слонца иональ сюда и Чурило, притомъ съ чужою женой—Дунава Ивановича.—*O.*

XX

пѣть нигдѣ во всей околицѣ поднебесной.»» Костя Новоторженинъ молвить: ««А и нѣть нигдѣ такого богачества супротивъ моего: три корабля плывутъ за синими морями съ крупнымъ жемчугомъ, три корабля плывутъ по лукоморью съ соболями, три корабля плывутъ по морю Хвалынскому со камнями самоцвѣтными, а златомъ и серебромъ потягаюсь со всѣмъ Новымъ-городомъ.»» Ставръ *) молвить: ««А и нѣть нигдѣ такого удалаго молодца супротивъ Ставра: юнити ли онъ въ поѣздѣ богатырскомъ—не вѣтры въ поляхъ подымаются, не вихри буйные крутятъ пыль черную, выѣзжаетъ сильный-могучъ богатырь Ставръ Путятичъ **) на своемъ конѣ богатырскомъ, съ своимъ слугой Анкудиномъ. На Ставрѣ доспѣхи ратные словно жаръ горятъ, на бедрѣ виситъ мечъ кладенецъ, во правой рукѣ копье булатное, во лѣвой шелковая плеть, того ли шелку Шемаханскаго, на конѣ сбруя красна золота. Наѣзжаетъ Ставръ на Чудъ поганую, вскрикиваетъ богатырскимъ голосомъ, засвистываетъ молодецкимъ посвистомъ: сыры боры преклоняются, зелены листы съ деревъ опускаются; онъ бѣть коня по крутымъ бедрамъ: богатырской конь осережается, мечеть изъ-подъ копытъ по сѣнной коннѣ, бѣжитъ въ полѣ—земля дрожитъ, изо рта пламя валить, изъ ноздрей дымъ столбомъ. Ставръ гонитъ силу поганую, конемъ вернетъ—улица, копьемъ махнетъ—нѣть тысячи, мечемъ хватить—лежитъ тьма людей.»» Задумался Васька, держитъ онъ думу крѣпкую, слушаетъ рѣчи мужиковъ посацкихъ, а самъ ви чѣмъ пе похваляется. А и тутъ посацкие догадались, догадались-спохватились, встаютъ со скамы, а сами молвять: ««Ты гой еси, дѣтище, Василій Буслаевичъ! Ты что по что пріунылъ сидишъ, что ни чѣмъ не хвалишься?»» Встаетъ Васька со скамы, встаетъ—всѣмъ покланяется и держитъ отповѣдь: «На чтѣ мнѣ, молодцу, радоватися? Чѣмъ передъ вами похвалятися? Оставилъ меня осударь батюшка во сиротствѣ, а осударыня матушка живетъ во вдовствѣ. Есть у меня золота казна, богатства несметныя, и то я не самъ добыль: оставилъ мнѣ осударь батюшка; моя эта малая, похвалятися мнѣ не чѣмъ; придетъ пора да время, и я буду похвалятися.» Отъ слова умнаго Васьки Буслаева мужики

*) Сколько набралъ издатель богатырей изъ Кирши, и съ такими рѣчами, какихъ имъ никогда не вложилъ бы народъ!—O.

**) У народа „Годиновичъ.“—O.

посацкіе дивовалися, стали промежь себя перешептывать: ««Зло держить Васька на сердцѣ.»» Наливаютъ братину зелена вина, ставить на столы дубовые, отошедъ кланяются и всѣ едину рѣчъ говорять: ««Кто хочетъ дружить Новугороду, тотъ пей зелено вино до суха!»» Садятся мужики посацкіе за дубовы столы усмѣхаючись и ждутъ отповѣди отъ Васьки. Встаетъ Васька—поклоняется, примираеть братину во бѣлы руки, выливаетъ зелено вино единымъ душомъ. И стала братина пуста до суха, а Васька сидитъ въ полныица. Заиграла хмѣлинушка, закипѣла кровь молодецкая и стала Васька похвалятися: «Глупые вы, неразумные, мужики посацкіе! Взять будетъ Василью Буслаевичу Новгородъ за себя, править будетъ мужикамъ посацкимъ на своей волѣ, братъ будетъ пошлины даточныя со всей земли, съ лову заячьяго и гоголинаго, съ забѣжихъ гостей пошлины мытныя, а мужикамъ посацкимъ будетъ лежать у ногъ моихъ!» Нелюбы стали мужикамъ посацкимъ рѣчи спорные, закричали всѣ во едино слово: ««Младъ еще ты, дѣтище неудалое, незрѣль твой умъ: не бывать за тобой Новугороду, потерять тебѣ буйну голову. Не честь тебѣ съ нами жить, иѣть про тебя съ нами земли!»» Разгорается сердце молодецкое пуще прежняго, раскалается голова буйная: «Не честь миѣ съ вами жить,»—отповѣдь держить Васька —«иду съ вами перевѣдаться!» Встаетъ Васька изъ за стола дубового, встаетъ—идетъ, не кланяется. И только видѣли его.

Собираются въ терема тайницкіе мужики посацкіе, думаютъ думу крѣпкую, пишутъ записи поручныя: ««Битися-дратися всею дружиною съ Ваською, а въ великъ закладъ за Новгородъ держимъ дани и выгоды *) по три тысячи на всякъ годъ.»» И на томъ мужики посацкіе руки подписали. Скоро спровѣдѣаетъ матера вдова, честна жена Амела Тимофеевна, что ея дѣтище похваляется словами неудачными,想要 битися со всѣми мужиками посацкими; береть она золото блюдо, насыпаетъ на него каменья самоцвѣтныя, идетъ къ мужикамъ посацкимъ и во слезахъ молвитъ рѣчи умилныя:—Нельзя стоять дѣтищу малому противъ всей силы Новгородской.—И кланяясь мужикамъ посацкимъ каменьями самоцвѣтными, а кланявшиесь

*) Выходы.—О.

XXII

ставила золото блюдо на дубовый столъ. Зартачились мужики посацкіе: ««Намъ не надобно злата и серебра, и каменья самоцѣтнаго: дорога похвальба Буслайченкова!»» На томъ и рѣчъ ставили мужики посацкіе.

Не чистая вода по лугамъ разлѣялась, не бѣлы лебеди со водъ чистыхъ подымалися: сходилися-собиралися мужики посацкіе, сходились на улицу на Рогатицу, собирались ратью сильною противъ Васьки Буслаева. Втаноры матера вдова, честна жена Амелea Тимофеевна догадалася, схватила Ваську въ беремище, кидала въ погреба бѣлокаменины, задвигала двери засовами желѣзными, засыпала песками сыпучими. Стучать мужики посацкіе въ ворота дубовые, а отповѣди нѣтъ. И выбиваются они широки ворота изъ пяты, валятся на широкъ дворъ ко крыльцу рѣшетчату. Втаноры на встрѣчу имъ выходить изъ избы приспѣшная дѣвка чернавка, малешенька-чернешенька, на плечѣ виситъ у ней коромыслицо, не тяжело, не велико—вѣсомъ въ триста пудъ, а сама кричить: — Охъ вы, мужики посацкіе, глупые-неразумные! Смѣть ли бы вамъ ходить на широкъ дворъ не спрошаючи! Погоню я васъ съ широка двора! — За такое дурпо учали мужики посацкіе бить дѣвку чернавку въ дубны вязовыя. За тѣ шутки неумѣстныя дѣвка осережается, бросаетъ ведра дубовые, хватаетъ въ руки коромыслицо вязовое, гонить мужиковъ посацкіихъ съ широка двора на улицу на Рогатицу. Гдѣ разъ махнетъ, тамъ улица; гдѣ два махнетъ, тамъ улица съ переулочками. Побивала дѣвка тысячу, добиралася дѣвка до трехъ полковъ. Бѣлы руки примахались, коромыслицо изломалось, стало дѣвкѣ не въ мочь. Бѣжитъ дѣвка въ терема высокіе, кричить дѣвка: — Вы гой еси, богатыри могучие! Нападаетъ вся сила Новгородская на Василья Буслаевича, разломала широки ворота, приступаетъ къ погребамъ бѣлокаменинымъ, хотятъ сожмать буйну голову съ Василья Буслаевича.—Ѳомка Ременниковъ со Щоташюшкой просыпаются, на всѣ стороны оглядываются, а и говорять дѣвкѣ таковы рѣчи: ««Не сила то Новгородская падаетъ на брата названнаго, на Ваську Буслаева: шалетають то комары изъ болотъ. Не честь будетъ богатырская боронить богатыря отъ болотныхъ мухъ.»» А молвиши таково слово, Ѣомка со Щоташюшкой, завернули они буйны головы во подушки пуховые. Только лхъ и слышали. Завопила дѣвка пуще прежнаго.

XXIII

Отъ того ли крика Васька пробуждается: онъ встаетъ—поднимается, па рѣзы ноги опирается, бѣло-каменны погреба распадаются, желѣзы засовы ломаются, желты пески разсыпаются; онъ вскочилъ на широкъ дворъ: на дворѣ вся сила Новогородская. А и не было на Васькѣ сбруи ратныя, не попалась ему палица желѣзная, что попалась ему ось телѣжная: гонитъ ею Васька мужиковъ Новогородскихъ на улицу на Рогатицу. Бѣются мужики съ Ваською, хотеть Васька побить всѣхъ на голову. Махнетъ Васька на право—вся улица пуста; махнетъ на лѣво—въ переулочкахъ пусто. Ужъ учаль побиватъ Васька третью тысячу. Пріуныли мужики посацкіе, повѣсили буйны головы, идутъ въ терема тайницкіе, насышаютъ зата и серебра, и каменъя самоцвѣтнаго, идутъ къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелоѣ Тимооевнѣ. Клонять мужики посацкіе буйны головы предъ окошками косящатыми и молвятъ во едину рѣчъ: ««Гой еси ты, матера вдова, честна жена Амелоа Тимооевна! Прогнѣвали мы, люди глупые, тебя, осударыню, нагрубили рѣчью гробою твоему дѣтищу, Василью Буслаевичу. Побилъ онъ рать несмѣтную, грозить извѣсть весь Повгородъ. Упроси ты его словомъ ласковымъ оставить людей на стѣна.»» И кланялись мужики посацкіе златомъ и серебромъ, и каменъями самоцвѣтными. Отсыпала ихъ матера вдова, честна жена Амелоа Тимооевна съ нечестіемъ.

Вспомнили мужики посацкіе про Старчища Многолѣтища. Идутъ мужики посацкіе въ почестной монастырь, буйны головы повѣсили, бѣютъ чelомъ Старчищу Многолѣтицу и просятъ его во едину рѣчъ унять шутки неудалыя Васьки Буслаева. А молвить имъ Старчище Многолѣтище:—Гой еси вы, мужики посацкіе! Побиваль я рати сильныя, разорялъ грады крѣпкіе, а понѣсь обуялъ меня лѣта древнія, сижу я во теремѣ неисходно ровно тридцать лѣтъ. Не моей старости унять шутки неудалыя Васильки Буслаева. — И на томъ ставиаль рѣчъ свою Старчище Многолѣтище. И прошали мужики посацкіе его пуще прежняго. Старчище съ дубовой скамы подымается, словно соколь молодой воздымается, не береть онъ ни налици булатныя, ни сбруи ратныя, а надѣваетъ на голову колоколь во триста пудъ вмѣсто шапочки. Идетъ Старчище Малолѣтище *) на улицу на Рогатицу. Добивалъ

*) Многолѣтище.—О.

Васька третью тысячу, а добивши Васька бѣжитъ по улицамъ широкимъ. Стоитъ тутъ Старчище Многолѣтище, на могучихъ плечахъ держить колоколь во триста пудъ, безъ сбруи ратныя, безъ палцы булатныя. Кричить тотъ Старчище Многолѣтище:—А и стой ты, Васька, не попархивай, молодой глаздырь не полетывай: изъ Волхова воды не выйти, есть молодцовъ супротивъ тебя! Стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ, не шутимъ шутки неудалыя!—Отъ таковыхъ рѣчей Васька разсержается, а молвить таково слово: «А и гой еси ты, Старчище Многолѣтище! А и бился я о великъ закладъ со мужики Новгородскими опричь тебя, Старчища Многолѣтища: Въ задоръ войду, тебя убью!» И ударилъ Васька Старчища во колоколь тою осью телѣжною: качается Старецъ, шевелится, ко сырой землѣ клонится. Заглянуль онъ Васька Старцу подъ колоколь: а во лбѣ глазъ ужъ вѣку нѣту. И просить Ваську Старчище Многолѣтище дать животъ на вспокаяніе. Поднимаетъ Васька Старчища со сырой земли, обнимаетъ его во бѣлыхъ рукахъ и отпускаеть на покой съ честію *).

Пошелъ Васька по Волхвъ-рѣкѣ, по той улицѣ Волховой, завидѣли его удалы молодцы, Фомка со Потанюшкой: у ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ молодцовъ думушки прибыло. Молодой Васька сталъ выручать ихъ.

Втапоры мужики посацкіе вспознали бѣду неминучую, идуть въ терема тайницкіе, пишутъ крѣшки записи: ««Быть Новугороду за Васько Буслаевымъ.»» Насыпаютъ чашу чиста серебра, а другую чашу красна золота со камнями самоцвѣтными, идуть къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелѣ Тимофеевнѣ. Пришли они къ терему высокому, бывать челомъ — поклоняются: ««Осударыня матушка! Пріймай ты дороги подарочки, унимай свое чадо милое, молода Василья со дружиною. А и ради мы платить на всякъ годъ по три тысячи, на всякъ годъ будемъ носить съ хлѣбниковъ по хлѣбiku, съ калачниковъ по калачику, съ молодцовъ повѣнечное, съ дѣвицѣ поваленное, со всѣхъ людей и со ремесленныхъ, опричь поповъ и дьяковъ.»» И на томъ ставили рѣчъ свою мужики посацкіе.

---

*) Этотъ исходъ у Чулкова и принять Сахаровыми: Буслаевъ убилъ Старца и это-то обозначено словами—„во лбѣ глазъ ужъ вѣку нѣть.“—O.

Втапоры матера вдова, честна жена Амелоа Тимооеевна опосыпаеть дѣвку чернавку привесть Ваську со дружиною. И пошла та дѣвка чернавка по Ваську, а идетъ дѣвка—запыхалася, нельзя дѣвкѣ по улицѣ пройти: полтеи по улицѣ валяются отъ мужиковъ Новогородскіихъ. Прибѣжала дѣвка чернавка, схватила Ваську за бѣлы руки, учала ему разсказывати:—Не вѣдаешь ты, малое дѣтище, что пришли мужики Новогородскіе, принесли они дороги подарочки и принесли записи поручныя ко твоей осударынѣ матушкѣ, къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелѣ Тимооеевнѣ.—И на томъ дѣвка рѣчъ свою ставила. Ведеть дѣвка Ваську со дружиною на широкъ дворъ, приводить дѣвка Ваську къ зелену вину.

И сѣли молодцы во единъ кругъ, выпивали по чарѣ зелена вина съ того уразу молодецкаго. Кричить Фомка Ременниковъ со Потанишкой: ««У мота, у пьяницы, у молода Васьки Буслаева не упито не уѣдено, вкраснѣ хорошо не ухожено, цвѣтна платья не уношено, увѣчье на вѣкъ залѣчено *!»» И повель Васька молодцовъ ко осударынѣ своей матушкѣ, къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелѣ Тимооеевнѣ. Втапоры мужики посадкіе клали записи поручныя на буйны головы, приносили дороги подарочки, вдругъ сто тысячей. И съ той поры мужики посадкіе поклонилися, поклонилися—сами покорилися.

(«Русск. нар. сказки», Сахарова, 1841 г.).

---

* Такъ, обличая свой источникъ, ошибочно исправляетъ Сахаровъ выражение изъ сборника Кирши; см. въ пѣсняхъ.—O.

II.

С К А З К А

про Новгородца Акундина и Князя Глѣба Ольговича *).

Соизвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою словеса немудрья, какъ въ стары годы прежніе жили люди старые. А и то-то, родимые, были вѣки мудрые, вѣки мудрые, народъ все православный. Живали старики не по нашему, не по нашему—по заморскому, а по своему—православному. А житье-то, а житье-то было все привольное да раздольное. Вставали ранымъ раненько, съ утренней зарей, умывались ключевой водой со бѣлой росой, молились всѣмъ святымъ и угодникамъ, кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада, выходили на красень крылецъ со рѣшеточкой, созывали слугъ вѣриныхъ на добры дѣла. Старики судь рядили, молодые слушали, старики придумывали крѣпкія думушки, молодые бывали во посыушкахъ. Молодыя молодицы нравили домкомъ, красныя дѣвицы завивали вѣнки на Семикъ день. Старыя стаrushки судили-рядили и сказки сказывали. Бывали радости великия на Великъ день, бывали бѣды со кручинами на велико сиротство. А что было, то былъю поросло; а что будетъ, то будетъ не по старому, а по новому. Русскимъ людямъ долгое житье, а родимой сто ронѣ долѣ того.

Какъ во старомъ было городѣ, братцы, во Новѣгородѣ, какъ во томъ ли во Новѣгородѣ жилъ Акундинъ молодецъ, а и туть ли

---

*) О значеніи этой сказки, еще болѣе испорченной, чѣмъ предыдущая, см. въ „Замѣткѣ.“—О.

XXVII

Акундинъ, молодой молоцъ, былъ со посадской стороны, со посадской стороны, со торговой. Ужь и онъ ли, Акундинъ, ни пива не варилъ, ни вина не курилъ, ни въ торгу торговалъ, а ходилъ онъ, Акундинъ, со повольщицей, и гулялъ онъ, Акундинъ, по Волгѣ по рѣкѣ на суденышкахъ. Понаскучило ему, Акундину, повольнице водить; вотъ и думаетъ Акундинъ: кабы ему до Кіева дойти, во Москвѣ побывать? Садится Акундинъ на суденышко оснащенное, береть весельца кленовыя, кладеть весельца кленовыя во замки дубовые, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко по Волхвѣ по рѣкѣ, а плыло суденышко ровно тридцать и три дня, и прибило суденышко ко круту бережку. На ту пору Акундинъ пробуждается ото сна, а самъ съ собой думу думаетъ: «А и что то за городъ? А и что то за люди?» Подумавши Акундинъ подымался въ нарядъ со суденышком на круть бережокъ. Какъ во ту пору на встрѣчу ему идетъ Калѣчище Переходжий.—Богъ на помочь и добрый путь молодцу заѣзжуему!—говорить Калѣчище Переходжий. «Спасибо тѣ на ласковомъ словѣ», молвить Акундинъ. И били челомъ другъ другу. А бивши челомъ, спрашаль Акундинъ его Калѣчища: «А и что то за сторона? А что то за городъ? А и что то за люди?» И молвить Калѣчище:—Сторона то широкая, что отъ Оки рѣки потягла до Дону глубокаго, зовутъ Рязанью, а править тою стороной столъный князь Олегъ; а что городъ-то поселень по Окѣ по рѣкѣ, то зовутъ Ростиславль, а на столѣ княжить Рязанскаго роду князь, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ; а люди-то Рязанцы, его молода князя Глѣба Олеговича слуги исконныя. — «Такъ!» молвилъ Акундинъ, да и задумался, а задумавши говорить себѣ рѣчь невзначай: «А кабы ты широкую сторону Рязань, и со молодымъ княземъ Глѣбомъ Олеговичемъ, и со всѣми его исконными слугами покорить Новугороду?» Во ту пору Калѣчище слушалъ его слова неудалыя, а самъ себѣ держитъ на умѣ:—Не ко-рыстна сторона для Новагорода: кабы Рязань не полонили злы Татарове, кабы Рязань не обложили данью великою, постояла бъ Рязань за себя. Да и Рязань не та чета Новугороду. — А и мало время помышкавши, береть Калѣчище Акундуна за его бѣлы руки, ведеть его, Акундуна, поодаль крута бережка, и ставить его, Акундуна, па высокъ кургацъ, а становивши на высокъ курганъ говорилъ таковы рѣчи: — Погляди-ко, молодой молоцъ, па городъ

XXVIII

Ростиславль, а поглядѣвши повѣдай, что дѣется во городѣ во Ростиславль?—Какъ глянулъ Акундинъ во городъ во Ростиславль, а тамъ бѣда великая: исконныя слуги молода князя Глѣба Олеговича стоять посередь торга, хотять войной городъ отстоять, да силы нѣтъ войной стоять. Какъ загорѣлось у Акундина ретивое сердечушко по исконнымъ слугамъ молода князя Глѣба Олеговича, какъ заходили у Акундина ноженъки по курганчику, какъ замоталася головушка буйная по молоду князю по Глѣбу Олеговичу, такъ туто Калѣчище не вспозналь, что и дѣлать. «Пойду за исконныхъ слугъ молода князя Глѣба Олеговича,» говорить Акундинъ, «войной стоять.» А и туто молвить Калѣчище Переходжий: — Погляди-ко, молодой моло-децъ, на Оку рѣку, а поглядѣвши повѣдай, что дѣется въ Окѣ рѣ-кѣ?—Глядитъ Акундинъ на Оку рѣку, а въ Окѣ рѣкѣ плыветь чудовище невиданное, змѣй Тугаринъ: длиною-то былъ тотъ змѣй Ту-гаринъ во триста сажень, хвостомъ бѣть рать Рязанскую, спиною валить круты берега, а самъ все просить стару дань. Какъ загорѣ-лся у Акундина ретивое сердечушко по исконнымъ слугамъ молода князя Глѣба Олеговича, такъ и знай себѣ говорить: «Пойду за исконныхъ слугъ молода князя Глѣба Олеговича войной стоять!»

Во ту пору Калѣчище береть Акундина за его бѣлы руки, ве-деть его, Акундина, во чисто поле, а приведши во чисто поле ко крутой горѣ, молвить таково слово: — Ты гой еси, доброй молодецъ изъ Новагорода! Ты скажи, какъ звать тебя по имени, какъ ве-личать тебя по изотчеству? — На тѣ ли рѣчи спросныя возговорить Акундинъ: «Родомъ я изъ Новагорода, со посадской стороны; зо-вутъ меня, молодца, Акундинъ Акундинычъ.» — Тебя-то, Акундинъ Акундинычъ, я ждалъ тридцать и три года, съ крута бережка не сходючи, а и думалъ тебя вѣкъ не видать.—И туто Калѣчище ски-далъ съ себя платье переходжее, надѣвалъ на себя платье посадничье, а самъ вымолвлялъ рѣчи вѣстныя:—Ты гой еси, мое милое дѣтище, Акундинъ Акундинычъ! Спознай своего дядюшку родимаго, Замятю Путятича: а вѣдь и мой-то братъ, Акундинъ Путятичъ, былъ тебѣ родимый батюшка. Не взлюбили люди Новгородскіе твоего батюшку родимаго, а правиль, виши, ими не такъ. Какъ не взлюбили твоего батюшку родимаго, какъ порѣшили сгубить его съ родомъ съ илеме-

XXIX

немъ, такъ и не стало знать Акундина Путятича: сокрушили его со всѣмъ домомъ. Со той поры не взмилось мнѣ на посадничество сидѣть, и придумалось мнѣ до Киева дойти; со той поры, во тоскѣ во кручинѣ, горе гореваныцемъ качу, тебя, мое милое дѣтище, ожидаючи. А и вотъ тебѣ мечь кладенецъ твоего батюшки родимаго, Акундина Путятича; а и вотъ тебѣ калена стрѣла твоего батюшки родимаго, Акундина Путятича; а вотъ тебѣ тугой лукъ твоего батюшки родимаго, Акундина Путятича. — Не домолвивши рѣчи вѣстныя, стала Замятня Путятичъ кончатися, со бѣльимъ свѣтомъ раставатися. Видно на роду ему, братцы, такъ написано, что довелось посередъ поля переставитися. Какъ сталъ Замятня Путятичъ со бѣльимъ свѣтомъ раставатися, и учаль отшовѣдь чинить:—А и гой еси ты, мое милое дѣтище, Акундина Акундинач! Какъ и будешь ты во славномъ во Новѣ-городѣ, и ты ударъ челомъ ему, Новугороду, и ты скажи, скажи ему Новугороду: «А и дай же то Боже, тебѣ ли, Нову-городу, вѣкъ вѣковать, твоимъ ли дѣтушкамъ славы добывать, какъ и быть ли тебѣ, Нову-городу, во могучествѣ, а твоимъ ли дѣтушкамъ во богачествѣ! — Какъ переставился Замятня Путятичъ, и туто Акундина склонилъ его во сырь землю, а самъ пошелъ войной стоять за исконныхъ слугъ молода князя Глѣба Олеговича.

Во ту пору змѣй Тугаринъ спалъ-почивалъ. А приплылъ онъ, Тугаринъ, отъ Калуги по Окѣ по рѣкѣ, и приплылъ онъ, Тугаринъ, ко городу Ростиславлю за старою данью. Во ту пору молодой князь Глѣбъ Олеговичъ задумалъ женитися, а приговорилъ взять себѣ жену изъ рода княжова, у стольнаго князя у Рязанскаго, у Олега Ивановича, его молоду дочь Настасью Олеговну. А и не думаль и не ждалъ онъ, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, такой бѣды на свой городъ Ростиславль. Да и запросилъ же онъ, злодѣй Тугаринъ, стару дань за всѣ годы старые, а дани-то всей насчитывали стары люди съ три осминныхъ мѣшка съ чистыпмъ золотомъ, съ чистыпмъ серебромъ, со каменями самоцвѣтными. Сидѣть молодой князь Глѣбъ Олеговичъ во своемъ терему думу думаючи, бѣду отбываючи. И жаль-то стало ему и молоду княжну Настасью Олеговну, и своихъ исконныхъ слугъ Ростиславичей. Коли дань платить, такъ и свадьбѣ не быть. Во ту пору приходить во его высокъ теремъ, ко молоду

князю Глѣбу Олеговичу, старый посадникъ Юрья Микитичъ, и бѣть ему старый посадникъ большіимъ чelобитыцемъ, а самъ вымовляеть таковы рѣчи: « «Ты гой еси, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, наше свѣтлое солнышко! Не прикажи рубить-казнить, а прикажи слово вымовить?»» И билъ на томъ чelомъ молоду князю старый посадникъ. Какъ возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ:—А и гой еси ты, старый посадникъ Юрья Микитичъ! Не придумалъ ли ты думушки, какъ бѣду отбыть? — « «Не кручишься, нашъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ,»» молвилъ Юрья Микитичъ. « «Велика Божья милость до вѣку, сильны твои исконныя слуги по всей землѣ. Отбывали въ старину не тѣ бѣды великия, а эта бѣда не бѣда. Повели только посла снарядить съ хлѣбомъ съ солью да съ ласковымъ словомъ, и дѣло уладится.»»—Будь по твоему, какъ придумала голова твоя умная,—молвилъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ. И билъ чelомъ молоду князю на ласковомъ словѣ старый посадникъ Юрья Микитичъ.

Идетъ—не йдетъ старый посадникъ Юрья Микитичъ на площадь. Шуба-то на немъ соболиная во сто рублевъ, а то данье стараго князя Олега Олельковича; шапка-то на немъ корабликомъ во двадцать рублевъ, а то даянье старой княгинѣ Настасы Ивановны; какъ на шубѣ-то пуговки вальящаты серебряны во десять рублевъ, а то даянье модела князя Глѣба Олеговича; какъ на стару посаднику, у того ли Юрья Микитича, гривна золотая, что и цѣны ей нѣть, а то даянье стольнаго князя Рязанскаго Олега Ивановича; какъ на шубѣ-то у Юрья Микитича камка Цареградская, что и цѣна-то ему у модела князя въ казнѣ, а то даянье молодой княжны Рязанской Настасы Ивановны. Какъ сталъ старый посадникъ Юрья Микитичъ посередь площади во своемъ ли во нарядѣ, а ставши на всѣ стороны поглядываетъ, сѣду бородушку поглаживаетъ, а самъ ни словечка не молвить.

Во ту пору Старчище у княжа двора бѣть во набать, а пробивши одинъ разъ бѣсть и въ другой, а пробивши въ другой разъ бѣсть и въ третій. Во ту же пору бирючи кличъ кликали по всему городу

XXXI

по Ростиславлю. Идетъ міръ крещеный, кто на конѣ, кто самъ о себѣ. Какъ увидаль старый посадникъ Юрья Микитичъ пародъ Божій вокругъ себя, такъ и давай кланяться на все стороны, а кланявшись сталъ слово вѣстное говорить: ««А и гой еси вы, исконныя слуги молода князя Глѣба Олеговича! Вѣдомо вамъ стало, что подъ нашъ столыній градъ Ростиславль пришелъ войной лютый змѣй Тугаринъ за старой данью?»» На его-то слово вѣстное, стара посадника Юрья Микитича, били челомъ старъ и младъ, и говорили все во едину рѣч:—Вѣдаемъ, родимый, бѣду неминучую, и что придумаетъ твоя голова умная, такъ тому и быть.—Туто старый посадникъ Юрья Микитичъ пріосамился, да и стала грозну рѣчъ говорить: ««А и гой еси вы, исконныя слуги молода князя Глѣба Олеговича! Ваши-то стары старики силы не спрашивали, сами бѣды отбывали. Да за то и жаловалъ ихъ старый князь. Какъ сѣль на столѣ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, такъ вы и головушки не клоните, какъ отбыть бѣду неминучую. Али вамъ лучше въ ордѣ жить полонянинами? Не хочу болѣй посадничать и печаловать міромъ крещенымъ!»» И молили люди посадскіе его, стара посадника Юрья Микитича, по-радѣть и печаловаться за міръ крещеный. И туто молвилъ имъ Юрья Микитичъ: ««Ну, инъ быть такъ! Стану по старому посадничать, отбуду бѣду неминучую. Только слушайте, люди посадскіе: снарядить казну княжую, да пристроить хлѣбъ-соль на поклонъ люту змѣю Тугарину!»» На ту-то рѣчъ грозную стара посадника Юрья Микитича били челомъ старъ и младъ, и говорили все во едину рѣч:—Снарядимъ тѣ, родимый, княжую казну, пристроимъ хлѣбъ-соль на поклонъ люту змѣю Тугарину, только отбудь бѣду неминучую!—И на томъ кланялись Ростиславичи.

Беть Старчище у княжа двора во набать, а бивши растворяль тесовы ворота на обѣ стороны, а самъ сталъ на особицу. Во ту пору идетъ—не идеть со красна крыльца княжова старый посадникъ Юрья Микитичъ пословъ рядить. Бирючи по городу разбѣгалися, а сами кличуть клич на княжой дворѣ. Идетъ міръ крещеный изъ вѣхъ домовъ, кто на конѣ, кто самъ о себѣ. Идутъ на княжой дворѣ послы наряженые съ хлѣбомъ-солью. А молодой князь Глѣбъ Олеговичъ во высокомъ теремѣ сидить, думу думаючи, бѣду отбываючи: вишь жаль ему стало исконныхъ слугъ. Какъ собрался народъ Божій на княжой дворѣ, и старый посадникъ Юрья Микитичъ

XXXII

посламъ наряженымъ сталъ наказъ чинить: « «Гой еси вы, послы наряженые! Повелѣть вамъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ пойти съ хлѣбомъ-солю челомъ бить люту змѣю Тугарину и словомъ ласковыимъ миръ урядить. Коли будетъ миръ да любовь со Тугаринымъ, напишите записи поручныя; коли дѣло пойдетъ на брань, киньте граматы размѣтныя. А ино все будетъ по старому, а дани не дадимъ!» »

Бѣть Старчище у княжа двора во набать. Идуть послы наряженые изъ городу. Во ту пору лютый змѣй Тугаринъ пробуждается, а самъ на городъ посматриваетъ:—Коли честью старой дани не дадутъ, такъ ужь весь городъ затоплю!—Подходить послы наряженые ко круту бережку, не дошедши до крута бережка бьютъ Тугарину большіимъ челобитыцемъ, а сами молвятъ: « «Ты гой еси, воевода грозенъ змѣй Тугаринъ! Не топи нашъ столъный городъ Ростиславль, а прїими хлѣбъ-соль отъ мода князя Глѣба Олеговича, да подари словомъ привѣтливыимъ пословъ наряженыхъ!» »—Давно бы такъ!—возговорить Тугаринъ,—спасибо на хлѣбѣ и на соли моду князю Глѣбу Олеговичу; спасибо и на большомъ челобитыцѣ посламъ наряженымъ! — И принималъ Тугаринъ отъ пословъ наряженыхъ хлѣбъ-соль мода князя Глѣба Олеговича, а принявши сѣѣль за единъ разъ.—Коли вы послы наряженые,—молвилъ Тугаринъ,—присланы миръ урядить, такъ урядимъ перву рѣчъ о старой дани.—Кланялись послы наряженые, а кланявшись говорили во едину рѣчъ: « «Миръ готовы урядить: на то мы и послы наряженые, а дани не вѣдаемъ за собой.» »—Какъ вы, смерды Ростиславичи, дани за собой не вѣдаете?—заговорилъ грозну рѣчъ змѣй Тугаринъ;—примните-ка по записямъ поручнымъ, сколько потягло за вами?—И тому-то слову изоймающи, выступаетъ дѣякъ Чоботокъ на особицу, да развернулъ записи поручныя и по тѣмъ записямъ свѣль, что долгъ съ Ростиславичей изстари поконченъ, и отъ дани такожде слобождены на всѣ вѣки грядущіе. И на томъ дѣякъ Чоботокъ ставилъ свою рѣчъ. Да ту же рѣчъ опослѣдѣ вымолвляли и послы наряженые.—Ой вы, смерды Ростиславичи! Позабыли все старое,—говорилъ посламъ наряженымъ змѣй Тугаринъ;—знаю я, сколько за вами приходится старой дани; знаю я, сколько потягло дани за вашими отцами; знаю я, сколько приряжено дани за вашими дѣдами, опричь того старой голдовщины и мостовщины съ Оки рѣки, что идетъ въ Золоту орду.

XXXIII

Ужь коли миру быть, такъ насыпьте всѣ три мѣшка съ краями полными *) полны. И вы насыпьте во единъ мѣшокъ чиста золота, —то дань за себя: и вы во другой мѣшокъ кладите чиста серебра, —то дань за вашіхъ отцовъ; и вы во третій мѣшокъ уберите каменьевъ самоцвѣтныхъ.—то дань за вашіхъ дѣдовъ. Безъ того и ипру не быть. Ужь коли рать поведу, то затоплю вашъ городъ Ростиславль, погублю вашъ родъ со дѣтьми и внучатами, а женъ вашіхъ въ орду продамъ!—На тѣ угрозы небывалыя послы наряженые не зналъ не вѣдали, какой отвѣтъ чинить. Одинъ дьякъ Чоботокъ на ту пору догадливъ быль, онъ догадавшись просилъ у змѣя Тугарина показать мѣшки во городѣ во Ростиславлѣ: да потомужь ему нужно вымѣрять, кому сколько придется со двора насыпать въ мѣшки.—А и ты-то посолъ, а и ты-то умная голова, а и тебѣ-то даю мѣшки!—говорилъ Тугаринъ дьяку. На тѣ-то рѣчи посульные дьякъ и руки протянулъ, и мѣшки прибрали. «Ладно,» думаетъ дьякъ про себя: «безъ мѣшковъ-то не во что будетъ и дани сбирать. Скорѣй бы ихъ въ бани сжечь, да на вѣтеръ пустить.» И вспрошли послы наряженые его, змѣя Тугарина: коли не хочетъ безъ дани миръ урядить, ино бы размѣняться и грамата ми разметными? А змѣй Тугаринъ молвитъ имъ:—Кабы вы присланы были не послами уряжеными, такъ бы васъ всѣхъ сѣль за единъ разъ!—И клали послы граматы разметныя на кругль бережокъ, а клавши приговаривали: ««А будь на порушителѣ во записи поручной судъ Божій!»» И тѣмъ-то рѣчамъ змѣй вѣры не ималъ: онъ злодѣй держится ерети-чество-вомъ.

Идутъ послы ко городу, вороты растворяются, входятъ послы на княжай дворъ, бѣть Старчице во набатъ. А и тuto на княжомъ дворѣ встрѣчаль ихъ, пословъ наряженыхъ, старый посадникъ Юръя Микитичъ. Ему-то послы наряженые били челомъ и повѣдали рѣчи отъ змѣя Тугарина. На ту пору дьякъ Чоботокъ клалъ три мѣшка предъ старымъ посадникомъ предъ Юрьемъ Микитичемъ, а положивши говорилъ свою рѣчи: «А и выманилъ я тѣ мѣшки у змѣя Тугарина, во что онъ, собака, дань собирается: а безъ нихъ-то онъ,

*) Полны?—О.

XXXIV

собака, не будеть знать, сколько со города Ростиславля дани по-тягло.» И на той своей рѣчи Чоботокъ биль ему, посаднику, большімъ челобитыцемъ. Какъ глянуль старый посадникъ на тѣ три мѣшка, такъ отъ страха и не вѣсть, что съ нимъ содѣялось: винъ жаль ему стало княжой казны. ««А постой ты, дьякъ! А и погоди ты то, дьякъ, злой еретикъ, за одно съ Тугаринымъ держишися еретичества; а и знаю я, какъ тебе со бѣла свѣта согнать! А и берите вы, люди посадскіе, того дьяка за его бѣлы руки, опускайте вы того дьяка во всѣ три мѣшка, а и несите вы того дьяка ко змѣю Тугарину!»» По сказанному, какъ по писанному, хватали его, дьяка, подъ бѣлы руки, опускали его, дьяка, во всѣ три мѣшка, и понесли его, дьяка, ко змѣю Тугарину. Какъ принесли его, дьяка, ко кругу бережку, какъ заглянули Тугарину во глаза, такъ и дай же то Боже ноги бѣжать. И онъ, дьякъ Чоботокъ, на ту пору догадливъ былъ: давай мѣшки гладить, свѣту Божьяго искать. Какъ проѣдалъ онъ единъ мѣшокъ, два зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ второй мѣшокъ, три зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ третій мѣшокъ, всѣ пять сломалъ. И увидалъ онъ, дьякъ Чоботокъ, круть бережокъ, а возлѣ бережка змѣя Тугарина, да и давай себѣ молить: «Гой еси ты, дядюшка, змѣй Тугаринъ молодой! А и выслушай мое челобитыце не малое: а и злой-то посаднище, старой Юрья Микитища, не соизволяетъ тебѣ платить стару дань; ужъ и онъ ли, старой Микитища, насыбочись надъ тобой, завязаль меня, дьяка, во всѣ три мѣшка, будто за твои, дядюшка, грѣхи; а и били меня, колотили меня, все, родимый дядюшка, за тебя; а ты, де, дьякъ, съ Тугариномъ за одно.» И не вѣсть, что дьякъ причитывалъ, а Тугаринъ про то не зналъ, не вѣдалъ. И вставалъ Тугаринъ на круть бережокъ, приподнималъ дьяка во мѣшкѣ, а самъ себѣ молвить:—А и что то за дань во мѣшкѣ? Ни то чисто золото, ни то чисто серебро, ни то каменъ самоцвѣтныя.—Какъ развязалъ Тугаринъ мѣшки да заглянуль туда, а тамъ дьякъ сидить, а самъ слезно плачетъ.—А и той дани не надо мнѣ, а и та дань на смѣхъ мнѣ!—кричить змѣй Тугаринъ. И туто Тугаринъ пыталъ его дьяка:—А и ты-то, дьякъ, всю правду скажи: сколько у молода князя Глѣба Олеговича золотой казны?—И на то-то дьякъ молвить: «Ай право скажу, ничего не утаю: лишь вынь, дядюшка, изъ мѣшка!»—Туто Тугаринъ вынималъ его,

XXXV

дъяка, изъ мѣшка, и ставилъ его на особицу. «Золотой-то казны,» возговорить дьякъ, «у модода князя Глѣба Олеговича смѣты нѣть, а та золота казна во высокомъ теремѣ, въ золотомъ ларцѣ лежить; а ключи отъ того золота ларца на рукахъ у стара посадника у Юрья Микитища: а сколько тамъ золотой казны, про то онъ, дьякъ, не вѣдаетъ.» И туто Тугаринъ пыталъ его, дьяка:—А и ты-то, дьякъ, всю правду скажи: сколько у модода князя Глѣба Олеговича каменьевъ самоцвѣтныхъ?—«А и право скажу, ничего не утаю: лишь, дядюшка, сойди въ Оку рѣку да уими крутоярыя волны!» И туто Тугаринъ послушливъ быль: онъ сходилъ съ крута бережка въ Оку рѣку да уималь крутоярыя волны. «Каменьевъ самоцвѣтныхъ у модода князя Глѣба Олеговича,» говориль дьякъ, «смѣты нѣть; а тѣ каменья самоцвѣтныя во высокомъ теремѣ, во золотомъ ларцѣ лежать; а ключи отъ того золота ларца на рукахъ у стара посадника у Юрья Микитища; а сколько тамъ каменьевъ самоцвѣтныхъ, про то онъ, дьякъ, не вѣдаетъ.» И туто Тугаринъ пыталъ его, дьяка:—А и ты-то, дьякъ, всю правду скажи: сколько у модода князя Глѣба Олеговича силы ратной?—«А и право скажу, ничего не утаю: лишь, дядюшка, окунись въ Оку рѣку да достань бѣлосыпучаго песку!» И туто Тугаринъ послушливъ быль: онъ окунался въ Оку рѣку, доставалъ бѣлосыпучаго песку, а доставши подаваль дьяку. «А и вотъ какова сила ратная у модода князя Глѣба Олеговича:» и учалъ дьякъ бѣлосыпучій песокъ по полю розсыпать, а самъ отъ крута бережка утекающи, ко городу Ростиславлю убѣгающи. А змѣй-то Тугаринъ думаетъ не то: онъ чаялъ силу ратную сочестъ, а дьякъ себѣ на умѣ, кабы живу домой уйти. И туто Тугаринъ догадался, что дьяку въ обманъ дался, а догадавшись давай Оку рѣку гонять, городъ Ростиславль затоплять. И дьякъ Чоботокъ ко городу прибѣгалъ, въ тесовы вороты стучалъ, а самъ приговаривалъ: «Ай, братцы, пустите скорѣй! Ай, родимые, растворяйте ворота! Смилился Тугаринъ злодѣй: хочетъ онъ, собака, миръ урядить.» На его ли слова вѣстныя тесовы вороты растворялися. Входить онъ, дьякъ, на княжой дворъ, а и бѣть онъ, дьякъ, большімъ человѣтицемъ: «Ты гой еси, столыный князь Глѣбъ Олегович! Пошли посломъ стара посадника Юрья Микитича ко змѣю Тугарину: хочетъ онъ змѣй миръ урядить.» На ту ли рѣчу нежданную выходить со красна крыльца старый посадникъ Юрья Микитичъ, а самъ грозну рѣчь говорить:

XXXVI

««А и зелье ты злое, старый дьякъ! А и тебе-то, дьяка, змѣй не береть!»» И молилъ его дьякъ выслушать слова посольскія, а самъ знай себѣ бывать большія челобитьца. И туто воевода пріосамился, а дьякъ Чоботокъ правиль ему словеса посольскія: «Отъ грознаго воеводы змѣя Тугарина слово милостивое стару посаднику Юрью Микитичу; бывать челомъ змѣю Тугаринъ ему, посаднику, до земли и шлетъ ему, посаднику, слово вѣстное: не надо мнѣ ни чиста золата, ни чиста серебра, ни каменьевъ самоцвѣтныхъ: а и знаю я тебя за добра че-ловѣка; а ты ли одинъ славенъ въ ордѣ! Супротивъ стара посадника Юрья Микитича нѣть никого; а и сѣ нимъ-то я миръ поряжу, стару дань слажу; а и пускай онъ самъ о себѣ принесетъ записи по-ручныя.» И тому-то старый посадникъ вѣру ималъ. А и не зналъ онъ, старый посадникъ, что то дьякъ его избывалъ. Да и дьяку ли вѣру имать? И волчья снасть у дьяка на зубахъ: пулы береть, на суды суды ведеть.

Вотъ и пишеть онъ, посадникъ, записи поручныя, а самъ наря-жается во большой нарядъ, да и идетъ ко змѣю Тугарину самъ о себѣ. Какъ завидѣлъ его Тугаринъ издалеча, такъ и давай себѣ го-ворить:—А и знаю я, то старый дьякъ идетъ; а и онъ-то опять хо-четь въ обманъ ввести, надо мною, змѣемъ, наスマѣхаюсь.—Во ту пору приходитъ старый посадникъ Юрья Микитичъ, становится на кругль бережокъ, а самъ вымолвляетъ слова посольскія, не бывши змѣю челомъ: «Отъ стара посадника Юрья Микитича слово великое тебѣ ли, змѣю Тугарину; повѣдалъ ты, змѣй Тугаринъ, дьяку, что придумалось тебѣ, Тугарину, миръ урядить, буде старый посад-никъ Юрья Микитичъ придетъ самъ о себѣ. Ино ты доброе дѣло задумалъ. А и я-то, старый посадникъ Юрья Микитичъ, а и я-то принесъ записи поручныя.» На тѣ-то слова посадниччи змѣй вѣры не ималъ; а и онъ-то змѣй знай себѣ говорить:—А и знаю я, что ты старый дьякъ; а и тебѣ въ обманъ не ламся; а и будетъ того, что на первомъ разу неправдой ушелъ! — И туто его, стара посад-ника, змѣй Тугаринъ сѣѣль за единъ разъ. И дьякъ Чоботокъ на ту пору догадливъ быль: онъ злодѣй во воротахъ за Старчища сто-яль да на стара посадника глядѣль. Какъ, де, завидѣлъ онъ, дьякъ, что змѣй Тугаринъ стара посадника сѣѣль, то и давай себѣ кри-чать: «Ай, батюшки, бѣда! Ай, родимые, бѣда! Не стало нашего

XXXVII

стара посадника, Юрья Микитича, на бѣломъ свѣтѣ, ужь его ли; родимаго, змѣй Тугаринъ сѣялъ! А и что мы, сироты, будемъ безъ него?» И его дѣячы слова скоро во высокъ теремъ дошли, ко младу князю Глѣбу Олеговичу. А никто про то во городѣ не вѣдѣтъ, а никто про то не знаетъ, что то дѣячья стреня, стара дѣяка Чобота.

Бѣть Старчище у княжа двора во набатъ. Бирючи по городу разсыпались, сами кликали кличъ на княжой дворъ. И туто молодой князь Глѣбъ Олеговичъ выходилъ изъ высока терема на свой княжой дворъ рядъ рядить, міромъ править. Какъ сталъ онъ, молодой князь, на свое мѣсто показанное, и во ту пору всѣ князья и бояре и весь міръ крещеный становился въ ряды: стары люди къ старицамъ, молодые молодцы къ молодцамъ, а князья и бояре тожь по себѣ. И били князю челомъ. И возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Гой еси вы, князья и бояре, и весь міръ крещеный! Не стало нашего стара посадника Юрья Микитича на бѣломъ свѣтѣ. Ужь вы сами, князья и бояре, придумывайте, какъ бѣду отбыть.» На его слова, молода князя Глѣба Олеговича, князья и бояре и весь міръ крещеный били членомъ, а бивши членомъ говорили всѣ во едину рѣчу: ««Вѣдаемъ, свѣтлое наше солнышко, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ, про стара посадника Юрья Микитича, что его на бѣломъ свѣтѣ не стало. Не кручинься и не цечалуйся ты, наше свѣтлое солнышко, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! Пойдемъ всѣ войной, отъ стара до мала, на змѣя Тугарина, и положимъ всѣ свои животы за тебя, наше свѣтлое солнышко!» И возговорить молодой князь Глѣбъ Олеговичъ: «Спасибо вамъ, князья и бояре, и весь міръ крещеный! Шорадѣю за васъ на своеемъ столѣ. Колявой бѣду отбывать, такъ и я иду съ вами!» И били членомъ всѣмъ міромъ младу князю Глѣбу Олеговичу.

Бирючи по городу разсыпались, кликали кличъ на большу войну. Нашередъ идетъ ко княжу двору стрѣлецкая дружина, со топорами, со рогатинами, да со большими копьами; а за ними шли стары старики, кто на конѣ, кто самъ о себѣ; а далѣй шли молодые молодцы всѣ во ратныхъ доспѣхахъ: со стрѣлами, со колчанами, да со большими мечами. Какъ на тѣхъ ли, молодыхъ молодцахъ, одно-

XXXVIII

рядочки шелковы, все узорчаты; какъ на тѣхъ ли, молодыхъ молодцахъ, шапочки поярковы, все корабликами; какъ у нихъ ли, молодыхъ молодцовъ, спѣхи ратны словно жарь горятъ. Какъ и тѣ ли, молодые молодцы, головкой помахивають, шапочки побрасываютъ, а сами говорятъ: ««А и дай же то Боже, супостата поборать, за молода князя постоять! У насть ли молодой князь Глѣбъ Олегович воеводою большой, наряжался во походъ со тремя^{*} полками. Какъ во первомъ-то полку все дружина удалая, стары копейщики. Какъ и первой-то полкъ ведеть самъ боярской сынъ, молодой стрѣлецъ; какъ и второй-то полкъ ведеть самъ княженецкой сынъ, молодой боецъ; какъ и третій-то полкъ ведеть старый бояринъ, стрѣлецкая голова. Какъ у тѣхъ ли у полковъ ёдеть напередъ молодой князь Глѣбъ Олегович. Порадѣйте, братцы молодцы, супостата поборать, за молода князя постоять!»» Сходилася собиралася рать ко княжу двору. Какъ и ту ли рать уряжалъ старый бояринъ, стрѣлецкая голова. Предъ нимъ дѣякъ читаетъ граматки урядныя, кому быть головой во первомъ полку. Доставалось быть головой сыну боярскому, тому сыну боярскому Даніилу Ивановичу. Какъ доставалось быть головой во старомъ^{*)} полку сыну княжецкому, тому Микитѣ Ивановичу, молодому бойцу. Какъ во третій полкъ приговорилъ быть себѣ старый бояринъ, стрѣлецкая голова, онъ ли Нежданъ Борисович. И становиль онъ, старый бояринъ, все полки на особицу: напередъ урядилъ большой полкъ старыхъ стрѣльцовъ; далѣй того выводилъ середній полкъ молодыхъ молодцовъ; а послѣдній того становиль сторожевую рать старыхъ старииковъ. У большова-то полка, что у знамечка стрѣлецко-ва, стоялъ молодой княжецкій сынъ, то наименьшій сынъ стара князя Олега Олельковича. А урядивши рать, во терема высокіе пошелъ старый бояринъ къ молоду князю Глѣбу Олеговичу вѣсть подать. Бьетъ Старчище во большой набать. Идетъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ изъ высока терема, садится онъ на крутояраго^{**)} коня. Конь подъ нимъ воздымается выше лѣсу стоячева, выше облака ходячева; а и молодой князь бьетъ того коня по крутымъ бедрамъ: конь подъ нимъ смиряется, клонить голову до земли, а самъ копытомъ въ землю бьетъ. Какъ на молоду ли князю на Глѣбу Оле-

^{*}) Во второмъ?—^{**)} Любопытный энитетъ, никогда у народа не встрѣчающійся.—О.

XXXIX

говичу былъ ратный сбруй, богатырской: колчанъ съ каленои стрѣлой, дѣдовской, да мечь кладенецъ его батюшки родимаго. И повель онъ, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, на войну рать стрѣлецкую, да другу рать молодыхъ молодцовъ; а третью рать старыхъ старииковъ урядилъ во городѣ сидѣть; а городомъ вѣдать указалъ ли тому старому боярину, стрѣлецкой головѣ Неждану Борисовичу.

Не грозна туча во широкомъ полѣ подымалася, не полая вода на круты берега разливалася: а выводилъ-то молодой князь Глѣбъ Олеговичъ рать на войну. Какъ прочуялъ змѣй Тугаринъ рать немирную, и началъ мутить Оку рѣку широкимъ хвостомъ. Широка Ока рѣка возмутилась, круты берега разсыпалися, мутна вода разливалася. Нельзя къ змѣю подойти, нельзя змѣя войной воевать. Широко поле Рязанское, а негдѣ рати стать. На широкихъ поляхъ кони не стоять, на круты холмы вода взошла. На ту пору молодой князь Глѣбъ Олеговичъ догадливъ былъ: онъ вынималъ изъ колчана калену стрѣлу, натягивалъ тетивочку шелковую, а самъ приговаривалъ: «Ты лети, лети, моя калена стрѣла, да прямо во Тугарина! Ты угоди, моя калена стрѣла, во его во правой глазъ! Ты прострѣли, моя калена стрѣла, его недобрый глазъ!» Спѣла была тетивка, взвыла да полетѣла калена стрѣла. И угодила калена стрѣла его, Тугарина, да во правой глазъ. Отъ того ли боя великаго, отъ того ли стрѣла могучаго не стало права глаза у Тугарина, того ли глаза недобрато.—А и знаю я, чья та недобрая стрѣла, а и знаю я, кто ту недобру стрѣлу пускалъ, — возговорить Тугаринъ. — И ты, молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, не води рати на меня: погублю тебя во твоей молодости, уведу во полонъ твою молоду княжну Настасью Ивановну во ту ли Золоту орду! — На его-то змѣя слова известныя молодой князь Глѣбъ Олеговичъ ни словечушка не молвить, ни отповѣди не чинитъ. Только молодые молодцы сабельками помахиваютъ, его Тугарина на смертну рать зовутъ. И туто стрѣлецка рать въ обходъ пошла, Тугарина полонить, его, змѣя, живота лишить. На ту пору Тугаринъ догадливъ былъ: онъ Оку рѣку переймалъ, на стрѣлецкѹ рать пускалъ; и стало стрѣльцамъ не въ мочь.

Не высоко солнце по поднебесью восходило, не румяная заря въ широкомъ полѣ растилаася: а выходилъ то молодой Акундинъ. И

видить онъ, Акундинъ, что Рязанцамъ стало не въ мочь, и припало у него, Акундина, желаньице постоять войной за модода князя Глѣба Олеговича. Сомнѣеть онъ, Акундинъ, съ крута бедра свой мечь кладенець, береть съ могуча плеча свой тугой лукъ, а достаетъ изъ колчана калену стрѣлу. Натягиваетъ тетивочку шелковую, а самъ приговариваетъ: «Ты лети, лети, моя калена стрѣла, да во того ли змѣя Тугарина, да во его ли буйну голову! Ты разбей, разбей, моя калена стрѣла, буйну голову Тугарина!» Стрѣла была тетивка, взвыла да полетѣла калена стрѣла. И угодила калена стрѣла его, Тугарина, да во самую буйну голову. И во ту пору онъ, собака Тугаринъ, догадливъ быль, и онъ учаль молить: — А и гой еси ты, молодой Акундинъ изъ Нова-города! А и бери ты сколько хощь золотой казны, а и бери ты болѣй того каменьевъ самоцвѣтныхъ, лишь возьми, возьми свою калену стрѣлу: а и твоя-то калена стрѣла сгубила меня, молодца, до вѣку. — И его-то, Тугарина, онъ, Акундинъ, не слушаетъ; и его то, Тугарина, онъ еретичество разрушаетъ, а разрушивши его еретичество, идеть ко круту бережку. Во ту пору Ока рѣка въ круты берега собиралася, на днѣ Оки рѣки желты пески воздымалися. И береть онъ, Акундинъ, мечь кладенець, разсѣкаетъ его, Тугарина, на сорокъ сороковъ: и отъ того онъ, еретикъ Тугаринъ, дотолѣ и живъ быль.

Во ту пору молодой князь Глѣбъ Олеговичъ съ диву дивовался. а самъ со боярами говорить: «А и чѣдѣ то за невѣдомъ человѣкъ? А и какъ Ока рѣка въ круты берега собиралася? А и какъ змѣя Тугарина на бѣломъ свѣтѣ не стало? Не ужъ-то и бѣда миновала надъ стольнымъ нашимъ городомъ?» И посылаетъ онъ посла къ Акундину, а велитъ ему, послу, спрошать: «Ты скажи, невѣдомъ человѣкъ: откуда родомъ ты? Какъ звать тебя по имени и какъ величать тебя по изотчеству?» А допросивши, молвить: «Молодой князь Глѣбъ Олеговичъ бѣть тебѣ, молодцу, большимъ чelобитицемъ,» а справивши большое чelобитице звать его, молодаго молодца, во высокъ теремъ хлѣба-соли кушать да бѣльихъ лебедей рушать. Идетъ посолъ къ Акундину, а не дошедъ покланяется, а самъ исправляетъ словеса посольскія: «Отъ стольнаго князя Глѣба Олеговича къ тебѣ, молодцу, слово великое; повелѣль стольный князь Глѣбъ Олеговичъ тебя спрошать: откуда родомъ ты? Какъ звать тебя, молодца, по имени и какъ величать тебя, молодца, по изотчеству?» И на ту

рѣчъ посольскую Акундинъ отповѣдь чинить: — А и спасибо стольному князю Глѣбу Олеговичу на его словѣ ласковомъ, а и про его спрошь я самъ скажу. — И справляль посолъ ему, Акундину, большое челобитыце, и звалъ его, молодаго молодца, во высокъ теремъ хлѣба-соли кушать да бѣлыихъ лебедей рушать. Идетъ онъ, Акундинъ, ко городу ко Ростиславлю. Тесовы вороты растворяются, а на встрѣчу ему выходитъ весь міръ крещеный да со большіимъ челобитыциемъ. Входитъ онъ, Акундинъ, на княжой дворъ, а туто ему князья и бояре правятъ большое челобитыце отъ мода князя Глѣба Олеговича, и ведуть его, Акундина, во высокъ теремъ за его бѣлы руки. Входитъ онъ, Акундинъ, во высокъ теремъ, и туто ему, Акундину, велику славу поютъ. И возговорить молодой князь Глѣбъ Олегович: «Ты скажи, скажи скорѣй, молодой молодецъ: какъ зовутъ тебя по имени и какъ величаютъ по изотчеству?» На то-то слово привѣтливое вымолвляетъ Акундинъ: — Родомъ я изъ Новагорода, со посадской стороны; зовутъ меня Акундинъ Акундинычъ. — А молвивши, биль Анкудинъ князю челомъ. И возговорить молодой князь Глѣбъ Олегович: «Отъ всего міра крещенаго, отъ всѣхъ исконныхихъ слугъ бывать тебѣ, молодому молодцу, челобитыциемъ.» На тѣ-то слова княженецкія, отъ всего міра крещенаго, отъ всѣхъ исконныхихъ слугъ выходитъ тысяцкій съ хлѣбомъ-солью: ««Ты пріими, пріими, добрый человѣкъ, большое челобитыце отъ всего міра крещенаго, отъ всѣхъ исконныхихъ слугъ.»» А молвивши тысяцкій подносилъ ему, Акундину, хлѣбъ-солъ. И кланялся Акундинъ всему міру крещеному, всѣмъ исконнымъ слугамъ на хлѣбѣ на соли. И возговорить молодой князь Глѣбъ Олегович: «Отъ всѣхъ князей и бояръ, отъ всѣхъ исконныхихъ слугъ бывать тебѣ, молодому молодцу, челобитыциемъ.» На тѣ-то слова княженецкія, отъ всѣхъ князей и бояръ, отъ всѣхъ исконныхихъ слугъ выходитъ тысяцкій со шубой соболиною: ««Ты пріими, пріими, добрый человѣкъ, большое челобитыце отъ всѣхъ князей и бояръ, отъ всѣхъ исконныхихъ слугъ.»» А молвивши тысяцкій подносилъ ему, Акундину, шубу соболиную. И кланялся всѣмъ князьямъ и боярамъ, всѣмъ исконнымъ слугамъ, на дарѣ великому, на шубѣ соболиной. И возговорить молодой князь Глѣбъ Олегович: «За твои ли услуги великія жалую тебя, молодаго молодца; цѣпью золотой со гривною.» На тѣ-то слова княженецкія выходитъ тысяцкій со цѣпью золотою и со гривною: ««Ты пріими,

пріими, добрый человѣкъ, большое жалованье отъ стольного князя Глѣба Олеговича.»» А молвивши тысяцкій подносиль ему, Акундину, золотую цѣнь со гривною. И кланялся Акундинъ большіимъ челобитицемъ на великомъ жалованьицѣ молоду князю Глѣбу Олеговичу, а самъ вымолвляль:—Ты гой еси, стольный князь Глѣбъ Олегович! Не вели рубить-казнить, а вели слово вымолвить: велика милость Божья до вѣку, широко твоє княженѣ Рязанское отъ Оки рѣки до Дону глубокаго, вѣрны твои слуги исконныя на всей землѣ, велико твоє княженецкое подаренъице! Не мнѣ, Акундину, носить цѣнь золотую, не мнѣ, Акундину, носить цѣнь золотую и со гривною. Есть у тебя, стольного князя, князья и бояре: и то-то подаренъице князь-ямъ и боярамъ. — И дивились князья и бояре мудрымъ словесамъ Акундина. И возговорить молодой князь Глѣбъ Олегович: «Князь-ямъ и боярамъ свой почетъ, а тебя, Акундуна Акундина, чествую почестью великою за твои ли услуги великія.» И на томъ князь положилъ свою рѣчъ. И кланялся Акундинъ большіимъ челобитицемъ, а самъ вымолвляль:—Ты гой еси, стольный князь Глѣбъ Олегович! А и не было у насъ во посадничествѣ такого подаренъица, а и не было у насъ во всей посадской сторонѣ такого жалованьица; а и слышаль я, сказывали люди старые, что во каменной Москвѣ жаловалъ стольный князь Димитрій Ивановичъ на великий день своего боярина, что наилучшаго. И ты, осударь, попечалуйся о моемъ сѣтованьицѣ, и ты, стольный князь, соизволъ принять мое худое нежеланьице. — И соималъ молодой князь Глѣбъ Олеговичъ со правой руки золотъ перстень со камнемъ самоцвѣтнымъ, и жаловалъ его, Акундуна, своимъ подаренъицемъ, а самъ вымолвляль: «Гой еси ты, добрый молодецъ! Ужъ и видно то, что ты со родимой земли Русскія, и знать то ио всему, что въ твоемъ горючемъ сердцѣ кипить кровь богатырская, того ли Велика Новагорода посадничья. А и вы-то, мои слуги исконныя, урядите вы нарядъ по всей земли Рязанской, чтобы ему ли, молодцу Новогородскому, Акундину Акундина, пѣти славу вѣчную.» А и туто всѣ князья подходили по себѣ къ Акундину бити челомъ и обниматися, а опослѣдѣ вымолвляли всѣ во едину рѣчу: ««А и будемъ тебѣ, молодцу Новогородскому, Акундину Акундина, пѣть славу вѣчную по всей землѣ Рязанской; а и слава та пойдетъ въ роды родовъ, а во той ли славѣ будемъ пѣть: сослужилъ ли онъ, Акундинъ Акундина, служ-

XLIII

бу великую всей землѣ Рязанской, да и избавилъ ли онъ, Акундинъ Акундиначъ, городъ Ростиславль отъ полону великаго, отъ лута зятя Тугарина.» » А и кланялся онъ, Акундинъ, на всѣ стороны, а самъ вымолялъ: — А не я то сдѣлаль, а не я то урядилъ: то воля Божья была! Спасибо вамъ, люди добрые, за ваши словеса привѣтливыя. А и дай же то Боже, молоду князю Глѣбу Олеговичу во вѣки на столѣ княжить! А и дай же то Боже, вамъ, исконнымъ слугамъ, ему, молоду князю, до вѣку служить! А и дай же то Боже, всей землѣ Рязанской вѣкъ вѣковать! — И повели его, Акундина, князья и бояре подъ бѣлы руки во гридницы княженецкія, сажали его, Акундина, за столы дубовые, за скатерти браныя, за ъства сахарныя, а посадивши его за дубовы столы, прошли хлѣбасоли кушать, бѣлыихъ лебедей рушать. Пошла пирушка великая, столь богатый на радостяхъ. А и пиръ-то быль уряженъ на всѣ три дни: во единомъ пиру пироваль Акундинъ во гридницѣ княженецкой, у молода князя Глѣба Олеговича; какъ во другомъ пиру пироваль Акундинъ во палатахъ посадничыхъ, у князей и бояръ; какъ во третьемъ пиру пироваль Акундинъ на посадской сторонѣ, у всего мира крещенаго. А опослѣдъ того пира великаго, выходиль Акундинъ во высокъ теремъ къ молоду князю Глѣбу Олеговичу прощатися. Возговорить молодой князь Глѣбъ Олегович: «А и гой еси ты, добрый молодецъ Акундинъ Акундиначъ! Какъ и жаль-то мнѣ съ тобой разстatisя! Придумалось мнѣ, молоду князю, поселить тебя на усадьбище немалое, во палатахъ посадничыхъ, а за твои ли услуги великія наградить тебя боярствомъ. А и стала бы печаловаться ты по всей землѣ Рязанской, по моимъ исконнымъ слугамъ. Соизволъ принять мое жалованьице княженецкое, соизволъ занять усадьбище немалое, палаты посадниччи.» И быль челомъ Акундинъ ему, молоду князю Глѣбу Олеговичу, а самъ вымолялъ: — Велика твоя милость княженецкая, стольный князь Глѣбъ Олеговичъ! А и даль я великъ обѣть итти во стольный Кіевъ градъ, да каменну Москву посмотрѣть. — И молиль его, молода князя, чтобы отпустилъ его, Акундина, во стольный Кіевъ градъ побывать, каменну Москву посмотреть. И отпущаль его молодой князь Глѣбъ Олеговичъ, а на прощающицѣ велѣль одарить его, Акундина, князьямъ и боярамъ казною княженецкою да хлѣбомъ-солю. И провожали его, Акундина, князья и бояре и весь міръ крещеный вплоть до Оки рѣ-

ки, до его суденышка оснащенаго. Какъ и міръ-то крещеный ему хлѣбъ-соль подносиль, а люди—то приговаривали: «Ты пріими, пріими, молодой молодецъ, отъ всего міра крещенаго хлѣбъ-соль на путь-дороженьку, на поминъ своего дѣла ратнаго.»» И кланялся Акундинъ міру крещеному, пріималъ хлѣбъ-соль на путь-дороженьку, на поминъ своего дѣла ратнаго. Какъ и князья-то со боярами молвять ему: ««Ты пріими, пріими, молодой молодецъ, изъ казны княженецкой золота и серебра и каменя самоцвѣтнаго сколько хошь, на путь-дороженьку, на поминъ своего дѣла ратнаго.»» И кланялся Акундинъ князьямъ и боярамъ, а изъ казны княжёнецкой не браль онъ ни золота, ни серебра, ни каменя самоцвѣтнаго, а только молвить: —А и то-то добро мнѣ, молодцу, не надобно!—

Садится онъ, Акундинъ, на свое суденышко оснащеное, береть весельца кленовыя, кладеть весельца кленовыя во замки дубовые, а самъ садится на корму. Пошло суденышко внизъ по Окѣ рѣкѣ, и плыло суденышко ровно тридцать и три дня, и прибило суденышко ко круту бережку. Сидѣть Акундинъ на кормѣ, а самъ дивуется: «А и что то за великъ городъ стоить на круту бережку?» Никто ему, Акундину, ни словечка не скажеть, никто ему, Акундину, вѣсточки не дасть. Подымался онъ, Акундинъ, во нарядъ, а поднявшись выходить на круть бережекъ и идеть ко тому городу великому. Входить онъ, Акундинъ, во тотъ городъ великой, а во томъ городѣ великомъ бѣда учинилася: нападали злы Татарове на тотъ великъ городъ Муромъ, полонили они людей посадскіхъ во полочь, со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной, того ли воеводы Муромскаго дочь названую. Идеть онъ, Акундинъ, на воеводской дворъ, ко тому ли двору изукрашеному. Входить онъ, Акундинъ, на тотъ дворъ, а тамъ молода боярыня, Аѳимья Ивановна, плачетъ-возрыдаетъ, а сама въ возрыданыцѣ вымолвляеть:—Гой еси ты, моя ненаглядная дочь, Настасья Ивановна! Ужь воротись ты, моя лебедь бѣлая, ко своему ли ко родимому батюшкѣ, Неждану Ивановичу, ко своей ли родимой матушкѣ, Аѳимѣ Ивановнѣ, ко своей ли родимой сестрицѣ, Авдотьѣ Ивановнѣ! Ты взойди, взойди во свой теремъ изукрашенный! Ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, опустѣль твой теремъ изукрашенный. Ты взойди, взойди во цалаты бѣлокаменны, ко своему ли батюшкѣ родимому: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, во налатахъ бѣлокаменныхъ нѣту радости, нѣту веселія у тво-

XLV

его родимаго батюшки. Какъ и онъ ли, твой родимый батюшка, со тоски со кручинушки хлѣба-соли не кушаетъ, день и ночь возрыдаючи, тебя вспоминаючи. Ты взойди, взойди во теремъ брусящатый, ко своей ли матушкѣ родимой: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, во теремъ брусящатомъ нѣту радости, нѣту веселія у твоей родимой матушкѣ. Какъ и она ли, твоя родима матушка, со тоски со кручинушки позабыла свое вѣжество пригожее, позабыла свое бѣло личико сурмить *), позабыла свои дороги нарядушки рядить, день и ночь возрыдаючи, тебя вспоминаючи. Ты взойди, взойди во вышку рѣшетчатую, ко своей ли родимой сестрицѣ: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, во вышкѣ рѣшетчатой нѣту радости, нѣту веселія у твоей родимой сестрицѣ. Какъ и она ли, твоя родима сестрица, со тоски со кручинушки позабыла игры дѣвичьи, день и ночь возрыдаючи, тебя вспоминаючи. Ты взойди, взойди во свой зеленый садъ, ко своей ли нянюшкѣ: ужь безъ тебя ли, моя лебедь бѣлая, опустѣль зеленой садъ, осиротѣла твоя нянюшка. Какъ и твоя-то нянюшка слезно плачетъ, возрыдаетъ, а сама въ возрыданыци слово молвить: Ты разступися, мать сыра земля, ты поглоти меня, мать сыра земля, горько-одинокую! Для кого я взлелѣяла мою бѣлую лебедушку, красну дѣвицу Настасью Ивановну? Ужь досталась она, родимая, злу Татарченку, бесерменину. Ты разступися, мать сыра земля, ты поглоти меня, мать сыра земля, горько-одинокую! Ты взойди, взойди на свой широкой дворъ, какъ и тамъ ли всѣ твои подруженьки: ужь онъ слезно плачутъ-возрыдаются, а въ возрыданыци слово молвять: поднимися ты, туча грозная, по поднебесью, ты заслони, туча грозная, путь-дороженьку злу Татарченку въ Золоту орду! Ты возстань, возстань, вѣтеръ буйной со полуночи, ту умчи, умчи, вѣтеръ буйной, нашу лебедь бѣлую, молоду подруженьку, свѣтъ Настасью Ивановну, во теремъ изукрашенный! Какъ и безъ тебя ли, наша лебедь бѣлая, пріутихили игры дѣвичьи, пріумолкли тайны бесѣдушки, нѣту радости въ зеленомъ саду, нѣту веселія середи двора широкаго. Ты взойди, взойди, туча грозная, ты возгрянь, возгрянь, громова стрѣла, да во того ли зла Татарченка, бесерменина!—Какъ во ту пору выходилъ Нежданъ Ивановичъ на свой широкой дворъ

---

*) Эта выдумка уже не совсѣмъ кстати: лицо вышло бы чернымъ, сунуть лишь брови.—О.

XLVI

унимать свою молоду жену, свѣтъ Аѳимью Ивановну. Какъ и онъ ли, Нежданъ Ивановичъ, слезно плачетъ-возрыдаетъ, а въ возрыданьицѣ слово мольвить: ««Ты не плачь, не плачь, моя молода жена, свѣтъ Аѳимья Ивановна! Не руди ты своего бѣла личика, не надсажай своего здоровыца некрѣпкаго. Какъ и безъ того знать по твоему бѣлу личику злу тоску со кручиной; какъ и безъ того знать по твоимъ горючимъ слезамъ бѣду наносную. Снаряжу я рать могучую, опошлю ту рать въ Золоту орду немирную, по нашу лебедь бѣту, Настасью Ивановну. Ты взойди, взойди въ извѣчные domы Божьи^{*)}: ты пролей, пролей свои горючи слезы ко Создателю!»» Какъ и туто Нежданъ Ивановичъ подклпкалъ сѣнныхъ дѣвшушекъ, а самъ приказываиль: ««Ужъ и вы ли, сѣнныя дѣвшушки! Ведите вы мою молоду жену, свѣтъ Аѳимью Ивановну, во палаты бѣлокаменны, во теремъ брусящатый. Унимайте вы мою молоду жену отъ слезъ горючихъ, отъ надсадушки великой.»» Принимали сѣнныя дѣвшушки молоду боярыню Аѳимью Ивановну подъ ея бѣлы руки и вводили во палаты бѣлокаменны, во теремъ брусящатый, унимали ее, молоду боярыню, отъ слезъ горючихъ, отъ надсадушки великой. Выходилъ Нежданъ Ивановичъ на свой широкой дворъ ко воротичкамъ тесовыимъ, ко рѣшеточкѣ золотенькой, а самъ выговариваль: ««Гой еси вы, добры Муромцы и весь міръ крещеный! Вѣдомо вамъ, добры Муромцы, что на нашъ славный городъ Муромъ нападала Золота орда немирная, полонила та Золота орда немирная великъ полонъ изъ людей посадскіхъ, со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной.»» Какъ и туто все добры Муромцы и весь міръ крещеный били ему, Неждану Ивановичу, великімъ члобитыцемъ, а сами во едину рѣчь вымолвляли: — Вѣдаемъ мы, люди посадскіе, про горе великое, про нежданъ полонъ. Какъ и та ли Золота орда немирная полонила нашіхъ дѣтушекъ со душой красной дѣвицей со Настасьей Ивановной. Ужъ и ты ли, нашъ могучъ воевода, славной бояринъ Нежданъ Ивановичъ, придумай-пригадай: какъ воротить изъ полону нашіхъ дѣтушекъ? Ужъ у насъ ли, людей посадскіхъ, не стало ума-разума со великой бѣды; ужъ у насъ ли, людей посадскіхъ, опустились бѣ-

---

^{*)} Кажется, сочинитель счелъ эти „извѣчные domы“ за храмы и церкви, между тѣмъ какъ это были богадѣльни и больницы.—О.

XLVII

лы руки со кручинушки, да и нѣть силы при старости, да и нѣть крѣности во великому сиротствѣ. — Какъ возговорить тутъ Нежданъ Ивановичъ: « «Порадйтѣ, добры Муромцы, изнять изъ Золотой орды мою лебедь бѣлую, Настасью Ивановну. Награжу я того золотой казной, надѣлю я того золотой парчей, кто воротить мою лебедь бѣлую, Настасью Ивановну. Будетъ старъ человѣкъ, — и я того буду чтить во отца; будетъ молодой молодецъ, — и я награжу того Настасьей Ивановной со великимъ приданымъ.» »

Во ту пору онъ, Акундинъ, стоялъ у воротичекъ тесовыхихъ, у той рѣшеточки золотенькой. И жаль ему стало добрыхъ Муромцовъ, а жалѣтъ того воеводы Муромскаго. Со того ли со жалѣнья возговорить онъ, Акундинъ: « Ты гой еси, воевода Муромскій, славной бояринъ Нежданъ Ивановичъ! Прикажи мнѣ, молодому молодцу, нагонять Золоту орду немирную, ослободить изъ полону крѣпкаго людей посадскіихъ да твою дочь названую Настасью Ивановну? » Какъ и тuto ли возговоритъ Нежданъ Ивановичъ: « «Нагоняй ты, молодой молодецъ, Золоту орду немирную, выручай ты изъ полону крѣпкаго людей посадскіихъ да мою лебедь бѣлую Настасью Ивановну. Награжу я тебя золотой казной, надѣлю золотой парчей и отдамъ за тебя лебедь бѣлую Настасью Ивановну со великимъ приданымъ.» » И давалъ Акундинъ велики обѣты нагнать Золоту орду немирную, ослободить изъ полону крѣпкаго людей посадскіихъ да названу дочь Настасью Ивановну. Какъ и тuto наряжались во нарядъ добры молодцы Муромцы, а съ ними молодой бояринъ Замятія Микитичъ, того ли воеводы Переславскаго сынъ названый. И надѣлялъ его, Акундина, онъ, воевода Муромскій, славный бояринъ Нежданъ Ивановичъ, хлѣбомъ-солю на путь-дороженьку. На всходѣ солнца свѣтлаго, на ранней зарѣ утренней, выходилъ Акундинъ изъ славнаго города изъ Мурома нагонять Золоту орду немирную. Какъ за нимъ ли, Акундномъ, выходилъ молодой бояринъ Замятія Микитичъ со дружиной Муромской. Подходитъ онъ, Акундинъ, ко круту бережку, садится на свое суденышко оснащеное, береть весельца кленовыя, кладеть весельца кленовыя во замки дубовые, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко внизъ по Окѣ по рѣкѣ, а за тѣмъ суденышкомъ плывутъ лодочки Муромски. Ёдетъ онъ, Акундинъ, день, ёдетъ и другой, а на третій завидѣлъ Золоту орду немирную на круту бережку. Какъ и тuto злы Татарове полонъ дѣлять: доставалась ле-

XLVIII

бедь бѣлая Настасья Ивановна злу Татарченку, стару бесерменину. Какъ и она ли, лебедь бѣлая Настасья Ивановна, слезно плачетъ-возрыдаетъ, а сама во слезахъ слово молвить: — Ужъ и ты ли, батюшка родимой мой! Не жалѣй золотой казны, выкупай меня изъ Золотой орды немирныя, изъ полону крѣпкаго. Досталась я злу Татарченку, стару бесерменину. Ужъ и онъ ли, злой Татарченокъ, урядилъ на единъ день три дѣльца дѣлать: какъ и первое-то дѣльцо—его, стара бесерменина, поить-кормить; какъ и другое-то дѣльцо—его, стара бесерменина, качать-прибаюкивать; какъ и третье-то дѣльцо—его, стара бесерменина, стеречь бѣлоярова *) коня. Ужъ и ты ли, матушка родимая моя! Не жалѣй золотой казны, выкупай меня изъ Золотой орды немирныя, изъ полону крѣпкаго. Досталась я злу Татарченку, стару бесерменину. Ужъ и онъ ли, злой Татарченокъ, на единъ день меня по три раза бѣть за вины небывалыя: какъ и первая-то вина—не велить мнѣ долго спать; какъ и другая-то вина—не велить цвѣтное платье носить; какъ и третья-то вина—не велить русу косу носить. Ужъ и ты ли, родимая сестрица моя! Не жалѣй ты золотой казны, выкупай меня изъ Золотой орды. Досталась я злу Татарченку, стару бесерменину. Ужъ и онъ ли, злой Татарченокъ, на единъ день по три раза журить-бранить: какъ и первое-то журить-бранить — не велить родимую сторонушку вспоминать; какъ и другое-то журить-бранить—велить отца съ матерью забыть; какъ и третье-то журить-бранить—не велить тебя сестрой называть. — Какъ и тутъ ли онъ. Акундинъ, выходилъ на круть бережокъ, доставалъ калену стрѣлу, натягивалъ тетивочку шелковую и пускалъ свою калену стрѣлу во того ли зла Татарченка, стара бесерменина. Какъ его-то, братцы, калена стрѣла полетѣла въ Золоту орду, и налетѣла, братцы, его калена стрѣла прямо во того ли зла Татарченка, стара бесерменина. Дотолѣ онъ злой Татарченокъ и живъ былъ. Во ту пору злы Татарове осержалися, а и хотять его, Акундину, съ душой съ животомъ разлучить. Какъ и онъ ли, Акундинъ, вынималъ свой мечъ кладенецъ, да учалъ рубить Золоту орду немирную. Бѣть онъ, Акундинъ, Золоту орду единъ день, и той орды кабы на половину стало; бѣть онъ Золоту орду и дру-

---

*) Бѣлоярая—у народа шиеница, которой кормятъ коня: ио „Бѣлояраго коня“ не слыхано.—О.

XLIX

гой день, и той орды кабы третъ осталась; бѣть онъ Золоту орду и третій день, и той орды кабы не бывало. А добивши онъ Золоту орду, выручаль людей посадскіхъ со душой красной дѣвіцей со Настасіей Ивановной изъ полону крѣпкаго и снаряжалъ онъ тѣхъ полованиковъ во нарядъ ко славному городу Мурому, со тѣмъ ли младымъ бояриномъ Замятнею Микитичемъ.

Пошли тѣ Муромцы по круту бережку, а онъ, Акундинъ, садилъ на свое суденышко оснащеное, да и поплыль по Окѣ по рѣкѣ, къ тому ли славному городу Мурому. Ёдетъ онъ, Акундинъ, день, ёдетъ и другой, а во ту пору идетъ-плыветь на встрѣчу ему друга орда немирная. Какъ и туто злы Татарове окружали его суденышко оснащеное, а и требовали они, злы Татарове, дани великой. На ту пору денегъ съ Акундинымъ не случилося: только было съ нимъ сто рублей дробныхъ денежекъ. И спрошалъ Акундинъ ту орду немирную: «А и что та за дань великая? А и кому та дань идеть? А и кто у васъ большой-набольшой?» И туто злы Татарове промолвляли: ««Дани-то великой потягло на всѣ лодочки, а и та дань идеть въ Большу орду Астрааканскую, ко тому ли славну Татарину Тугарину.»» И на тѣ-то рѣчи отвѣтныя Акундинъ выimalъ свой мечъ кладенецъ, а самъ промолвляль: «А и та ли Ока рѣка ему въ отчину досталася, и онъ-то, Акундинъ, сбираеть по Окѣ по рѣкѣ со всѣхъ лодочекъ гольдовщину и мостовщину.» И туто Акундинъ учаль со той орды Астрааканской насчитывать велику дань за гольдовщину и мостовщину: а и той-то дани выходило со сто рублевъ. А и они-то, злы Татарове, хотять его съ душой съ животомъ размучить. Не долго думаль Акундинъ, да и давай рубить ту орду Астраакансскую. На право мечемъ махнетъ,—кабы тутъ орды не бывало; на лѣво мечемъ махнетъ,—кабы пусты лодочки чернѣются. Былъ Акундинъ ту орду Астраакансскую цѣлыхъ три дни, а добивши ставиль по Окѣ по рѣкѣ заставы крѣпкія. И туто онъ, Акундинъ, поѣхалъ ко тому славному городу Мурому, ко тому ли воеводѣ Муромскому ко Неждану Ивановичу. Пріѣзжалъ Акундинъ ко тому славному городу Мурому, а во ту пору во Муромѣ радость великая учинилася: тотъ ли славный бояринъ Нежданъ Ивановичъ выдавалъ dochь свою названую Настасію Ивановну за того молода боярина за Замятнью Микитича. Входитъ онъ, Акундинъ, во палаты бѣлокамен-

L

ныя, а и во тѣхъ палатахъ идеть пиръ княжой, а и туто за дубовымъ столомъ сидять князь со княгинею, молодой бояринъ Замятнѣй Никитичъ со своей ли молодой женой съ Настасьею Ивановной. А туто молода боярыня Аѳимья Ивановна подносила ему, Акундину, чару съ зеленымъ виномъ, а Нежданъ Ивановичъ приговаривалъ: ««Гой еси ты, добрый молодецъ! Пріими чару зелена вина, а вышѣ ты чару зелена вина за князя со княгинею!»» Пріimalъ Акундинъ чару зелена вина, вынѣвалъ чару зелена вина за князя со княгинею. И опослѣдъ того онъ, Нежданъ Ивановичъ, рѣчъ вымолвлялъ: ««Не знали мы и не вѣдали, что съ тобой содѣялось. А и думали мы, что тебя въ живыхъ не стало: ни то злы Татары полонили, ни то люты звѣри растерзали. А и тотъ ли Замятнѣй Никитичъ присватался за нашу Настасью Ивановну; а мы, не вѣдая тебя въ живыхъ, приговорили: отдать свою лебедушку бѣлу за того ли за Замятнѣй Никитича. Будь хочешь ты, за твои заслуги великия награжу я тебя золотой казной, надѣлю я тебя золотой парчей, а на нашей лебедушкѣ не погибнайся.»» И былъ чelомъ Акундинъ на тѣхъ словахъ вѣжливыхъ, а золотой казны не бралъ, а золотой парчи не спрашивалъ, а бивши чelомъ вымолвлялъ: ««По моимъ счасткамъ бѣда учинилася: нападала орда Астараканскаа. Изѣывающи ту орду Астараканскую, не думалъ я и не гадалъ другой бѣды. А и дай же то Боже, князю со княжною *) вѣкъ вѣковать, добра наживать да дѣтушекъ возрастать!» И прощался Акундинъ съ воеводою Муромскимъ, а на прощаньицѣ слово молвилъ: ««Не дай же то Боже, во вѣкъ въ Муромѣ бывать того воеводу Муромскаго видать. А и его-то воеводины слова перелетныя: на посулахъ висить.» И за то слово изоймаючи, возговорить Нежданъ Ивановичъ: ««А и бѣгите сюда, добры Муромцы! Выгоните его, невѣжу, со двора долой, выгоните его, мужика, и изъ городу вонъ. А и онъ ли, невѣжа, деревенской мужикъ, смѣль свататься за боярску дочь!»»

И пошелъ онъ, Акундинъ, изъ Мурома ко кругу бережку, садился на свое суденышко оснащеное, да и плылъ внизъ по Окѣ по рѣкѣ ко стольному городу ко Кіеву. Приплывши онъ, Акундинъ, ко столь-

*) Княгинею, новобрачною.—О.

ному городу ко Кіеву, справлялъ поминочки съ сорочинами по своемъ родномъ батюшкѣ. На тѣхъ ли поминочкахъ съ сорочинами сидѣли за дубовыимъ столомъ сорокъ Каликъ съ Каликою. И пили-ѣли тѣ сорокъ Каликъ съ Каликою канунъ варенъ по всѣмъ роднымъ. А опослѣдѣй тѣхъ поминочкѣ одѣялъ Акундинъ тѣхъ сорокъ Каликъ съ Каликою золотой казной на поминъ души по всѣмъ роднымъ. Во ту пору выходилъ старый Калѣчище на особицу, и билъ ему, Акундину, чедомъ: ««Спасибо тебѣ на поминочкахъ, на золотой казнѣ! За твою мяѣь-соль великую, за твой канунъ варенъ, повѣдаю твою судьбушку: тебѣ ли, доброму молодцу, на роду счастье написано — женитися на молодой вдовѣ во чужомъ городу.. Не умѣль ты, добрый молодецъ, изловить бѣлу лебедушку, такъ съумѣй же ты, добрый молодецъ, достать сѣру утицу. Вѣдь твоя-то, сѣра утица, распустила крылушки на крутомъ бережку во большомъ городу, гдѣ палатушки бѣлокаменны, гдѣ вороты красны.»» И тому слову дивился Акундинъ: кабы сходить ко тому городу, гдѣ вороты красны, гдѣ палатушки бѣлокаменные, да сѣру утицу достать? Справивши во Кіевѣ всѣ поминочки съ сорочинами, надѣвалъ Акундинъ на себя платье Калики Переходжаго и пошелъ во путь во дороженьку сухимъ сухопутыцемъ, тою дорогою прямѣзжею, что потягla отъ Кіева прямо на Русь. И тою дорогою прямѣзжею проходилъ онъ велики города съ пригородочками, а нигдѣ не видалъ тѣхъ воротъ красныхъ со палатушками бѣлокаменными. Ни мало, ни много, ходилъ онъ, Акундинъ, тою прямѣзжею дорогою ровно три года, а на четвертый тодѣ подходилъ ко круту бережку, ко незнаму городу ко большому. И видѣть Акундинъ туто вороты красны со палатушками бѣлокаменными. Не долго онъ думаль, да и пошелъ искать по городу сѣру утицу. Ходитъ онъ, Акундинъ, день, ходитъ и другой, а на третій съ надсадушки у него, молодца, ретиво сердце надрывалося, бѣлы руки опускалися, рѣзвы ноги подкашалися. И садился Акундинъ посередь торгу со Каликами. А тѣ-то Калики Переходжіе были стары старики, а и пѣли они, стары старики, сказаныца немалыя: про стару старину до про Божіихъ людей. И дарилъ онъ, Акундинъ, ихъ, старыхъ старииковъ, золотой казной, а самъ приговаривалъ: «Гой еси вы, Калики Переходжіе! И вы спойте, стары старики, про каменну Москву, и вы спойте, стары старики, про Великъ Новградъ!» И дивились стары старики на великъ подарочекъ, а сами промежь

себя говорять: ««А и тотъ великъ подарочекъ не посадской: ни то отъ князя, ни то отъ боярина, ни то отъ торгова человѣка.»» И молвить туто старый Калика: — Ой вы, глупые старики! Не ужь-то вы не свѣдали дорогой подарочекъ изъ Новагорода? Не ужь-то у васъ ума-разума не стало? — И пѣли стари старики про камену Москву, а далѣй пѣли про Великъ Новградъ. И за тѣ-то рѣчи старыя дариль Акундинъ старыхъ старииковъ золотой казной. И за то-то подареныце пѣли стари старики про него Акундина: ««Жиль-былъ Акундинъ, удалъ молодецъ. А и тотъ добрый молодецъ удалъ изъ Новагорода со посадской стороны со торговой. И ходилъ-гулялъ онъ, добрый молодецъ удалъ, на суденышкахъ по Волгѣ по рѣкѣ стары бусы разбивать, животы наживать. И ходилъ-гулялъ онъ, добрый молодецъ удалъ, на суденышкахъ по Волгѣ по рѣкѣ стары бусы разбивать, животы наживать. И ходилъ-гулялъ онъ, добрый молодецъ удалъ, на стружечку по Окѣ по рѣкѣ отъ полону слобожать, Золоту орду разбивать. Ужь и тамъ ли добрый молодецъ удалъ змѣя Тугарина побивалъ, отъ полону городъ слобожаль. И за то его, удала молодца, жаловалъ стольный князь со правой руки золотымъ перстнемъ. Какъ и онъ ли, добрый молодецъ удалъ, отъ полону городъ Муромъ слобожаль, отъ набѣгу красну дѣвицу изымаль. Какъ и та ли красна дѣвица душа запоручена была; запоручиль красну дѣвицу душу батюшку родимой ему, удалу молодцу: — Слобожай ты, добрый молодецъ удалъ, лебедь бѣлую мою; какъ за то я награжу тебя золотой казной, какъ за то я надѣлю тебя золотой парчей; какъ за то я выдамъ за тебя красну дѣвицу душу дочь названную свою. — Какъ доставалась лебедь бѣлая душа не ему, удалу молодцу; какъ и доставаль лебедь бѣлую душу молодой боярской сынъ. Ужь и та-ли, лебедь бѣлая душа, ровно три годочка лебедушкой жила, а на четвертой строй утицей поплыла.»» Не успѣли стари старики свою рѣчь домолвить, какъ туто восплакала-возрыдала модода боярыня Настасья Ивановна, а сама въ возрыданыиѣ слово вымолвила: — Гой еси вы, стари старики! Пріймайте отъ меня, вдовой, мало подаяньице. И вы скажите, стари старики: живъ ли добрый молодецъ удалъ? — Стари старики пріимали подаяньице, а сами промежъ себя рѣчь говорять: ««А и то-то подаяньице не посадское: ни то княженецкое, ни то боярское.»» И туто Акундинъ скидалъ съ себя платье Каличье, окликаль себя Акундinemъ да и билъ че-

LII

домъ: «А и ты-то, молода боярыня Настасья Ивановна, вспознай меня, Акундина!» И вспознала она, молода боярыня, его, Акундина, а вспознавши говорила таковы рѣчи:—Богъ суди родимаго батюшку! Не поставилъ во память твои заслуги великия, не хотѣль породниться съ удалымъ молодомъ. А ионѣсь волею Божеюсталося, что ни батюшки родимаго, что ни матушки родимыя, что ни моего Замятни Микитича нѣть у меня. Ровно три годочки живу во вдовствѣ сиротой.—

И былъ челомъ онъ, Акундинъ, молодой боярынѣ Настасьѣ Ивановнѣ во своемъ одиночествѣ, а опослѣй засыпалъ сваху съ челобитицемъ. И она-то, молода боярыня Настасья Ивановна, припоминающи его заслуги великия, созывала честныхъ людей, старыхъ стариковъ, на рукобитище. А и та-то свадьба была на Вязьмѣ, а и жить стали на Клязьмѣ на рѣкѣ, во селѣ боярскомъ Замятни Микитича. А и онъ-то, Акундинъ, живучи со своей Настасьей Ивановной, сестарѣлся и переставился.

(Оттуда же).

* *

III.

ЗАМѢТКА.

А.

Былевое творчество Новгорода глубоко отлично и отъ древнѣйшаго—Кіевскаго, Владимира, и отъ дальнѣйшаго — Московскаго. Объемомъ оно несравненно ѿже сихъ обоихъ; не столь богато древнѣйшими стихіями поэзіи, истекшими изъ доисторического периода, какъ первое и сравнительно съ нимъ гораздо положительнѣе, историчнѣе, ближе къ исторической дѣйствительности и практичеснѣе; за то, сравнительно съ Московскимъ, оно богаче вліяніемъ отдаленной старины и не выражаетъ тѣхъ элементовъ государственности, которые часто бросаются въ глаза при изученіи характера Московскаго. Складъ Новгородского творчества, его стихъ,—все это ближе къ Кіевскому, не столько—говоримъ—прадревнимъ, часто неуловимыми элементами содержанія и образами творчества, сколько формою, отдѣлкой и языкомъ, явленіями опредѣленной исторической поры творчества: Былина его цѣльнѣе, такъ сказать мужественнѣе и рѣже ниспускается до краткаго женскаго склада Старины, господствующей въ творчествѣ Московскому и здѣсь часто отрывочной, близкой къ пѣснямъ Безъименнымъ. Начинаясь съ той же эпохи, какъ творчество Владимира, съ знаменитаго лица посадника Добрыни, связанного съ поэтическими преданіями о водвореніи Христіанства въ Новгородѣ, обѣ изгнаній Перуна, обѣ его послѣднихъ дѣяніяхъ и палицѣ, брошенной на Волховскій мостъ,—съ лица Добрыни, известного съ другой стороны и въ творчествѣ Кіевскомъ между первыми его звеньями; примыкая къ той эпохѣ Владимиrowой, къ которой возводится начало нашего положительнаго Былеваго творчества и съ которой изображается въ немъ лучшая пора въ первые прочно сложившагося Русскаго мѣра-народа,

творчество Новгородское опускает однако всѣ постепенности и частности этого міро-созиданія, выраженные въ Былинахъ о Киевскихъ и Владимировыхъ богатыряхъ, обѣ этой Земской Дружинѣ, стоявшей за возраставшую Земщину всей Руси. Творчество отдѣльного, хотя и Великаго, Новгорода, его отдѣльной области, послѣ иѣсколькихъ помянутыхъ образовъ, связанныхъ съ Добрынею, береть дѣло какъ бы уже готовымъ, въ ту минуту, когда Новгородъ со всѣмъ раздѣлялся съ первобытной древностью, сложился, вышелъ на поприще положительной исторіи. Оно столь же *Земское* творчество, какъ и Киевское, но оно ограничено эпохою болѣе позднею, болѣе тѣснымъ кружкомъ одного города съ пригородами и областью, если не совершенно виѣ—ибо это была та же Русь,—то особо отъ общихъ интересовъ *всей* Руси, представительство которой бралъ на себя Киевъ. Татары, общее бѣдствіе всей Руси, лица, замѣшанныя вездѣ и въ Киевскомъ, и въ Московскомъ творчествѣ, какъ не проникли въ исторической Новгородъ, такъ не пошли и въ его творчество Былевое. Однимъ словомъ, главное отличіе сего послѣдняго отъ Московского состоять въ характерѣ *земства*—по содержанію—и въ *большей древности* цѣльного склада, а отъ Киевского въ *частности* мѣсть, лицъ и событий, въ *позднѣйшей* близости склада и языка къ опредѣленной исторической эпохѣ, къ положительной дѣйствительности.

Слѣды Новгородского Былеваго творчества въ семъ видѣ передаются намъ лѣтописями и другими письменными памятниками Новгорода. Послѣ смутныхъ, ему въ особенности принадлежащихъ, полуисторическихъ воспоминаній о призваніи Варяговъ, за отбытиемъ князей на Югъ, взоръ Новгородца не сопровождается ихъ участіемъ, и, тогда какъ они на новомъ поприщѣ дѣйствія вызываютъ множество поэтическихъ сказаний, жизнь Новгородская знаетъ съ ними борьбу, а творчество Новгородское совершенно къ нимъ холодно, хоть бы какая черта, хоть бы намекъ. Поэтическія преданія, какъ сказано, появляются въ Новгородѣ по лѣтописямъ лишь при имени Добрыни, при событии, освѣтившемъ всю Русь, водвореніи Христіанства. Бывшій посадникъ Великаго города, дядя Просвѣтителя, являясь сюда вторично съ духовенствомъ, сокрушаешь иоловъ, разоряетъ требища, крестить людей, борется съ Перуномъ и посыкаетъ его («Степеняная», спр. Замѣтку при 2-мъ вып.). Но другимъ эти подвиги при-

надлежать и первому архієпископу, знаменитому Іоакиму Корсунянину: «Сей Іоакимъ архієпископъ раздруши въ Новгородѣ идола Перуна и потомъ повелъ его, связавъ ужи (узами, веревками), влещи въ рѣку Волховъ, иныхъ же пристави влекомаго бити... И се чудо дивно явися, яко бѣсь въ немъ, доселъ живый, не стерпѣ (не стерпѣвъ) сего поношениѧ, начать велми жалостно и болѣзненно веліумъ гласомъ вопити: «Увы, увы, горе, горе, яко впадохся въ руцѣ сихъ немилостивыхъ человѣкъ, иже вчера мя яко бога почитаху, нынѣ же толика ми зла нанесоша! Увы мнѣ, увы мнѣ, чтò имъ прочее сотворю?» Людіе же единаче (однако, все-таки) влечаху его блюще и, пришедшe на мостъ, вринуша его въ рѣку Волховъ, идѣже абіе погрязе во глубину. И по малѣ явися зъ (изъ) воды: единъ же иѣкто человѣкъ верже на него палицею; онъ же, вземъ палицу, верже нею на мостъ и уби тамо мужей килка (нѣсколько). Порази же слѣпотою Новгородцовъ, яко оттолѣ въ сie время (въ извѣстное время года) даже до нынѣ, въ коеждо лѣто, на томъ мосту люди собираются и, раздѣлшися на двое, играюще убиваются (Лѣтоп. Густыньская подъ 990-мъ год.).» т. е. къ этому преданію возводилось начало не только народныхъ Новгородскихъ игръ, но и древней судебной расправы, рѣшавшейся на мосту. «И въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсь, и нача кричати: «О горе, охъ мнѣ! Достахся немилостивымъ сімъ рукамъ!» И вринуша его въ Волховъ. Онъ же, пловя сквозь великий мостъ, верже палицу свою на мостъ, еюже и нынѣ безумніи убивающеся, утѣху творять бѣсомъ (Соф. Врем.; то же Псковск.).» «Онъ же, пловя сквозь великий мостъ, верже палицу свою и рече: «На сѣмъ мя поминаютъ Новгородскія дѣти!» Еюже и нынѣ безумніи людіе убивающеся, утѣху творять бѣсомъ (Врем.).» За тѣмъ борьба съ Перуномъ горничара, враждебная рѣчи («до съти еси ъль и пиль, а нынича поплови прочь») и ироch. Такимъ образомъ древнѣйшее на глазахъ исторія Былевое творчество Новгорода, запесенное слѣдами и въ лѣтопись, зачинается такъ же, какъ и Кіевское, со времени Владимира и его богатырей. Но далѣе, и цѣликомъ, оно отдало своего Добрыню Кіеву. Весь XI-й вѣкъ, вѣкъ самыхъ горячихъ богатырскихъ подвиговъ, воспѣтыхъ въ Кіевской Былинѣ, проходитъ для Новгорода и его поэтическихъ преданій безслѣдно. Лѣтописи народа, по преимуществу дѣловаго и практическаго, не окрашиваются, какъ Южныя, поэтическимъ отцвѣтомъ. Только въ XII вѣкѣ появляются памятники,

LVII

происхождениемъ и содержаниемъ принадлежащіе Новгороду, въ коихъ замѣтно возникаетъ вновь Былевое творческое настроеніе, и этотъ вѣкъ, судя по даннымъ, доселѣ извѣстнымъ, есть единственный вѣкъ памятниковъ Былеваго Новгородскаго творчества. Мы разумѣемъ памятники: о Добрынѣ II-мъ и построеніи Варяжской божницы; объ Антоніи Римлянинѣ; о побѣдѣ Новгородцевъ надъ Сузdal'цами (Знаменіе); о построеніи Благовѣщенскаго монастыря; о путешествіи Ивана въ Ерусалимъ; о Варлаамѣ; о видѣніи пономаря Тарасія,—памятники, насквозь пропитанные поэтическими преданіями (напечатаны въ «Памятникахъ стар. Р. литер.») по аналогіи можно заключать, что сюда же по происхождению примыкаетъ легенда о посадникѣ Щилѣ, исторически извѣстнаго позднѣе, но котораго едва ли слѣдуетъ искать въ исторіи). Замѣтально, что все эти события и лица современны тѣмъ событиямъ и лицамъ, кой сдѣлались прямымъ достояніемъ поэзіи и о коихъ мы сейчасъ скажемъ.

Въ семъ же, XII-мъ вѣкѣ, записаны Новгородскими лѣтописями имена лицъ, сдѣлавшихся героями извѣстныхъ намъ Былинъ. Подъ 1118-мъ годомъ (въ Новгор. I-й) *Сотскій Ставръ*, котораго заточилъ Владимиръ Мономахъ: но поэтическія преданія обѣ немъ, подобно какъ о Добрынѣ, Новгородъ уступилъ творчеству Кіевскому (см. 4-й выпускъ и Замѣтку при немъ стр. LI). За то другія два лица, помянутыя также въ лѣтописяхъ, сосредоточиваются на себѣ все, что мы знаемъ лучшаго и главцаго въ устномъ Былевомъ творчествѣ Новгорода, до нась дошедшемъ. Оба они—исторически—современны: но обѣ одномъ лѣтописи говорять нѣсколько ранѣе, да и Былины обильнѣе чертами, занесенными изъ доисторической древности. Это *Садко* и *Василій Буслаевъ*.

О *Садко* лѣтописи, принадлежащія Новгороду или Новгородскому циклу, говорять въ нѣсколькихъ мѣстахъ, то весьма рано, то довольно поздно—въ XII вѣкѣ: но собственно онъ относится, какъ лицо историческое, къ эпохѣ весьма опредѣленной и намъ нужно только выяснить сопостановку свидѣтельствъ. Эти свидѣтельства раздѣляемъ мы на три рода. 1) По поводу построенія древнѣйшей Новгородской Софіи, разрушенія ея пожаромъ и потомъ возстановленія въ новомъ видѣ, упоминается Садко, *поздинѣе* построившій въ сей же мѣстности

LVIII

церковь Бориса и Глеба. Новгор. III-я: «Въ лѣто 6.497 (989) постави владыка епископъ Іоакимъ первую (прежнюю, древнѣйшую) церковь деревянную дубовую Святая Софіи, имущую верхъ 13; и стояла 60 лѣть; и подняся отъ огня (сгорѣла) въ лѣто 6.557 (1.049), марта въ 4 день, въ суботу, при второмъ епископѣ Лукѣ, въ 13 лѣто. Бысть честно устроена и украшена, а стояла по конецъ (въ концѣ) Пискупли (Епископской) улицы, надъ Волховомъ рѣкою, до каменнаго дѣтинца-града строенія; идѣже послѣди поставилъ Сотко Богатой церковь каменну святыхъ мученикъ Бориса и Глеба въ лѣто 6.558 (1.050), яже та церковь (Садкова) стояла въ камennомъ городѣ - дѣтинцѣ близъ каменной градной стѣны.» Это показаніе, которое напрасно издали лѣтописей, Археографической Коммиссіи, исправляютъ, заключаетъ въ себѣ, именно тамъ, где они исправляютъ, весьма вѣрныя данныя, нужно только стать на точку зреінія лѣтописца. Онъ жилъ уже поздно: онъ только вспоминаетъ о стоявшей нѣкогда церкви Садка, при немъ уже не существовавшей; но, поднимаясь въ древность, онъ передаетъ: древнѣйшая, деревянная Софія построена въ 989 году; стояла 60 лѣть, отъ 989 до 1.049-го; сгорѣла въ семь послѣдніемъ году; потомъ, послѣ, поставилъ въ сей же мѣстности каменную церковь Садко. Вотъ вѣрныя показанія лѣтописца. Но онъ не говоритъ въ этомъ мѣстѣ о томъ, что въ 6.553 г. (1.045) заложена новая, каменная Софія; обѣ этомъ говорить онъ ниже; говорить и другіе лѣтописцы: поелку же съ 6.553 (1.045) до 6.557 (1.049) года протекло 4 года, то они показываютъ, что деревянная церковь Софіи стояла 4 года, какъ увидимъ ниже. Ошибка лѣтописца III-й Новгор. лѣтописи не въ томъ обстоятельствѣ, которое исправлено издателями, а въ томъ, что, не заставъ уже каменной церкви Садка и времени ея построенія, онъ относить построеніе ея къ 6.558 (1.050) году, къ тѣмъ годамъ, въ которые, спустя столѣtie, построена церковь Бориса и Глеба, только не каменная, а деревянная, и не Садкомъ: то есть, встрѣтивши въ старыхъ запискахъ упоминаніе о построеніи церкви Б. и Гл. деревянной, онъ смѣшалъ ее съ каменною. Это сейчасъ мы увидимъ далѣе. Новгородская II-я: «Въ лѣто 6.497 (989; издали исправляютъ этотъ годъ ошибочно, какъ увидимъ ниже) постави владыка Іакимъ церковь деревянную Святую Софію, имущи верховъ 13. И стояла 4 лѣта, и поднялась церковь Святаа Софіа отъ огня (сгорѣла) мѣсяца

Марта въ 4, въ суботный день, бывше (въ старомъ видѣ) честно устроена и украшена. А стояще конецъ Епископли улицы, надъ рѣкою надъ Волховомъ, идѣже иинны (иногда, въ другое время; издали ошибочно исправляютъ *нынѣ* по другимъ лѣтописямъ) поставилъ Сотко Сотникѣ (при этомъ указаніи встрѣчаемъ позднѣйшія прибавки, которыя уяснимъ ниже: «*Сотко Сытничъ исытнинъ*,» т. е. «*и Сытнинъ*») церковь святыхъ страстотерпецъ князей Русскихъ Бориса и Глѣба.» Такимъ образомъ показанія этого лѣтописца сходятся съ Новгородскою III-ю: Иоакимъ поставилъ деревянную Софию 989 года; обѣ этомъ нишетъ лѣтописецъ подъ 6.553 (1.045) годомъ, по поводу заложенной тогда новой каменной Софіи; по поводу же ея мѣстоположенія прибавляетъ, что иинны, въ другое, послѣдующее время, тутъ же поставилъ свою церковь Садко, но когда, не зная или не входя въ подробности, онъ молчитъ; явно только, что онъ жилъ уже послѣ построенія Садковской церкви. Тѣ, позднѣйшіе, лѣтописцы, которые вмѣсто иинны поставили *нынѣ*, а за ними и издатели, такъ же исправивши текстъ, ошиблись, ибо около сего времени построена не Садковская каменная, а деревянная церковь Бориса и Глѣба. Разнорѣчіе здѣсь съ Новгородскою III-ю то, что въ сей послѣдней и иѣкоторыхъ другихъ, какъ увидимъ, годъ пожара 6.557-й (1.049), а здѣсь 6.553-й (1.045). И это бы не бѣда; лѣтописецъ считаетъ, что «стояла» деревянная Софія «4 лѣта:» отъ чего и до чего онъ считаетъ? Явно, что отъ 1.045-го до 1.049-го и, стало быть, признаетъ время пожара въ семъ послѣднемъ году. Здѣсь одно важно: день пожара указанъ «Марта въ 4, въ субботу,» а 4-е Марта въ субботу приходилось, говорять, въ 6.553 (1.045) году. Я не имѣю подъ рукою данныхъ для повѣрки этого расчета (да и некогда сюда пускаться при моемъ дѣлѣ): я знаю лишь, что и въ тѣхъ свидѣтельствахъ, кон укажемъ ниже и въ коихъ пожаръ означенъ подъ 1.049-мъ годомъ, высчитано то же «4 Марта въ субботу.» Если это число съ субботою падаетъ именно на 1.045-й годъ, то остается допустить: Иоакимовская деревянная сгорѣла въ семъ году: въ семъ же году заложена новая каменная; но такъ какъ послѣдняя кончена постройкою позднѣе, то была конечно поставлена временная деревянная, не стоявшая, чтобы о построеніи ея говорить особо и сгорѣвшая послѣ въ 1.049-мъ году: стало быть, лѣтописцы смѣшивали двѣ деревянные церкви, древнѣйшую и временную, и два

пожара ихъ. Вообще въ описаніяхъ, кои мы разбираемъ, видимо со-
поставляются и даже смѣшиваются, по самыи даже годамъ, Софія
старая и новая, деревянная и каменная, да церковь Благовѣрныхъ
Князей старая и новая, деревянная и каменная. Мы надѣемся, что
по крайности уясняемъ путь для различенія показаній. Издатели же
Археографической Коммиссіи, какъ неправильно исправили *нынѣ*
вместо *инны*, столь же неправильно подставили 6.553 (1.045) годъ
вместо 6.497 (989), ибо для лѣтописца это дѣла розныя: подъ по-
слѣднимъ годомъ говорить онъ о построеніи церкви Іоакимовской, а
подъ первымъ обѣ ея пожарѣ и возстановленіи. Теперь пойдемъ да-
лѣе.—Въ Софійскомъ Временнику: «Въ лѣто 6.557 (1.049), мѣся-
ца Марта въ 4 день суботний, сгорѣ церкви святая Софія, бяше же
честно устроена и украшена, 13 верхи имуще. А стояла конецъ
Пискуніи улицы надъ Волховомъ (Волхвомъ), идѣже нынѣ постави
Сотко (въ печатн. ирежнемъ *Погатой*, т. е. *Богатой*) церковь
камену святаго Бориса и Глѣба.»—Въ Никоновской: «Въ лѣто 6.557
(1.049) мѣсяца Марта въ 4 день суботний згорѣ въ Новѣгородѣ цер-
ковь святая Союя, бѣша (бывше, бывши) бо честно устроена и
украшена, 13 верхи имуще. А стояла конецъ Пискупли улицы надъ
Волховомъ, идѣже нынѣ поставилъ *Сотко* святаго Бориса и Глѣба.»
Въ обоихъ случаяхъ время пожара 1.049-й годъ, а по поводу мѣст-
ности упомянута церковь Садка, но вставка *нынѣ*, отводя построе-
ніе ея къ 1.045 или 1.049 году, смѣшиваетъ церковь деревянную,
бывшую до Садки, съ его—каменною. *Нынѣ* остается вѣрнымъ толь-
ко съ той точки зрѣнія, если лѣтописцы относятъ это не къ 1.045
или 1.049-му, а ко времени своей жизни, заставшей построеніе ка-
менной церкви Садка. — Слѣдуетъ упомянуть показаніе старѣйшей и
надежнѣйшей лѣтоиси Новгородской I-й, въ которой пожаръ отне-
сенъ къ 6.553 (1.045) году, но счетъ чисель и дней иной: «Въ
лѣто 6.553 съгорѣ святая Софія въ *суботу*, по заутреніи въ часѣ
3, *мѣсяца* *Марта* въ 15. Въ то же лѣто заложена бысть святая
Софія Новѣгородѣ Володимиромъ княземъ.» Этотъ счетъ заставляетъ
думать, что показаніе о другомъ пожарѣ, 1.049 года, вѣрно указы-
ваетъ 4-го числа субботній день, ибо, если 15 Марта 1.045 года
была суббота, а раньше ея другая 8-го числа, вторникъ 4-го, то
въ 1.049-мъ году (безъ высокоснаго) 4-е число точно приходилось
въ субботу. Не разнілся ли тогдашній счетъ отъ позднѣйшаго, ко-

имъ нынѣ руководятся изслѣдователи?—Остается сказать, что какъ въ приведенномъ мѣстѣ Новгородской I-й, такъ и въ другихъ лѣтописяхъ, подъ 6.553 (1.045) годомъ однообразно приводится свидѣтельство о закладкѣ новой каменной церкви Софіи (освящена позднѣ), о закладкѣ, подавшей лѣтописцамъ поводъ говорить о прежней сгорѣвшей: «Въ лѣто 6.553 заложи Володимеръ святую Софию въ Новгородѣ;» «заложи князь Володимеръ Ярославичъ и владыка Лука святую Софию каменую въ Великомъ Новгородѣ (при чёмъ, по привычкѣ, приписано помянутое «Сотко Сытничъ и Сытникъ»).—2) Любопытны теперь другаго рода свидѣтельства или, лучше, другая сторона ихъ: почему лѣтописи, если не вставляютъ *иныхъ* или не относятъ его къ годамъ, современнымъ пожару старой и закладкѣ новой Софіи, вставляютъ имя Садки тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, приписывая ему построеніе церкви, какой онъ вовсе не строилъ? Именемъ, какъ мы видѣли, Новгородская III-я указываетъ годъ построенія Садковской церкви 6.558 (1.050), годъ (по иѣкоторымъ) освященія каменной Софіи; Новгородская II-я (если читать съ позднѣйшими не *иныхъ*, а *иныхъ*) приводитъ годъ 6.553-й (1.045), время пожара старой и заложенія новой Софіи; Софійскій Временникъ и Никоновская упоминаютъ 6.557-й (1.049), годъ пожара старой Софіи, и т. д.: ясно, что Софія, разными судбами своими, пожаромъ или восстановленіемъ, по роковому сближенію ея мѣстности съ мѣстностію церкви Садковской, напоминала лѣтописцамъ сію послѣднюю, построеннуую тутъ же, но время построенія коей, отъ нихъ удаленное въ прошломъ, было неизвѣстно имъ въ точности. Лѣтописцы ставили года по старымъ записямъ, пріурочивали къ нимъ преданія, но сами уже не застали построенія или даже существованія Садковской церкви, и потому сбивались. Но была и другая вѣроятная причина такому смѣщенію: церковь Бориса и Глѣба была точно построена въ Новгородѣ, и именно около тѣхъ же лѣтъ, и въ той же мѣстности, только спустя столѣtie, деревянная, и строилъ ее совсѣмъ, оказывается, не Садко. А именно. Новгор. I-я: «Томъ же лѣтъ (6.654, 1.146) сдѣлаша 4 церкви: святую мученику Борису и Глѣбу въ градѣ (дѣтинцѣ), святого пророка Илью, и святую апостолу Петра и Павла на Хълмѣ, и святую безмѣзынику Козму и Даміяна;» Новгор. IV: «Въ лѣто 6.654 сдѣлаша 4 церкви: Бориса и Глѣба въ городѣ,» и проч.; Новгородская же III-я всѣхъ

LXII

точнѣе: «Въ лѣто 6.654 сотвориша въ Великомъ Новѣгородѣ, при епископѣ Ниѳонтѣ, 4 церкви деревянныѧ: святыхъ благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба въ Околоткѣ, въ Каменномъ городѣ, Козьма и Даміанъ,» и проч. Обстоятельство это усиливалось и вводило еще въ дальнѣйшія заблужденія тѣмъ, что въ то же вре-
мя и тѣ же самыя церкви поставлены были въ Смоленскѣ. Такое показаніе, какъ на примѣръ въ Воскресенскомъ спискѣ, замѣ-
чалось на подъ противу событий Новгородскихъ: подъ 6.653 (1.145; ср. выше 6.553—1.045 года) годомъ—«Заложиша въ Смоленску на Смѣдѣни церковь камену Бориса и Глѣба.» Въ нѣкоторыхъ лѣтопи-
сахъ Новгородскихъ вошло это и въ текстъ, напр. въ IV-й: «Въ лѣто 6.653 заложиша церковь камену святаго Бориса и Глѣба на Смѣдѣни въ Смоленскѣ.» Въ другихъ позднѣйшихъ спискахъ лѣтописей извѣс-
тие Смоленское даже вытѣснило собою Новгородское, напр. въ Ни-
коновской: «Того же лѣта (6.653—1.145) въ Смоленце заложиша церковь камену святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба на Смѣдѣне;» а въ слѣдующемъ году снова: «Того же лѣта (6.654—1.146) здѣ-
лаша четыре церкви камены въ Смоленске святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба на Смѣдѣне, а во граде святыхъ верховныхъ апо-
столъ Петра и Павла, и святаго пророка Боговидца Ильи, і свя-
тыхъ чудотворецъ безсребренникъ Козмы и Дамьяна.» Соблазнъ быль
такъ великъ, что, на примѣръ, Новгородская IV-я, говоря о церкви
Бориса и Глѣба (деревянной) въ Новгородѣ, приписываетъ: «на Смѣ-
дѣни», и т. п. Въ самомъ дѣлѣ: тѣ же года (хотя и столѣтиемъ раз-
дѣленные), или, лучше, то же число лѣтъ, бросающіяся въ глаза, тѣ
же церкви и имена ихъ святыхъ, упоминаніе—то деревянныхъ церк-
вей сего имени въ Новгородѣ, то тѣхъ же каменныхъ въ Смоленскѣ,—
все это непремѣнно заставляло спутывать дѣло Садки, особенно въ
глазахъ тѣхъ, кои подлинной церкви его не видали или не застали.
И вотъ мы получаемъ его имя, весьма поучительное для насъ, но
на такомъ мѣстѣ, где ему совсѣмъ не слѣдѣ: то при Софіи по бли-
зости мѣстной, то при деревянныхъ церквяхъ Новгорода и Смолен-
ска, то отсюда снова, столѣтиемъ выше, при пожарѣ и возстановле-
ніи Софіи. Однако исправлѣйши по тексту лѣтописи, а нѣкоторыя
даже тѣ самыя, только подъ другими годами, болѣе вѣрными, сооб-
щаютъ намъ показанія несомнѣнныя и подлинныя. Именно. 3) Въ
Новгородской I: «Въ лѣто 6.675 (1.167) сѣде Мѣстиславъ Изяслав-

LXIII

виць Кыевѣ на столѣ. На ту же весну заложи *Сѣдко Сытиницъ* (разнор. *Сотко Сытиничъ*) церковь камяну святую мученику Борису и Глѣба, ири князи Святославъ Ростиславици, при архіепископѣ Илії;» обѣ освященія: «Томъ же лѣтѣ (6.684—1.173) святы церкви Новѣгородѣ Илія архіепископъ Новгородський святую мученику Борису и Глѣба камянную въ градѣ, мѣсяца октября 14.»—Новгородская III-я: «Въ лѣто 6.675 (1.167) въ Великомъ Новѣградѣ, на Софійской сторонѣ, заложи церковь каменну святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба въ Околоткѣ *Сотко Сытиничъ*, въ каменномъ городѣ - дѣтинцѣ, при Іоаннѣ архіепископѣ (ср. выше, какъ туть же самый лѣтописецъ, смѣшавъ Софію и другую церковь Бориса и Глѣба деревянную, разсказываетъ о построеніи ея Садкою въ 1.050 году).»—Въ Псковской I-й: «Въ лѣто 6.675 (1.167) заложи *Сотко* святаго Бориса и Глѣба.» И такъ остается несомнѣннымъ, что церковь сю, каменну, заложилъ Садко въ 1.167 году *). Былины приводить то же самое обстоятельство, но, подобно лѣтописямъ, смѣшиваютъ храмъ Софіи; когда Садко разбогатѣлъ,

И вложиваль ему Богъ желанье въ ретиво сердце:

Шедъ Садко, Божій храмъ сорудилъ

А и во имя Софіи Премудрыя,

Кресты, маковицы золотомъ золтиль.

Мѣстны иконы изукрашивалъ,

Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,

Царскія двери вызолачивалъ.

(Ср. у насъ вып. 5, № 3); описание отдельки храма близко къ тому, что въ лѣтописяхъ о древней деревянной Софіи. Былина даже еще приписываетъ ему построеніе двухъ церквей—Степана Архидьякона и Николая Можайскаго; послѣдняя въ № 2-мъ даже именуется «приходомъ» его:

Взглянуль Садко онъ на Новгородъ,—

Узналь онъ церкву, приходъ свой,

Того Николу Можайскаго.

---

*) Любопытно замѣтить, что отношеніе лѣтописцевъ Новгородскихъ къ дѣлу Садки можетъ повести къ заключенію, когда они жили и писали, какъ составлялись лѣтописи. Это явствуетъ изъ данныхъ, отчасти намъ разобранныхъ.

LXIV

(И воть почему, замѣчали мы при печатаніи текста былинъ, помѣщеннай подъ № 3-мъ собственно предшествуетъ, ибо въ ней говорится только еще о построеніи церкви Николая, а въ № 2-мъ о сей послѣдней какъ уже готовой; но танія данныхъ, важныя въ лѣтописяхъ, неважны для былеваго творчества). — Остается намъ сдѣлать выводы. Какъ Садко въ былинахъ гулялъ по рѣкамъ и морямъ, такъ было суждено гулять его имени по лѣтописнымъ числамъ въ теченіе почти двухъ сотъ лѣтъ: имя, стало быть, слишкомъ знакомое Новгородцамъ; не всякому такъ удается. Церкви, какъ знаемъ изъ лѣтописей Новгорода, ставились часто и другими лицами: но они не стяжали такой славы. Несомнѣнно, что это былъ гость или торго-вецъ знаменитый, по богатству ли, или по своимъ нохожденіямъ, а скорѣе по тому и другому. Имя, славное по лѣтописнымъ двухвѣко-вымъ записямъ, конечно еще больше жило и въ памяти, и въ устахъ народа, обставлялось разсказами, преданіями: они-то и возбудили народное творчество, породили собою былины и были виною того, что изъ развалинъ исчезшаго Новгородскаго Былеваго творчества со-хранились до нась и занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣсть былины именно о Садкѣ.—Крестное имя его вѣроятно было (Еврей-ское по происхожденію) *Садокъ*; но, или осмыслили его по Русски, или даже въ крещеніи дали имя соотвѣтственное народному (см. нашу Замѣтку при II-мъ томѣ Пѣсень собр. Рыбниковымъ), только оче-видно, что народъ въ этомъ имени представляетъ себѣ *садъ*, уменьши-тельное *садокъ* (*hortulus*): въ былинахъ герой себя называетъ даже просто *Садъ*. *Садокъ* склоняли *Садка*, *Садкъ*, *Садкомъ*; дальни-шая форма, возникшая уже изъ этого склоненія (по формѣ зватель-наго, какъ въ Сербскомъ), была *Садко* и—рѣже (см. Рыбнико-ва) *Садке*; наконецъ (откуда и звательная *Садко*)—*Садка*, *Садки*. *Садкъ*, *Садкою*. Отсюда же въ лѣтописяхъ *Сѣдко* (Новгородское древнее нарѣчіе отличается полугласными ѿ и Ѣ тамъ, где въ дру-гихъ случаяхъ и позднѣе а, я, о, е), *Сотко*; послѣднему названію помогло также вѣроятно прозвище *Сотникомъ*. *Сотникомъ* на-званъ онъ лишь въ одной лѣтописи, Новгородской II-й; но это не первый примѣръ для героевъ Новгородскаго творчества: Сотскимъ былъ и Ставръ. Только тотъ былъ изъ бояръ, лучшихъ мужей, почему въ Кіевскихъ былинахъ и прозванъ *бояриномъ*: Садко же конечно выборный изъ гостиной, торговой сотни. Далѣе въ лѣтописяхъ онъ

LXV

называется *Богатырь*: таково же постоянное его прозвище и въ былинахъ, чаще всего въ сочетаніи—«Садко Купецъ Богатый Гость.» Наконецъ въ лѣтописяхъ, и лучшихъ, придается ему отчество *Сытникъ*, *Сытничъ*, *Сытничъ* (испорченное «и *Сытникъ*», гдѣ *и* вмѣсто *и*): если это дѣйствительное отчество, то отъ народнаго имени (извѣстнаго нынѣ въ фамиліяхъ) *Сытъ*, *Satt*, *Satur*, имя отца, сходное съ народнымъ именемъ и сына—*Садъ*, *Садко*, *Сотко*; это же имя, въ собирательной формѣ, извѣстно какъ бранное, въ выраженіи «волчья съть» (ср. былины прежнихъ выпусковъ); припомните народные имена, перешедшія въ прозвища и фамиліи,—*Сытой*, *Сытого*, *Сытыхъ*, *Благъ*, *Благой*, *Благого-Благово*, *Благихъ*, *Сухъ*, *Сухой*, *Сухого-Сухово*, *Сухихъ* и т. п. Мы однако же склоняемся къ мнѣнію, что вѣрно одно изъ двухъ: или *Сотникъ*, или *Сытничъ*, *Сытничъ*, т. е. или *Сытникъ*, *Сотникъ* подъ рукою лѣтописцевъ передѣлано изъ *Сытничъ*, *Сытничъ*, *Сытничъ*, или наоборотъ. Но довольно.

Другой герой Новгородскаго Былеваго творчества, столь же знаменитый, исторически современный Садкѣ, упомянутый съ нимъ почти рядомъ подъ лѣтописнымъ числомъ, но только въ одной лѣтописи и одинъ лишь разъ, есть *Василій Буслаевъ*. Никоновская лѣтопись *), спустя три года послѣ извѣстія о заложеніи церкви Садкою, подъ 6.679—1.171-мъ годомъ говорить: «Того же лѣта иреставрия въ Новгородѣ посадникъ *Васка Буславичъ*.» Здѣсь стоять обратить вниманіе во первыхъ на то, что онъ названъ *Васкою*, *Васъкою*: таково же, въ уменьшительномъ видѣ, любимое употребленіе имени его и въ народныхъ былинахъ, даже любимѣе, чѣмъ *Василій*; оно такъ и идетъ къ удалцу, проказнику, народному любимцу. Если смерть его стопила занести въ лѣтопись рядомъ съ важными событиями, то понятно значеніе этого героя въ Новгородѣ и объясняется также, почему, рядомъ съ Садкою, это любимѣйший герой уцѣлѣвшихъ Новгородскихъ Былинъ. Но году смерти нужно полагать, что лучшая пора дѣятельности Василья, какъ лица исторического, приходилась въ половинѣ XII-го вѣка. Но въ городской дѣятельности се-

---

*) И рукописный хронографъ Румянц.

LXVI

го времяни, довольно подробно описанной по Новгородскимъ лѣтопи-
сямъ, мы съ этимъ именемъ не встрѣчаемъ *посадника*: можетъ
статься, при крестномъ имени *Василія*, какъ это бывало въ ста-
рину весьма часто, было другое народное имя, и Василій Буслаевъ
скрывается отъ насъ подъ какимъ нибудь *Якуномъ*, *Нѣжатою* и
т. п. Отецъ его *Богуславъ*, чисто-славянское народное имя, какъ
«Богухвалъ,» «Богумиль (Gottlob, Gottlieb)» и т. п.; отсюда уже
сокращенные формы *Буславъ*, даже *Буслаевъ* (Рыбник. II), *Бу-
славей*, *Бусланей*, *Буславьюшко*, *Буслай*, и, сообразно тому,
Василій по отчеству *Буслаевичъ*, *Буславьевичъ*, *Бусланеевичъ*,
Буславичъ, *Бусланчикъ*, *Буслаевъ* (переходящее въ прозвище, фами-
лию), испорченю (Рыбник. I) *Селавьевичъ*. Наконецъ, какъ лѣто-
писью записана его смерть, такъ объ смерти же его разсказывается
и особая былина.

Разумѣется, исторической дѣятельности сихъ двухъ историческихъ
лицъ нельзя уже искать въ Былинахъ: здѣсь это типы Новгородского
Былеваго творчества. Но любопытно замѣтить одно соотношеніе: въ
Былинахъ о Садкѣ сравнительно менѣе исторического отзвѣта, болѣе
преданій и образовъ доисторическихъ, обилинѣе образы народного
творчества, заслоняющія исторію дѣйствительную; за то, какбы въ
замѣнѣ, мы видѣли о Садкѣ несравненно болѣе лѣтописныхъ указа-
ній. На оборотъ, о Буслаевѣ въ лѣтописи одно лишь скучное
свидѣтельство: за то Былины, посвященные его дѣятельности, вмѣ-
щая сравнительно весьма мало древнѣйшихъ образовъ творче-
ства, прямѣе и ярче очерчиваютъ Новгородскую историческую дѣй-
ствительность, со всѣми ея мелочами, именами окружавшихъ лицъ,
улицъ и т. д.

Теперь, забывая исторію виѣшнюю, положительную, дѣйствитель-
ную, перейдемъ во внутреннюю, какъ она дается намъ въ Былинахъ
о Садкѣ и Буслаевѣ, въ народномъ устномъ творчествѣ.

Мы знаемъ, что въ Кіевскомъ творчествѣ Богатыри—представи-
тели Земщины, но не сидячей и осѣдлой, а той части, которая ра-
туетъ на заставахъ, хранитъ зерно Земщины, борется съ врагами ея.
расширяетъ предѣлы ея дѣйствій, то есть представители подвижной
Земской Дружины. Въ Новгородѣ, по условіямъ его торгового быта,

LXVII

были своего рода богатыри: это, во первыхъ, Гости, люди Торговые, не тѣ спящіе лавочники и владѣтели складовъ, которые укрывались за вервами общества и частоколами города, не нынѣшніе дѣятели торговыхъ городскихъ домовъ, представители фирмъ и конторъ, не эта торговая Земщина, а но тому времени предпримчивые удальцы, добывавшіе золото отважными подвигами, бродившіе по необходимости мѣновой торговли, водившіе обозы или по водѣ сливавшіе клади за черту Новгородскихъ владѣній, въ даленіе края; люди бродячіе, перехожіе и перезжіе, въ собственномъ смыслѣ *гости*, по необходимости вооруженные и съ вооруженными шайками, доводимые и часто доводившіе какъ чужеродцевъ, такъ и свою метрополію, до отчаянныхъ дракъ, *hostes*, составлявшіе такую же Торговую Дружину и въ тѣхъ же отношеніяхъ стоявшіе къ осѣдлымъ торговымъ общинамъ, какъ Дружина Богатырская къ общинамъ землемѣрческимъ, вообще къ Землѣ и Mиру. Это, говоримъ, была Торговая Община въ движениі (какъ артель), Торговая Дружина, сходная во многомъ съ Кіевскими Богатырями. Она, за предѣлами Новгородской области, первая разнесла въ окрестные и далекіе края имя и славу сей послѣдней, первая высматривала мѣста, приманки, пути и дѣятелей торговли, первая завязывала сношенія, и уже за нею-то послѣ слѣдовала Дружина въ собственномъ смыслѣ, не торговая, а чисто-Военная, та, которая завоевывала страны. Первое завоеваніе Новгорода всегда было Торговое, чрезъ его Гостей, славныхъ оть Шицбергена и Норманскихъ береговъ до островковъ въ низовьяхъ Волги, до Хвалынского-Каспійского моря, куда изстари ходили Новгородскіе Гости, а потомъ, на глазахъ исторіи, Дружины Военные съ Князьями. Образецъ такого своеобразнаго богатыря Торговли, возможного лишь въ Новгородѣ, типъ сего рода людей развить и возстановленъ въ Новгородскомъ Былевомъ творчествѣ: это *Садко*, съ постояннымъ именемъ и прозвищемъ—*Купецъ, Богатырь Гость*. Какъ онъ дошелъ до того, чтобы быть этимъ типомъ, откуда взялось его богатство, всѣхъ перешеголявшее, какими дѣяніями добылъ онъ себѣ это славное имя, однимъ словомъ—похожденія и приключенія Новгородскаго Гостя, весь его генесисъ, бытіе и ростъ,—вотъ что всего больше должно было занимать воображеніе древняго Новгородца, и вотъ задача, которую взялось выполнить его Былевое творчество рядомъ Былинъ о Садкѣ. Беремъ здѣсь Былины не только

LXVIII

въ этомъ Выпуске помѣщенные, но и отпечатанные нами при изданіи Песенъ Рыбникова, изъ которыхъ всего подробнѣе въ I-мъ томѣ подъ № 64-мъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ не отличался Садко какимъ ни будь ученьемъ, съ молоду быль бѣднякъ, чуть не голь кабацкая. Только онъ не поводился съ пьяницы съ безумницами, а лучше, по веселому нраву и любви къ искусству, хотѣлъ жить Веселымъ Молодцомъ, Веселою Скоморошиной: имѣлъ у себя кое-какія гусли, умѣлъ играть, ходилъ съ ними по пирамъ по бесѣдамъ, тѣшить и занимать слушателей за денежную плату. Разъ его долго не приглашали никуда: захудаль и оголѣль онъ, стоскнулся. Въ кручинѣ своей пошелъ онъ съ гуслями на берегъ Ильменя, къ окраинѣ озера, къ тому привѣтному лону водъ, къ которому издревле, съ античныхъ временъ, живали раздѣлять тоску всѣ шѣвцы и художники, откуда родилась сама Красота, откуда черпали золото во всѣхъ предпріимчивые удальцы и торговцы, гдѣ царствовалъ у Грековъ грозный и страшный, но привязчивый, но гостепріимный, грубый и невѣжественный, но любитель искусства и богатый покровитель ихъ—Посейдонъ, а въ нашемъ былевомъ творчествѣ Царь Морской, Царь Водяной или Поддонной, Водовикъ, Водникъ, бурный какъ влага морская, и столь же податливый и распывчивый какъ всякая влага. Садко сталъ на берегу играть—п не ошибся: три раза ходилъ онъ играть, три раза колыбалася вода въ озерьѣ, въ третій разъ появился самъ Царь Морской: «Не знаю, говорить Садкѣ, чѣмъ будетъ тебя пожаловать за твои за утѣхи за великия, за твою—то игру иѣжную. Аль безсчетной золотой казнью?» То и нужно было: научилъ Садку поспорить съ купцами Новгородскими, что въ Ильменѣ есть рыбы съ золотыми перьями, что лоно водъ родить золото. Закинули въ море неводъ, вытащили рыбъ золотыхъ, рыбы дали еще золото, рыбы сами стали золотомъ: Садко выигралъ большиѣ заклады, Садко обзавелся домкомъ, устроилъ себѣ палаты по небесному, на небѣ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, въ палатахъ у Садки тоже солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды. Сталъ Садко собирать у себя почестные пиры, принималъ у себя «Настоятелей Новгородскихъ, Оому Назарьева и Луку Зиновьеву», — о значеніи ихъ мы иоговоримъ ниже по поводу Буслава. Сталъ Садко на пирахъ захваstываться: для него возможно было лишь одно единоборство богатырское,—въ спорѣ, у кого больше денегъ, кто повыкупить товары Новгородскіе. Эта борьба, которую

LXIX

другія былины кончаютъ, въ настоящемъ случаѣ, по той былинѣ, кото-
рой мы пока держимся (Рыбни. Т. I, № 64), не доведена до конца: закупаетъ Садко товары Новгородскіе, а на другой день
ихъ вдвое больше привезено, вдвое больше принаполнено, на ту же
великую на славу Новгородскую подоспѣли товары Московскіе, подо-
спѣли Заморскіе. Новгородъ поднялся выше своего шторма и вскоре
смирился торговецъ: «Не я, видно, богатъ, Богатый Купецъ
Новгородскій, побогаче меня славный Новгородъ!» Тогда догадался
онъ: снарядилъ свои тридцать кораблей; начинаются его блужданія
по водамъ, его походенія и приключения, главное содержаніе всѣхъ
былинъ. Вотъ куда Садко хаживалъ: 1) «но Волхову, со Волхова во
Ладожско, со Ладожска во Неву рѣку, со Невы рѣки во Сине море,»
Балтийское; 2) «гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ, со вершины зналь
и до устья ее — а и нижняго царства Астраханскаго;» 3) «бѣгалъ
по морю двѣнадцать лѣтъ, по спину морю Хвалынскому (Каспийскому;
у насъ № 3);» между прочимъ заворачивалъ и въ «Золоту орду.»
Во всѣхъ этихъ поездкахъ, въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, онъ
«продавалъ товары Новгородскіе, получалъ барыши великіе, насыпалъ
бочки сороковки красна золата, чиста серебра,» а самъ «никакой
надъ собой притки и скорби Садко не видывалъ, а все молодецъ во
здоровыи пребывалъ.» Здѣсь-то, за свои торговые походы по рѣкѣ
Волгѣ, а черезъ нее въ Хвалынское море, получилъ Садко прозвище
«Волгскаго (Волскаго, Волжскаго) Сура:» мы объяснили уже смыслъ
этого названія въ Замѣткѣ къ 4-му выпуску и доказали, что оно
относится къ дѣятельности древнихъ героевъ, представителей — сначала
кочевья, потомъ торговаго, перекожаго и мѣноваго блужданія по суху
и по морю, въ особенности по морю, откуда и Южнос. Сурожское
море, и весь тотъ край Сурожъ, и название славныхъ рѣкъ Су-
рода, Сарога, и товаровъ заморскихъ, особенно шелковыхъ, — Су-
ропскіе, Суровскіе, и самый шелкъ — Сырецъ и Суровецъ, сер-
сикъ, и ряды, въ коихъ продавались сіи товары — Суровскіе, нако-
нецъ самые дѣятели сего рода — Суры, Сурожане и Суровцы.
Такъ мы получаемъ въ нашемъ древнемъ Былевомъ творчествѣ три
образа, принадлежащихъ совершенно одинаковому разряду людей,
но различающихся мѣстностью и мѣстнымъ отцвѣтомъ: а) въ Нов-
городскомъ — Садко, тицъ гостя норѣчного и поморского, Волжскій
Сура; б) въ Кіевскомъ Ильинъ, Ильинко, также Богатый Гость, и съ

богатствомъ несмѣтнымъ, по прозвищу *Сароженинъ*, *Суроженинъ*, знаменитый сыномъ своимъ *Чурилою* (имя одного корня съ *Сурой*), жившій на рѣкѣ *Сарогль* или *Черегль*; въ) въ былинахъ Княжескихъ, на переходѣ къ Безымяннымъ, въ области Сузdalской, *Суровенъ*, *Суровецъ-Суздалецъ*, *Сароженинъ*, по роду города Суздаля, по слову народа—«сынъ отца Гостя Богатаго» и самъ «Богатый», представитель удальцевъ Суздальцевъ, торговцевъ по преимуществу пѣшихъ и сухопутныхъ, ходебщиковъ, Аоеней. По въ Киевскомъ творчествѣ, рисующемъ всѣ разнообразные слои Земли и Земской Дружинь, такие дѣятели стоять въ ряду другихъ, не занимая исключительного вниманія: Плѣнь, Димитрій Гость, даже Чурило, знаменитый не столько своею обиходною практическою торговлей, сколько близостью къ яркому древнѣйшему типу Чура-Гермеса, бога Торговли; въ былинахъ Княжескихъ и Безымянныхъ Суровецъ идетъ также за урядъ съ другими; Иванъ Гостинный Сынъ, мелькомъ затронутый въ Киевскомъ творчествѣ, принадлежить всей Руси, безъ изъятія мѣстныхъ взглядовъ и интересовъ, то есть преимущественно общей Быловой Сказкѣ. Напротивъ для торговли Новгорода Садко, Волжскій Суръ, есть лицо главное, исключительно привлекавшее интересъ и породившее лучшій Новгородскія Былины. Обязанный своею славою и всѣмъ богатствомъ влагѣ, рѣкамъ и морямъ, онъ долженъ быть наконецъ чѣмъ ни будь поплатиться за то Царю Морскому. Здѣсь-то одно изъ любопытнѣйшихъ приключеній въ Были о Садкѣ, главнѣйшій эпизодъ Новгородскихъ Былинъ объ немъ, и притомъ эпизодъ лучшій, старшій по основнымъ своимъ образамъ, восходившій къ доисторической древности, къ такимъ чертамъ жизни и эпоса, которыя были вынесены Славянами Русскими изъ эпохи еще языческой, до сложившагося мѣра-народа, изъ времени кочевья и блужданій, изъ обще-Славянской семьи, съ самыхъ старыхъ ея поселищъ въ Европѣ. Всѣ Былины согласны между собою въ томъ, что событие, о которомъ идетъ рѣчь, имѣло мѣсто на морѣ, но по однѣмъ Былинамъ на Балтийскомъ, за Невою (Рыбник. Т. I, № 64), по другимъ (у насъ № 2) на Хвалынскомъ-Каспийскомъ. Подымалась буря, а корабли, и особенно Садковъ, стали на морѣ: догадался Богатый Гость, что море и Царь его требуютъ дани, старой языческой жертвы, какою умилостивляли античные народы своего Посейдона или Нептуна. Опустить было въ море хлѣба съ солью; опускали бочку чиста серебра, потомъ красна

золата: иѣть толку. Царь живой головы требуетъ. Читателямъ извѣстно по былинамъ дѣло съ жеребьями, кому было итти въ море: тинь тогдашняго куница, непремѣнно въ мѣновой торговлѣ жившаго ловкимъ обманомъ. «дѣломъ торговымъ»—какъ говорять нынѣ, прототипъ даже и послѣдующихъ Русскихъ торговцевъ, Садко думалъ извернуться отъ жеребья ловкостью, но пришлось итти самому. Онъ дѣлаетъ предсмертное завѣщаніе и отправляется: надѣваетъ шубу, береть свои завѣтныя гусли, первое зачало своихъ успѣховъ (по одной Былинѣ даже три мисы, съ серебромъ, золотомъ и жемчугомъ), садится на дощечку дубовую, по другимъ на шахматницу, спускается на ней ко дну моря къ Царю или выброшенъ къ нему на далекій берегъ. Замѣчательно еще, береть съ собою образъ *Миколы* (у насъ № 1): тамъ, гдѣ предстояла опасность, не побѣдимая человѣческими силами, тамъ въ Христіанское время Былеваго творчества является на помощь сила высшая, обыкновенно Микола, притомъ Можайскій, рѣзной, особенно чтимый въ народѣ. Онъ, знаемъ мы, спасаль въ крайнихъ случаяхъ другаго богатыря—бродягу, Потыка, въ образѣ Старчища, Пилигримища, Калѣки Переходжаго; онъ спасъ и Садку въ дѣлѣ съ Морскимъ Царемъ, являясь ему какъ «Старчище не знай собою (Рыбник. Т. I)», невѣдомый, грозный Калѣка Переходжій. О томъ, что такое значить споръ Царя съ Царицею, въ которомъ засталъ ихъ Садко, какъ явился онъ туда юнымъ героемъ и вышелъ побѣдителемъ, какъ къ нему склонялась Царица и помогала, какъ за слова его потеряла свою голову отъ грознаго мужа, какъ выволили Садкѣ невѣсть и какъ для спасенія своего онъ долженъ былъ выбирать дѣвку *Чернавку*, *Чернавушку*, иначе *Поваренину* (у насъ № 2), какъ она потомъ исчезла или обманута Садкою, и что она сама за лицо въ нашемъ творчествѣ, и какъ всѣ эти образы восходить къ отдаленнѣйшей древности обще-славянскаго эпоса, объ этомъ мы говорили уже подробнѣе въ Замѣткѣ ко II-му тому Пѣсенъ Рыбникова. Здѣсь замѣтимъ только, что весь этотъ эпизодъ въ Былинахъ Новгородскихъ раздѣляется на три главныя части: а) споръ Царя съ Царицею и участіе Садки въ решеніи; б) игра Садки на гусляхъ и послѣдствія ея; в) выборъ невѣсты и женильба подъ моремъ на Чернавкѣ. Всѣ три онѣ—отрывки громадной области древнихъ творческихъ воззрѣній, потому именно не совсѣмъ ясные для не привычного взгляда, что отрывки. Значеніе спора старыхъ на-

LXXII

чаль или, лучше, старого и грозного, стихийного начала въ двухъ его половинахъ, мужской и женской, рѣшеніе спора началомъ третьимъ, юнымъ, явившимся изъ далека; выходъ и спасеніе непремѣнно черезъ Чернавку или дѣвшку Повареннюю, мотивированные въ Новгородскомъ творчествѣ такъ, что эта женидьба, неизвѣстно почему именно на Чернавкѣ, а не другой дѣвшкѣ, приказана была явившимся во снѣ спасителемъ—Миколою:—значеніе сихъ творческихъ образовъ уяснено нами въ помянутой Замѣткѣ; остается намъ сказать о третьей части эпизода. Естественно, что грубая и грозная, вмѣстѣ невѣжественная стихія, представителемъ коей былъ Морской Царь, поддалась невольно обаянію человѣческаго искусства, игрѣ на гусяхъ, такъ точно, какъ плѣнилась игрою и вывела Садку къ усѣхъмъ въ самомъ началѣ его дѣятельности: эти образы известны изъ Греческаго творчества; они тождественны съ тѣмъ, чтѣ совершилъ своею игрою Орфей надъ подземнымъ Аидомъ. Но здѣсь есть еще замѣчательная черта, весьма ярко выданная Русскимъ творчествомъ. Разгуль Царя былъ дикъ и безобразенъ: голова у него какъ сѣнная конна; расплюсавшись въ азартѣ, онъ полами бѣть и шубой машеть, и шубой машеть по бѣлымъ стѣнамъ. «Въ синемъ морѣ вода всколебалася, со желтымъ пескомъ вода смутилася, стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ, стало много гинуть имѣницевъ, стало много тонуть людей праведныхъ (Рыбник. т. I);» «а сине море всколебалось, а и быстры рѣки разливалися, тоштъ много бусы—корабли, тоштъ души напрасныя того народу православнаго (у насъ № 2).» Дѣйствие человѣческаго искусства на міръ буйныхъ стихій, вліяніе юнаго человѣческаго героя на древняго бога, обаяніе духа внутренняго надъ виѣшинами, космическими силами, все это явилось уже не частнымъ дѣйствиемъ куща Новгородскаго Садки на Царя, а дѣйствиемъ міровымъ. «Тебѣ кажется, говоритъ Царица Садкѣ, что скакать по полатамъ Царь, а скакеть Царь по крутымъ берегамъ, отъ его отъ пляски тонуть—гинуть безновинныя буйны головы (у насъ № 1).» Творчество Былевое, Русское, Новгородское, и притомъ временъ Христіанскихъ, выходитъ къ разрешенію такого столкновенія міровыхъ силъ свойственнымъ себѣ путемъ: оно объясняетъ, что сталъ народъ молиться Миколѣ Можайскому, Садку что-то тронуло въ правое плечо,—очутился «старикъ сѣдатый», Микола, велѣлъ попрать струны; Царь чинить было своими слесарями, но Садко уперся,

LXXIII

что надо за новыми струнами и гусями сходить на святую Русь. Въ другихъ Былинахъ Садѣ открыла глаза на истинное значеніе дѣла склониая къ нему Царица. Такъ дѣло и порѣшилось. Но для насъ важны, здѣсь, кромѣ ясно проглядѣвшаго, сквозь творческіе образы, древнѣйшаго возврѣнія на соотношенія міровыхъ силъ, въ особенности стихійной и чисто-человѣческой, важны соотношенія къ другимъ эпизодамъ Русского Былеваго творчества. Изъ Голубиной Книги (см. наше изданіе «Калѣкѣ Переходжіе», выш. 2) мы знаемъ, что колеблется море, а за нимъ и вся земля, и вселенная, отъ по-ворота міровыхъ существъ, въ образѣ дочеловѣческомъ, животномъ: птицы Страоили, звѣря Инды и огромнаго Кита, образа также Посейдона, на коемъ держится вселенная. Объ именахъ и значеній сихъ образовъ смотрите наше изданіе Голубиной Книги и Замѣтку ко II-му тому Рыбникова. Но замѣчательно, что Страоиль, отъ тренетанія которой, даже одинъ нѣрушкомъ, когда она *разыграется*, все синее море всколебается, потоняетъ море корабли гостиные со товарами драгоцѣнными, заморскими, и со православными христіанами, сы тѣми людьми сы Московскими, что Страоиль, говоримъ, живеть *на сине.и. мори, на бѣломъ калинѣ—на Латырь,* отъ которого и *Латырь-море;* Индра звѣрь, когда также *возвыграется*, вся вселенная восколыбнется, но онъ также имѣть прямое отношеніе къ стихіи воды: когда была на сѣмъ свѣти засушейца, онъ копаль рогомъ сырь матъ землю, выкопаль ключи глыбокіи, доставаль воды кишучіи, пускалъ по быстрымъ рѣкамъ, но малинъкамъ ручья-виночкамъ, но глыбоками большими озярамъ, да и теперь, ходя по подземелью, прочищаетъ ручьи и проточины, прощущаетъ рѣки, кладязи студёные; куда звѣрь пройдетъ—тута ключь кишить, и отъ того-то, когда поворотится, воскинятъ ключи всѣ подземельные; даже самое его имя, безъ носового звука, съ придаханіемъ *г* (*h*), *гидра,* наше—съ придаханіемъ *в—видра,* отходитъ къ образу Посейдона-скому; и онъ имѣть отношеніе къ морю Латырю, такъ что самое имя его *Бѣлый Индрихъ* (см. наше изданіе Голубиной Книги) выводится прямо изъ *Бѣлаго Латыря;* наконецъ, Китъ-рыба, прямой уже образъ Посейдона, содержитъ на спинѣ весь бѣлый свѣтъ, и, когда потронется, встрепенѣется, восколыбнется, тогда матъ земля вся повернется, а когда *разыграется*, все сине море восколыхнется, увесь міръ-народъ пружаснется. Ясно, что всѣ

LXXIV

эти образы сходятся ближе всего къ морю и къ его представителю стихійному, Царю Морскому, ибо, по словамъ Голубиной Книги, Окіянъ-море, морямъ мати, обкинуло вокругъ землю всю, бѣлый свѣтъ окинуло, обошло море околъ всей земли, вокругъ земли, всей подселенныя, всего свѣту бѣлаго, въ немъ, Окіянъ, во мори пунъ морской, а «уси рѣки, уси моря, вси хъ Кіяню морю собѣгалися, вси хъ Кіяню морю приклонилися, никуды вонъ не выходили (ср. выше Индр);» «Окіянъ-море всколебается, — вси моря ему поклоняются.» Если мы, далѣе, переведемъ эти основныя міровыя воззрѣнія на почву положительной, хотя и древнейшей исторіи, на почву мѣстную, Славянскую, то убѣдимся, что это Окіянъ-море по Славянскимъ исконнымъ представленіямъ есть *Латырь-море*, названное такъ по хранимому въ немъ *Латырь-камню*, Илектру, Янтарю. Вотъ, что говорить о томъ Голубиная Книга въ Бѣлорусской редакції (приближая къ нашему нарѣчію):

Латырь-моря всимъ морямъ отецъ,
А Латырь-каминъ камнямъ отецъ.
Потому Латырь-моря всимъ морямъ отецъ,
Потому Латырь-каминъ всимъ камнямъ отецъ:
Ляжить ёнъ сириди моря,
Сириди моря, сириди синява,
Идуть по морю много корабельщиковъ,—
Гли (возлѣ) того камня останавливаются,
Яны барутъ много съ яво снадобя (янтаря),
Посылаютъ по всему свѣту бѣлому..:

Или:

Бѣлый Латырь-камень всѣмъ камнямъ отецъ:
Съ—подъ камешка съ—подъ Бѣлага Латыря
Протекли рѣки, рѣки быстрыя,
По всей землѣ, по всей вселенной,
Всему міру на исцѣленіе,
Всему міру на пропитаніе.

(Ср. «Кал. Перех.» вып. 2 и Замѣтку къ 4-му вып.)

Опять то же отношеніе Латырь-камня къ источникамъ и питанію людей, какъ въ разсказѣ объ Индрѣ. Мы достаточно объяснили уже въ прежнихъ Замѣткахъ, что Алатырь, Илектръ, Янтарь, глав-

ная приманка и главный предметъ древней торговли нашихъ прапотцевъ, источникъ ихъ питанія и обогащенія, такой же источникъ въ исторической дѣйствительной торговли ихъ, каковъ источникъ нитанія для земли въ водѣ, источникъ питанія для людей въ засуху, наконецъ, древнѣе, источникъ того оживленія, которое нѣкогда почерпнули Славяне въ стихійномъ началѣ своего божества среди эпохи жгучаго Даждьбога. Этотъ Алатырь далъ имя и морю, среди коего чаще находился, Балтійскому: но также точно переведенъ и на море Тёплое-Черное, и на море Хвалынское (см. Замѣтку къ 4-му выпуску), всюду, куда проникали наши Русскіе Славяне съ своею мореходною и рѣчною торговлею. Здѣсь-то сновали наши древніе гости-корабельщики, отсюда-то выносили свои заморскія богатства; здѣсь испытывали всѣ приключения и подвергались опасностямъ, иногда слагая и голову. Понятно, что даже въ міровыхъ и міеологическихъ воззрѣній, гости-корабельщики, а за ними и весь народъ православный, должны были подвергнуться дѣйствительному ужасу, реальней, осознательной опасности, когда разыгралось такое море, по однимъ Балтійское, по другимъ Хвалынское (см. выше), а разыгралось оно отъ того, что разыгрался представитель моря, его Царь, а Царь разыгрался отъ игры Садки, отъ дѣйствій этого отважного удальца, Богатаго Гостя Новгородскаго. Такъ міръ древнихъ доисторическихъ и міеологическихъ воззрѣній, міръ, на почвѣ дѣйствительности, воплощавшійся въ событияхъ древнѣйшей Славяно-Русской торговли, переведенъ наконецъ на частную, мѣстную Новгородскую почву, въ удѣль героя Садки, и здѣсь сдѣланъ содержаниемъ мѣстнаго былеваго творчества. Такъ, говоримъ на оборотъ, исторія Садки, переданная въ Былинахъ, возводить къ древнѣйшей Славяно-Русской дѣйствительности, къ первымъ началамъ ея исторіи, къ торговлѣ по морямъ, а отсюда еще выше, къ древнѣйшимъ міровоззрѣніямъ и событиямъ, совершившимъ уже въ духѣ слагавшагося народа, при выходѣ изъ периода Даждбожескаго, въ борьбѣ силъ человѣческихъ и человѣко-образныхъ съ силами стихійными. Въ сферѣ сихъ послѣднихъ самое дѣйствіе игры Садки на гусяхъ, его искусство, это конечное обаяніе, покорившее себѣ стихійную силу, есть уже окончательная побѣда: ею вышелъ человѣкъ изъ плѣна, какъ вышелъ Орфей изъ ада. При началѣ наступившаго за тѣмъ творчества, въ мірѣ его древнѣйшихъ представ-

леній, исходъ побѣдителя изъ власти грознаго и бурнаго начала ри-
совался конечно какъ выходъ юнаго бога изъ ироности иношю старой богини, къ нему склонившейся отъ бога стараго, содѣствіемъ не вѣсты—богини юной, страдавшой, терпѣвшей и даже обманутой юнымъ богомъ, а потому представлявшейся въ уничиженіи, *черною, позареною*, иаконецъ въ силу рѣшенія спора между старымъ богомъ и богинею, рѣшеніемъ ихъ загадки, такой же, какова была загадка Сфинкса. Да такъ и находимъ въ древнѣйшемъ нашемъ твор-
чествѣ, черты коего мы собрали и изложили въ Замѣткѣ при II-мъ т. Рыбникова, по поводу Саломана и Саламаніи. Весь міръ трепе-
талъ при борьбѣ своего юнаго представителя и въ разгарѣ ея ждалъ гибели и себѣ, и ему. Но человѣкъ побѣдилъ, и въ настоящемъ слушаѣ Славянинъ, Русскій. При началѣ положительной и дѣйстви-
тельной исторіи сего послѣдняго, то же самое повторялось во очью при подвигахъ первыхъ нашихъ удальцевъ мореходцевъ, торговцевъ янтаремъ, а послѣ и другими заморскими товарами, по морямъ Балтійскому, Черному, Сурожскому, Хвалынскому: стан гостей-корабельщиковъ, а за ними весь родъ и илемя ихъ, также точно трепетали за себя при всякомъ новомъ, отважномъ и от-
чаянномъ предпріятіи въ дѣлѣ съ бурною стихіей. Но и они успокоены: побѣдитель возвращался въ лоно землины съ бога-
тою добычей. Когда сложился окончательно міръ-народъ Русскій и размѣстился отдельными великими общинами, когда обособился Вели-
кий Новгородъ, тѣ же события, то есть съ тѣми же существенными, а потому и древнѣйшими чертами, нашли мѣсто въ судьбѣ истори-
ческой Новгородской торговли по рѣкамъ и морямъ, даже въ судьбѣ исторического лица Садки, въ XII-мъ вѣкѣ бывшаго представителемъ Богатыхъ Гостей и построившаго церкви послѣ долгихъ блужданій въ своихъ торговыхъ предпріятіяхъ. Былевое творчество, взявшее его героемъ, перенесло всѣ общія черты на одно частное событие и лицо, давши намъ тицъ Богатаго Гостя и разсказавши древнѣйшую повѣсть подъ именами Садки, Морскаго Царя и Царицы, Чернавки, друзей-корабельщиковъ. Корабельщики также страдаютъ отъ его по-
двига, также пугаются за себя и за него, но подъ конецъ прини-
маютъ съ радостію вернувшагося побѣдителя, товарища и начальни-
ка. Нельзя не замѣтить, всматриваясь глубже въ эти былины, что вся побѣда Садки и самый его выходъ на свѣтъ Божій, какъ

LXXVII

въ Киевскомъ творчествѣ выходъ на свѣтъ Божій Потыка, зависѣли отъ собственной силы героя, вышедшаго изъ борьбы и пропасти умомъ, искусствомъ, ловкостью, умѣньемъ—и поиграть, и решить споръ, и отгадать загадку, и склонить къ себѣ старую Царицу, и воспользоваться юною невѣстой, и въ время перестать играть, и сослаться на порванныя струны; прочія лица, Царица, Чернавка, только помогали и содѣствовали. Но Христіанство, въ пору со-зданія былинъ уже царившее въ Новгородѣ, придало всему свой выс-ший облескъ: трепещетъ въ ужаѣ народъ православный, онъ молится, его страданія и мольбы услышаны, является Микола и руководитъ спасеніемъ. Тако точно, мы видѣли нѣкогда, освѣщена Христіанствомъ и заключительная исторія Потыка въ Киевскомъ твор-чествѣ. Такъ кончаетъ и Голубиная Книга, описавши грозные образы міровыхъ существъ и тотчасъ ослабляя ихъ космическую силу оба-яніемъ силъ высшихъ, духовныхъ, христіанскихъ: подъ вліяніемъ сихъ послѣднихъ, Страоиль побиваетъ уже однихъ только «непріятелевъ, потопила силу невѣрную, невѣрную силу, безбожную, никакихъ бѣдъ она не дѣлаетъ,» а трепетомъ своимъ даетъ только знать пѣту-хамъ—когда запѣвать, солнцу—когда освѣщать землю; Индра посе-ляется «во степяхъ и никто его въ глѣзы не видающи,» а потомъ также «никому побѣды онъ не дѣлаетъ» и помѣщается даже «во святой горѣ во Аeonъ-горской, въ горы Сіонскія, во Фаоръ-горы, онъ и пьеть, и Ѳѣсть во святой горѣ, онъ и Богу молить за святу гору, а хвалу произносить самому Христу;» въ этомъ смиренномъ видѣ, когда онъ *возыграется*, только лишь «вся святыя горы вско-льхаются, вси звѣрья земные къ нему приклонятся;» Китъ-рыба до того укротился, что теперъ когда «новоротится, вси-ты рыбы ему поклоняются,» а потому уже не страшенъ его поворотъ, ибо «основана земля Святымъ Духомъ, а содержана Словомъ Божіимъ;» грозное Окіянъ-море переведено потому и тою же Голубиною Кни-гой въ чудесное, но благодѣтельное Алатыръ-море, Синее, послѣ же просто въ «Теплое,» гдѣ лежитъ Алатыръ-камень, въ «Хвалын-ское,» гдѣ живетъ Страоиль, гдѣ гуляютъ гости-корабельщики, да-же Московские; море освятилось тѣмъ, что изъ него выходитъ «со-борная церковь;» гости-корабельщики успокоены богатою добычею «снадобья,» которое развозятъ они «по всему свѣту бѣлому;» извѣст-ный у древнихъ и загадочный «шупъ морской,» помянутый выше по-

LXXVIII

Голубиной Книгѣ на Оніянъ-морѣ, переносится потомъ у насъ на землю, — является «пушъ земной», какъ у Грековъ въ Дельфахъ подъ благодѣтельнымъ покровомъ юбера; наконецъ онъ помѣщается въ нашихъ сказаніяхъ на Голгоѳ подъ крестомъ. Сюда же передвигается прежній чудесный, дорогой, но скользкій и опасный, Алатырь-камень: по нашимъ сказаніямъ, кровь Христа текла на него, черезъ его разсѣлну на голову Адама и на весь земной пушъ, очищая ихъ. Еще болѣе: какъ въ приведенныхъ выше стихахъ Голубиной Книги изъ подъ камня Латыря протекли рѣки быстрыя во всю вселенную, такъ въ той же Книгѣ далѣе разсказывается, что на этомъ камнѣ, уже въ Ерусалимѣ, сидѣлъ Христосъ, отсюда училъ и текли струи его ученья: «на Бѣломъ Латырѣ на камени бѣдоводаль да опочивъ держаль самъ Иисусъ Христосъ, утверждалъ онъ вѣру Христіанскую, утвердилъ Онъ вѣру на камени, распушталъ Онъ книги по всей земли, распушчали Книгу Голубиную.» — Возвращаясь къ Садкѣ, повторяемъ, что въ сущности рассказали о немъ былины: типъ Гостя Богатаго, игралъ онъ въ игру отважную и опасную, чуть не потерялъ въ ней головы своей, чуть не погибли его товарищи-корабельщики, и чуть не погибъ въ ужасѣ весь тогдашній міръ православный; но онъ отвагою своей и искусствомъ вышелъ побѣдителемъ, обрадовалъ друзей, сотоварищѣ торцеваго промысла, вернулся на родину, обнялся съ женой-семеюшкой, навезъ богатой добычи, послужилъ ею всему міру православному, настроилъ церкви, между прочимъ своему избавителю — Миколѣ Можайскому: не погибъ изъ за него удали народъ православный, а еще покорыстался его добычею, добылъ его славное имя въ свою исторію, вставилъ въ былины своего творчества. Окончательный выходъ, послѣдній шагъ изъ прошести описывается разно: то Садко взялъ дочь Царя съ условіемъ, чтобы доставила его на святую Русь; она и доставила, но Садко «поклонился и распостился съ ёй: — Ты прощай, Царевна Морская, я тебѣ женихомъ не пришелъ, а ты мнѣ въ невѣсты не пришла (Рыбник. т. I, № 62).» — это обманъ, весьма впрочемъ свойственный обрисованному типу торговца; то, что вѣщанію Миколы, онъ женился на Чернавѣ, легъ спать, но воздержался отъ дальнѣйшаго и — «проснулся Садко во Новѣ-градѣ о рѣку Чернаву (намѣренное сопоставленіе съ невѣстою) на крутомъ кряжу, какъ поглядѣть — ажно бѣжать свои (его) черленые корабли по Вол-

LXXIX

хову (тамъ же, № 64);» или, по завѣщенію же Миколы, чтобъ не обнимать и не цѣловать Морскую девушку Поваренную, Садко «съ молодой женой на подклѣтѣ спить.—свои рученъки къ сердцу прижалъ;» въ просоны соблазнился было, двинулъ ногу,—«ото сна Садко пробуждался, онъ очутился подъ Новымъ-городомъ, а лѣвая нога во Волхвѣ-рѣкѣ (у насъ № 2),» — такъ опасно было его положеніе въ далекомъ торговомъ предпріятіи, такъ онъ на минуту былъ между двухъ міровъ, между жизнью и смертью; или же, заснуль онъ съ женою, — «какъ проснулся онъ со сна крѣпкаго, и увидѣлъ онъ свѣтъ блѣдый и солнце красное, и увидѣлъ, что встаетъ на крутомъ крежу, у быстрой рѣки, и бочки съ имѣніемъ лежатъ подли его, а невѣсты его и въ слыху нѣтъ (у насъ № 1);» наконецъ, и всего хуже, ибо непослѣдовательно, разсказывается, что Садко, увидавши вокругъ отчаянную пляску и догадавшись, что отъ нея «Окянъ сине море всколыбалося, кораблики всѣ повыломало, людей-то всѣхъ по вытопило,» объявилъ, что это пляски «бѣсовскія,» отказался дальше играть и заставилъ Царя воротить гостя домой (Рыбник. т. I, № 63): говоримъ—непослѣдовательно по ходу творческаго разсказа, но, коли хотите, согласно съ основною мыслю, когда уѣдился Садко въ опасности черезъ чуръ отважной игры своей и, бросивъ дальнѣйшія торговыя предпріятія, рѣшился вернуться домой. Жена, въ этомъ мірѣ, не отплатила Садкѣ за измѣну по ту сторону, въ другомъ мірѣ; товарищи не поступили съ нимъ такъ, какъ хотѣлъ онъ поступить съ ними, высовывая ихъ вмѣсто себя по жеребью на явную опасность: они поминали его, горевали по немъ. Когда Садко очутился въ Новгородѣ но добру по здорову, узналъ онъ церкву — приходъ свой, того Николу Можайскаго, встрѣтилъ плывшихъ по Волхову съ Хвалынскаго моря товарищѣй, выгрузилъ съ нихъ казну (у насъ № 2); по другимъ проснулся—бочки съ имѣніемъ лежать возлѣ, «съ имѣніемъ и домой пошелъ (у насъ № 1);» по третьимъ, встрѣтила его обрадованная жена, мужъ повыгрузилъ богатства съ прибывшихъ кораблей, сстроилъ на нихъ «соборную церкву Миколы Можайскому, не сталъ большеѣздить Садке на сине море, сталъ поживать Садке во Новѣ-градѣ (Рыбник. т. I, № 64);» наконецъ влагаются женѣ слова: «Ай же ты, любимая семеющка! Шолно тебѣѣздить по синю морю, тосковать мое ретливое сердечушко по твоей по буйной по головушкѣ: у насъ многое есть

ничиныца — богачества и растетъ у насъ малое дѣтище (такъ же, № 63)!» Все однокоже согласно въ томъ, что послѣдняя отчаянная игра изъ за страсти къ добычѣ рѣшила наконецъ Садку вернуться окончательно въ лоно своей земли и здѣсь искать успокоенія. Но такое окончательное водвореніе Садки среди города и се- мьи послужило предметомъ еще особой, и единственной, Новгородской былины, помѣщенной у насъ подъ № 3-мъ: здѣсь въ основѣ лежитъ собственно то же, что упомянули мы въ началѣ Садковой исторіи,—обогащеніе черезъ рыбу, обратившуюся въ деньги, то есть черезъ тѣ же торговые обороты но рѣкамъ и морямъ, но положи- тельнѣе разсказаны успѣхи Садки среди ироичихъ его горожанъ, окон- чательнѣе побѣда надъ ипми всѣми, подробнѣе построение церквей, а источники обогащенія—воды получили иной образъ, не Моря и Мор- скаго Царя, а Волги и Ильменя. Бѣдивши по Волгѣ до самаго устья въ теченіе 12 лѣтъ и заслуживши на ней имя Волжскаго Сура, Садко захотѣлъ побывать въ Новгородѣ и стать прощающимъ съ Вол- гою тою же благодарственной жертвой, какую мы видѣли выше на мортѣ,—опустилъ въ воду хлѣба съ солью. Волга передала ему какъ свое благословеніе, такъ и поклонъ черезъ него брату, славному озеру Ильменю, то есть свое покровительство и благоволеніе къ Садкѣ передала теперь Ильменю, по мѣсту новаго жительства, куда переходилъ торговецъ съ Волги. Садко по указанію ея подѣхалъ по Волхову въ Новгородъ и сталъ подъ башнею проѣзжею (помѣщав- шеюся на Волховскому мосту, ибо такъ, съ протѣжими башнями на концахъ, изстари строились у насъ мости; или при вѣездѣ изъ Вол- хова въ Ильмень?); здѣсь спрavitъ поклонъ и челобитье; по рѣкамъ ходить слава до моря, тѣмъ паче должно было дойти челобитье по Волхову къ Ильменю. Отъ Ильменя въ отвѣтъ явился удалой доброй молодецъ, вѣроятно Волховъ: онъ зачалъ разговоръ отъ имени Иль- меня и, узнавши о близкомъ знакомствѣ Садки съ сестрою Волгою, тотчасъ же поспѣшилъ выразить Гостю благоволеніе новаго патрона, научилъ закидывать невода въ Ильмень, въ неводахъ оказалась раз- ная рыба, а на четвертый день въ подвалахъ вмѣсто рыбы—дробныя (мелкія) деньги, червонцы и монеты. Мѣсто моря въ покровитель- ствѣ Богатому Гостю занялъ теперь Ильмень, тотъ же, что и съ перваго начала поставилъ Садку на ноги въ его родинѣ Новгородѣ. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ образцахъ Голубиной Книги, психо-

LXXXI

дившихъ вѣроятно изъ Новгородской области, мѣсто Окіяна-моря, со всѣми его помянутыми особенностями, занимаетъ Ильмень: «Ильмень озеро озерамъ мати, озерамъ отецъ.» и, хотя тутъ же прибавлено, что «не тотъ Ильмень, который подъ Новымъ-градомъ, да не тотъ Ильмень, кой у Большой Орды, не тотъ Ильмень, который во Царѣградѣ, а тотъ Ильмень, который въ Турацкой земли, стоять близъ Ерусалима,» но изъ этого уже видно, что слава Ильменя и имя его простирались въ древнемъ воображеніи на всѣ воды міра. Любимецъ Алатырь-моря. Балтійскаго, любимецъ Хвалынскаго и рѣки Волги, едѣлся теперь, но возвратѣ на родину, снова любимцемъ Ильменя, ведя съ нимъ сношенія черезъ удалаго молодца—черезъ Волховъ. Садко сходилъ къ Ильменю поблагодарить за подарокъ и попросилъ еще «поучить жить во Новѣ-градѣ.» Совѣтъ Ильменя былъ практическій, пригодный во всѣ вѣка торговцамъ: повести дружбу съ людьми таможенными, нынѣшними чиновниками и полиціей, а для посадскихъ людей, согражданъ, дѣлать угощенія. Входя мало по малу во всѣ связи съ городомъ, Садко вступилъ членомъ и въ братчину, Никольщину, въ праздникъ и при церкви Николы Можайскаго. На братчинскомъ ширу онъ захваstался, тѣмъ же, чѣмъ и въ началѣ своего обогащенія,—попыкушить всѣ товары въ Новгородѣ: но тогда онъ не выигралъ заклада и долженъ былъ признать превосходство своей метрополіи; теперь же, обогащенный долгю торговлей по рѣкамъ и морямъ, онъ дѣйствительно поскушилъ всѣ товары, до того, что остались въ рядахъ одни черепаны, гнилые горшки, а всѣ горшки ужебитые. И ихъ поскушилъ все-таки Садко: «пригодятся—ребятамъ черепками играть, поминать Садку, Гостя Богатаго!» Прежнія слова свои о богатствѣ Новгорода, приведенные нами выше, теперь, какъ побѣдитель, Садко оборотилъ уже въ совершенную насмѣшку: «что не я, Садко, богатъ,—богатъ Новгородъ всякими товарами заморскими и тѣми черепанами, гнилыми горшками!» Однако и здѣсь сила роднаго города и христіанства окончательно побѣдила самого побѣдителя,—заключеніе, всюду замѣтное въ наимѣнь былевомъ творчествѣ, въ силу того, что оно развилось въ эпоху уже Христіанскую: богатство свое положило Садко на городъ, на церковь, на роду православному; онъ построилъ дивныя три церкви—Стефана Архидьякона, Софіи Премудрыя, связанный въ лѣтописяхъ съ именемъ Садки, и Николы Можайскаго, церковь, помянутую выше

какъ готовую, но въ заключеніи и лучшемъ видѣ приписанную все-таки Садкѣ.—Заключимъ тѣмъ, что нигдѣ не выразился такъ ярко, какъ въ былинахъ о Садкѣ, типъ торгового Новгорода, не только сложившагося и исторического, но въ связи и съ древнейшими, даже доисторическими преданіями, общими всей Руси и Славянамъ. Отъ того эти былины имѣютъ цвѣтъ преимущественно мѣстный Новгородскій, и отъ того же, ни въ былинахъ Киевскихъ, ни въ Княжескихъ, ни въ Московскихъ не извѣстенъ и не помянутъ Садко, ни съ однимъ изъ его частныхъ, личныхъ обстоятельствъ, ни въ самихъ былинахъ о немъ не вставлено подробностей и чертъ, какія принадлежали бы извѣстному, исторически сложившемуся творчеству Киева, Княжескихъ удѣловъ, Москвы. Связь съ сими послѣдними только доисторическая—относительно содержанія, только въ языке и складѣ творчества. Равнымъ образомъ, и по тому же, былины о Садкѣ неизвѣстны въ Средней полосѣ Руси, а только на Сѣверѣ, въ Сибири, Архангельской округѣ и Олонецкой, куда шли Новгородскіе выходцы, выходцы изъ метрополіи уже сложившейся и обособившейся.

Въ связи съ Былинами о Садкѣ мы должны разсмотрѣть Былевую Пѣсню о Терентьевѣ: мы не можемъ назвать ее въ строгомъ смыслѣ Былиною, ибо складъ ея болѣе краткій и женскій, то, что въ народѣ называется Стариною. Но, съ этой стороны приближаясь къ пѣснямъ Былевымъ Безъимяннымъ, она богаче еще ихъ собственными именами и подробными мѣстными чертами, весьма ярко рисующими Новгородъ, а потому старше и можетъ быть сопоставлена съ новгородскими Былинами о Садкѣ и Васильѣ Буслаевѣ. Форма имени героя, не Терентій, а Терентьевѣ — по свойству нашего языка принадлежитъ всему или грозному, страшному, или старому, неловкому, неуклюжему, и, съ этой послѣдней точкой зреѣнія, идеть къ старому обманутому мужу. Онъ также Богатый Гость, какъ и Садко: но лицо его, какъ героя, а вмѣстѣ обстоятельства, послужившія содержаніемъ пѣсни, слишкомъ частны, мелки и семейны, чтобы возрасти въ полную, мужскаго склада Былину или сдѣлаться общимъ содержаніемъ для творчества Руси; потому опять это содержаніе неизвѣстно ни Киевскому, ни прочему Русскому творчеству, исключая предѣловъ мѣстного Новго-

родского. Есть однако и здѣсь, если глубже всмотрѣться, черты бо-
дѣ древнія и общія оетальному творчеству: дворъ Терентыча описанъ какъ дворъ Плѣнка или Ермы; самое лицо его, старика и Бого-
гатаго Гостя, сродно съ сими послѣдними лицами; положеніе обманутаго
чужимъ молодцомъ мужа напоминаетъ исторію Ермы и Чурилы. Но
вся эта основа проткала совершенно новыми цветами и узорами
чисто-исключительной мѣстности Новгородской и господствовавшихъ
въ ней воззрѣній. Нельзя не остановиться здѣсь на любопытной осо-
бенности: тогда какъ любовь играетъ такую важную роль въ Юж-
номъ творчествѣ Кіева и потомъ въ разрозненныхъ частяхъ эпоса
новсемѣстнаго—Княжескаго, тогда какъ она тамъ создаетъ для лицъ
столько драматическихъ положеній, въ самомъ эпосѣ указывающихъ
на зародышъ драмы, а вмѣстѣ вызываетъ столько различныхъ обра-
зовъ и красокъ, дышащихъ всею нѣжностью или всѣмъ пыломъ страсти,
до тончайшихъ ея изгибовъ, вызываетъ столько яркихъ выраженій слав-
остнаго, ревниваго, мстительного чувства, создавшаго даже въ язы-
кѣ множество себѣ свойственныхъ названій, словъ, оборотовъ,—
вспомните хоть Былины обѣ одномъ Добрынѣ или въ Княжескихъ
о Романѣ, Михайлѣ, Князѣ Волконскомъ, — ничего этого нѣть даже
и слѣда въ Былинахъ Новгорода, такъ точно какъ въ его лѣтоши-
сяхъ, столь отличныхъ во всемъ отъ Южныхъ, видимъ постоянно
лишь практическаго, по преимуществу торговаго дѣятеля, которому,
среди многихъ дѣлъ общественного устройства и преимущественно
торговли, совсѣмъ не до положеній драматическихъ, не до яркихъ
и длинныхъ разсказовъ и описаній, не до выраженій чувства, кото-
рый—наконецъ—въ самыхъ важныхъ дѣлахъ и разсказѣ обѣ нихъ
до крайности лакониченъ и кратокъ, не договоривая необходимаго—
даже для смысла, останавливаясь часто на полусловѣ: на все это
ему—некогда. Это единственный на Руси второобразъ типа Лакон-
скаго и Дорического. Тѣмъ паче некогда ему распространяться о
любви: мы встрѣтили только нѣсколько нѣжныхъ словъ на устахъ
жены Садковой, да и то на порогѣ семейнаго дома, при возвратѣ
мужа на лоно строгой матроны. Такъ и дѣло Терентыча, въ по-
добномъ случаѣ вызвавшее у Кіевскаго творчества страстныя описа-
нія увлеченій жены Ермы, таинственныхъ продѣлокъ и ночныхъ сви-
даній Чурилы, ярости ревниваго и мстительного мужа, — дѣло Те-
рентыча въ Новгородскомъ творчествѣ передано какъ простая, хотя

LXXXIV

и поэтическая по своему, семейная сцена зажирѣвшей купеческой жены, готовой отъ старика отдаться первому встрѣчному молодцу, потомъ наглое вторженіе разгульныхъ скомороховъ въ укрощеніе заблудившейся жены, самое укрощеніе въ формѣ домашней Русской потасовки, наконецъ угощеніе непрошенаго гостя ременчатою дубиною. Во всемъ этомъ событии движется уже никакъ не любовь, не страсть и не чувство, а вопросъ беспорядочной семейной жизни, переданной, для водворенія порядка, на рѣшеніе призванныхъ въ помочь горожанъ и на судъ Новгородского общественного мнѣнія. Сцены, готовыя повторяться съ давнихъ поръ доселѣ въ любой семье Русского купечества: потребна была большая сила творчества и въ основѣ ея глубокое убѣжденіе въ законномъ порядке, чтобы отсюда создать очень хорошую Былевую Пѣсню, такъ точно какъ въ наше время для такого дѣла нуженъ талантъ не менѣе Островскаго. Но отнести это важное событие къ эпохѣ исторической уже нельзя: слѣдѣтъ эпохи, какъ въ Безымянныхъ пѣсняхъ, здѣсь потерянъ; лишь стройный складъ свидѣтельствуетъ о значительной древности, да по крайности, въ отличіе отъ пѣсень Безымянныхъ, сохранены имена лицъ и мѣстностей, мѣстный отзвукъ Новгородскій. Терентьевъ жилъ въ улицѣ Юрьевской, въ слободѣ—по его имени—Терентьевской. Когда жена, наскучивши старымъ мужемъ, захотѣла его выпроводить подъ предлогомъ нервнаго разстройства и послала за дохтурами, онъ за дверь, а любимый молодецъ въ дверь и на кровать. Бѣдняга мужъ хлоючетъ. По счастью его, у церкви Воздвиженія, у мосту, близъ распутья, где въ древнемъ Русскомъ городѣ всегда можно было встрѣтить или Калѣкъ Переходихъ, или удалыхъ Бойцовъ-борцовъ, или разгульныхъ Скомороховъ, попадаются старику сіи послѣдніе: вѣжливые, очестливые, проныраивые, пройдохи; пѣвцы и игроки, представители народныхъ драматическихъ сценъ съ масками; первые зачальники и надежные товарищи кому погулять, попить, попрокатить; всюду — по нирамъ, свадьбамъ, по домашнимъ досугамъ отъ скучи прошеные и зватые гости; любившіе брать, но не любившіе и не имѣвшіе откуда давать деньги, потому на складчинахъ и братчинахъ гости всегдаши. но не званые и не прошеные. ъвшіе и шившіе сильно; готовые позабавить, но также точно и обокрасть, а за то часто битые, если же посильнѣе они или побольше ихъ, то также охотно и бившіе; въ семье пріятные гости—пока играютъ, а то и

накладные, и обжорливые, и воровские; дешевые совѣтники—чтобы разстроить, дорогие помощники—чтобы устроить и поправить бѣду; къ частному и общественному быту относившіеся въ родѣ нынѣшихъ Русскихъ благородныхъ артистовъ: однимъ словомъ, Веселые Молодцы—путь прозвище,—другая сторона медали, обратная той, где стояли «Угрюмые Старики.» Калѣки Переходжіе, мрачные и таинственные какъ сама слѣшота, такіе же бродучіе, такіе же творцы и пѣвцы, такіе же гости общества и семьи, но другаго сорта, на храмовыхъ праздникахъ до конца обѣдни и обѣда, до начала хороводовъ, на поминкахъ, кормахъ, и прочее, чами не разъ описанное. Скоморохи давно знали Терентьища, давно разъвали рты на его угощенья и деньги, да старикъ былъ скряга, поживы отъ него не было, «доселѣва его было слыхомъ не слыхать и видомъ не видать;» только теперь объявился онъ, «бродить по чисту полю что корова заблудящая, что ворона залетящая,» да «и не самъ онъ зашелъ, не конь его завезъ, завела нужда.» Передаетъ онъ нужду: пришлось дорого заплатить за помочь, даль Скоморохамъ сто рублей, да еще послѣ другое сто рублей «за правду великую.» Скоморохи были настоящіе помощники въ его дѣлѣ, тѣ дохтуры, которыхъ лучше нельзя было желать: они сей часъ смекнули, въ чемъ дѣло, какъ вывести на свѣтъ «правду великую» и тотчасъ приступили къ дѣлу. Накупили — на деньги Терентьища — нужныхъ вещей, мѣшокъ, вязъ, дубину, тогдашній галантерейный товаръ; обычно оборванцы, голь кабацкая, они теперь, какъ при началѣ своихъ представлений, нарядились, стали въ строй, готовы въ ноходѣ: у однихъ гусельцы, другіе съ голосами на пѣсни, мѣхонопна съ мѣшкомъ. Въ мѣшкѣ должны бы быть инструменты, орудія—иногда воровскія, куски пироговъ — денежное продовольствіе: но въ настоящемъ случаѣ туда посадили старика съ вязомъ и дубиною (мѣшки были у вихъ столь же просторны, какъ можно видѣть донынѣ у Калѣки Переходжихъ). Подходить къ Терентьеву двору. Жена, по естественной онасливости, иѣтъ, иѣтъ, да поглядывала въ окошко, не вернулся бы мужъ: идутъ Скоморохи. Она было не пускать, хозяина дома иѣтъ: но Веселые утѣшили вѣстью, что со кручиной старикъ валяется у мосту безъ заднихъ ногъ. Тогда женѣ кстати повеселиться: зазвала, пошли игры и иѣнье, остальное достаточно краснорѣчиво передаетъ сама шѣсня. Наказана жена, наказанъ и Недугъ, прятавшійся подъ собо-

линымъ одѣяломъ. Мужъ, удовлетворенный, не отсѣкъ головы ни измѣнницѣ, ни гостю непрошеному, какъ Ерма въ Кіевскомъ творчествѣ: они прибавилъ лишь скоморохамъ за помощь, получилъ для дальнѣйшаго продолженія жену, да не могъ не радоваться съ точки купеческой, а вмѣстѣ и всей Новгородской, отпечатлѣвшейся въ словахъ былны,—убѣжавшій молодецъ оставилъ въ барышь дорогой кафтанъ и камзолъ, да денегъ пятьсотъ рублевъ.—Нельзя однакоже не замѣтить, что весь тонъ этой пѣсни шутливый и сатирический: какъ въ Гомерическомъ эпосѣ, такъ и во всѣхъ развѣтвленіяхъ нашего, не исключая Кіевскаго, Княжескаго и Московскаго, всегда возлѣ былинъ серьезныхъ, смотрѣвшихъ на предметъ съ серьезной точки зрѣнія, стоять хоть одна, иногда двѣ и три шутливыхъ; мы уже отчасти разъяснили происхожденіе такого явленія, говоря о былинѣ «Каково жить итицамъ (Рыбн., т. II).» Такова же въ Новгородѣ, при былинахъ о Садкѣ и Васильѣ, пѣсня о Терентьищѣ, и вотъ разгадка, почему творчество сдѣлало содержаніе ея, ничтожное само по себѣ, достойнымъ своимъ предметомъ, и вышло побѣдоносно: то, что было бы плохо въ былинѣ важной и крупной, то сдѣлалось поэтично, какъ скоро направлена сюда сатира, шутка и улыбка; элементъ комическій вывелъ предметъ изъ ничтожества на достойную степень творческаго созданія. Какъ не замѣтить, что тотъ же Новгородъ, который раздѣляетъ участъ Терентьища и сочувствуетъ расправѣ скомороховъ, смотрѣть сатирически и на обманутаго старика скрягу, и на неудачу прикинувшейся жены, и на похожденія молодаго парня черезъ окно подъ дубиной? А къ Веселымъ Молодцамъ — нечего и прибавлять, что—творчество относится весело.

Такой же, какъ Садко, любимый герой Новгорода, занявший собою другой отдѣль былинѣ Новгородскихъ,—*Василій Буслаевъ*. Но это совсѣмъ другой типъ, чѣмъ Садко, выразитель совсѣмъ иного слоя Новгородской жизни, совсѣмъ другихъ ея воззрѣній. Это представитель уже не мирнаго занятія торговли, даже не древнихъ безнокойныхъ и отважныхъ подвиговъ съ торговой цѣлью, не торговой посадской и не торговой гостинной стороны, а Новгородской *Вольницы* или *Повольницы*. Тамъ, где есть въ жизни достаточная доля свободы, въ семействѣ ли, или въ общинахъ, въ земщинѣ, даже въ государствѣ, тамъ молодежь, молодые подростки растуть всегда на просторѣ, полные цвѣтущей—по древнему нашему языку—буйной жиз-

LXXXVII

ни, полные всей роскошной силы и красоты юного бытія, съ ранней смѣлостью ума, съ неожиданною отцами молодеческою отвагой, какъ горячая надежда на будущее, но, непремѣнно и рядомъ, — съ неудержимымъ разгуломъ, съ задоромъ и дерзостью, съ буйствомъ и настышкою, какъ поводъ невольныхъ опасеній каждому за настоящее. Мужи возраста зрѣлага, мужья семействъ, составляли въ Новгородѣ крѣпкую и тяжелую Земскую Дружину, защищавшую предѣлы роднаго края, ходившую въ серьезныя дѣла съ князьями, отправляли работы на прокормленье семействъ, вели торговлю внутри, а больше за предѣлами, каковъ— мы видѣли — былъ Садко, принимали участіе въ вѣтѣ и во всемъ общественномъ устройствѣ; старики дѣды семей и главы родовъ, сторона по преимуществу охранительная, нужны были не столько энергическимъ дѣломъ, выходившимъ изъ предѣла ихъ силъ, сколько голосомъ, думою, вліяніемъ: но и тѣ, и другіе, не могли не тяготиться крайностями молодежи, ибо это была не свобода, не охрана, а Вольница; они считали необходимымъ и были вынуждены необходимостью умѣрять разгуль ея незрѣлыхъ силъ, давать ей направление, по временамъ куда либо сбывать ее, пока она уходится и вернется на родину зрѣлымъ мужемъ. Такъ сбывали Вольницу — не въ Земскую Дружину, а въ тѣ летучіе отряды Новгорода, которые ежегодно, если не еженедѣльно, дѣлали вылазки къ опаснымъ сосѣдямъ и тревожили врага, которые хаживали въ легкія стычки съ князьями, которые не могли, говорить лѣтопись, драться на конѣ и въ сапогахъ, а спѣшивались, разувались и босые метались въ сѣчу. Этую же Вольницу подзадоривали торговцы, когда прознавши въ пномъ краю добычу и завязавши первыя знакомства, указывали ей на лакомый кусокъ, на предметъ захвата; ее торговцы водили за собой и съ собою. Новгородъ, по своему торговому характеру, никогда не былъ суровымъ завоевателемъ въ строгомъ смыслѣ: его приобрѣтенія въ далекихъ краяхъ добывались Вольницею, и она — то, за торговцами, проникала на послѣднія точки Сѣвера, на устья Волги и въ море Хвалынское. Съ этой стороны Вольница Новгородская сходна съ Богатырями, воспѣтыми въ Киевскомъ творчествѣ: мы видѣли уже тамъ, какъ тяготилась Земщина проказами Богатырей въ своемъ нѣдрѣ, въ селѣ и городѣ, какъ сбывала ихъ на окраины и заставы, и какъ длились тамъ ихъ ежеминутные богатырскіе подвиги безконечнымъ рядомъ. Потому-то имя Василья Буслаева, представителя

LXXXVIII

Вольницы,—не такъ какъ имя Садки,—перешло даже въ Киевское творчество, въ Богатырскія Былины, разумѣется не на первыхъ порахъ ихъ склада, а позднѣе, чередовалось тамъ съ именами иѣкоторыхъ Киевскихъ Богатырей, на примѣръ занимало мѣсто Ивана Годиновича (Рыбник. т. II), а отчество *Буслаевича* является при Вольгѣ вмѣсто «Святославича», вѣроятно по сходству имени «Вольга» съ Волхомъ и Волховомъ Новгородскимъ (Рыбник. I, № 1); когда же изъ Богатырскихъ пѣсень выродились Безымянныя, имя Василья перенесено на героеvъ въ сихъ послѣднихъ (ср. тамъ же, въ былинѣ, выродившейся изъ былины о Дунаѣ Ивановичѣ), наконецъ появилось даже въ ряду витязей, когда, по разсказу былины, они переводились на Руси (у насъ вып. 4; впрочемъ упоминаніе здѣсь Василья Буслаева, по самому происхожденію иѣсколько подправленной былины, намъ подозрительно). И на оборотъ, изъ Киевскихъ былинъ въ былины о Васильѣ нерешая иѣкоторыя лица, составлявшія обстановку Богатырей, известные намъ *Мужики Залышена* и *Семь братовъ Збродовичи* (у насъ № 3). Потому же былины и сказки о Васильѣ Буслаевѣ, подобно Киевскимъ, болѣе распространены на Руси, чѣмъ, на примѣръ, о Садкѣ. Но этимъ лишь и ограничивается сходство между Киевскими Богатырями и Новгородскою Вольницей: гораздо больше есть различій. Первые составляли настоящую и зрѣлую Земскую Дружину, были только отборными ея перлами и типами, удостоенными былеваго творчества: такъ требовали обстоятельства Южной Руси, слагавшейся за всю Русь среди безпрестанныхъ отвсюду враговъ, между самыми разнородными сосѣдями, между разнообразнѣйшими, облекавшими племенными вѣтвями, которая предстояло объединить и сплотить, иногда обсоюзить, иногда обложить данью и даже покорить. Земская Дружина Новгорода, не поставленная самою мѣстностью въ такое положеніе, не доросла до Богатырства, не дала изъ себя Богатырей: завѣтныя стремленія ея членовъ, послѣ всякой вынужденной войны и стычки, простирались лишь къ торговлѣ и къ охранѣ своей великой торговой общины; богатыри ея были лишь богатыри отважной Торговли. Отъ того на Киевскихъ Богатыряхъ лежитъ печать характера всеобщности, на Земской Дружинѣ Новгородской и на Вольницахъ—характеръ лишь частности. Тамъ стояли за всю Русь, сложившуюся въ прошедшемъ, наличную и будущую, готовившуюся: здѣсь за мѣстность, за свои интересы, за Новгородъ. Тамъ Богатыри не подрост-

LXXXIX

ки, а преимущественно зрѣлые мужи, даже старики, какъ Илья: здѣсь старики виѣ всякой Дружины, виѣ отважныхъ предпріятій, домосѣды сравнительно съ мужами зрѣлыми и болѣе молодою Вольницей; здѣсь Земскіе Дружинники, зрѣлые мужи,—не Богатыри, а по нуждѣ Дружинники Ратные, по охотѣ и любви Торговые; здѣсь Вольница, подрастая, дорастала не до Богатырства, а до тѣхъ же Земскихъ Дружинниковъ Новгородскихъ, до людей рабочихъ, людей вѣча, семянъ и стариковъ. Богатыри Южные дѣйствовали самостотельно, силами Земщины; но вокругъ Князя; Южная Русь зародила въ себѣ Русь дальнѣйшую и въ нее перешла нажитымъ наслѣдствомъ: Дружинники Новгорода дѣйствовали въ Новгородѣ и вокругъ Новгорода, норою съ своими перемѣнными Князьями, но совсѣмъ не для идеи, руководившей сими послѣдними, передававшейся искрою отъ Кіевскихъ Князей ко всѣмъ Князьямъ Русскимъ и перешедшей даже къ Князьямъ Московскимъ; тѣмъ наче летучая Новгородская Вольница, хотя и сдѣлала что для всей Руси, но не прямо, а лишь косвенно, черезъ посредство своего Новгорода, куда перешли ближайшіе плоды ея походженій. Тѣмъ менѣе могла она создать что либо прочное, исторически передавшееся позднѣйшимъ вѣкамъ; Новгородъ какъ жилъ своею жизнью *о собѣ*, особо, такъ и замеръ, и сгибъ въ этой особной жизни, цѣликомъ захваченный Москвою какъ добыча, но не передавшійся въ ея плоть и кровь, не переродившійся и послѣ захвата, а либо заморенный, либо самъ замершій въ постепенномъ разложеніи, въ испанленіи до простаго отличія мѣстнаго, географическаго и этнографическаго. Ни Владиміръ, ни Москва не захватывали древняго Кіева (говоримъ *древняго*): а между тѣмъ изъ него все нажитое перешло живѣйшимъ преданіемъ во Владиміръ и Москву, и въ родѣ Князей, и въ самой Землѣ, Мирѣ—народѣ. Здѣсь-то, можетъ быть, въ прочности и всеобщности началъ, лежавшихъ на одной сторонѣ, въ зыблемости и узкости на другой, лежитъ разгадка паденію, и снова зародышу, и возстанію, и даже возможнымъ и будущимъ судьbamъ Кіева, сочного корня, зрѣлаго и питательнаго плода Русской жизни, здѣсь же конечному паденію и невозможному возстанію древняго Новгорода, красиваго отростка, *буїнаго* цвѣта Руси, буйнаго въ помянутомъ выше смыслѣ, какъ говорять доселѣ многіе Славяне, полнаго бытіемъ, но сконопреходящаго и на всегда ноблекшаго. Въ Кіевѣ не было Вольницы, въ родѣ Новгородской, молодежь зрѣла до Богатыр-

ХС

ства и переходила въ творчество какъ типъ Богатыря: въ Новгородѣ неизвѣстны Богатыри въ родѣ Киевскихъ. Богатыри принадлежали и доселѣ принадлежать всей Руси, какъ типы ея зачала и первобытной жизни: Дружинники Новгородские полегли за свой городъ не оставивши славныхъ именъ и типовъ творчеству; типъ Новгородской Вольницы, Василій Буслаевъ, принадлежитъ лишь мѣстности Новгородской, и только лишь черезъ нее, косвенно, остальной Руси. Тамъ Богатырей много: здѣсь героевъ мало, даже одинъ, если не считать торговца Садки; тамъ они выходили изъ всѣхъ слоевъ тогдашней Землины, и Бояръ, и Крестьянъ, и Поповъ, и Гостей, и Посадскихъ, и т. д.: здѣсь они не различались въ своей густой масѣ по слоямъ, ибо не было различавшихъ крупныхъ чертъ; туда собирались Богатыри изъ всѣхъ краевъ тогдашней Руси, даже изъ Мурома и Ростова, роднаго брата Новгороду, только лишь не изъ Новгорода: здѣсь выступали дѣятелями лишь свои, Новгородцы. Это какъ нельзя лучше отпечаталось въ послѣдовательной связи Русскаго Былеваго творчества. Старшіе Богатыри, выразители первобытной эпохи только лишь начавшей слагаться Руси, неизвѣстны творчеству Новгорода, а между тѣмъ въ тѣсной связи съ Богатырями Киевскими, представителями Руси сложившейся, на первой лучшей порѣ Владиміровой; между самими Богатырями Киевскими замѣтна постепенность отъ болѣе старшихъ къ младшимъ, исторически доводится ихъ существованіе до битвы при Калкахъ и дотягивается даже до Ермака Сибирскаго; изъ пѣсней Былевыхъ Безымянныхъ многія выродились изъ тѣхъ же Богатырскихъ, только съ потерю исторической эпохи, именъ личныхъ и мѣстныхъ, да съ понижениемъ склада творческаго, выродились также, какъ изъ Княжескихъ и Московскихъ; черезъ то имена и типы Богатырей болѣе или менѣе перешли во всю Русь, даже въ Новгородскую нынѣшнюю область, а мотивы творчества, занятые изъ древнѣйшаго содержанія Богатырскихъ Былинъ, проникаютъ собою все дальнѣйшее творчество Русское, видоизмѣняясь на разные лады, такъ что у Москвы, вѣнѣ ея особыхъ, своеобразныхъ Московскихъ Былинъ, есть пѣсни въ народѣ, ведущія начало отъ Киевскихъ: Новгородское творчество не приняло въ себя всѣхъ этихъ наслѣдій, за исключеніемъ какой ни будь пары менѣе цвѣтныхъ именъ (какъ на примѣръ помянутые Залѣпена и Сбродовичи), и осталось особнякомъ вѣнѣ общей Русской связи; бы-

лины объ его Вольницѣ, то есть объ единственномъ типѣ ея—Васильѣ Буслаевѣ, остались чисто-мѣстнымъ Новгородскимъ выродкомъ, неразлагаемымъ ни на какія послѣдствія въ творчествѣ остальной Руси, кристаллизовавшимся и замершимъ въ своей кристаллизации. Онѣ не ведутъ начала отъ Былинъ о Богатыряхъ Старшихъ, не связаны съ Кіевскими, за исключеніемъ двухъ - трехъ древнѣйшихъ преданій, исходившихъ изъ поры доисторической, какъ мы видѣли въ Садкѣ, да обмѣна въ двухъ-трехъ именахъ, въ силу помянутаго нѣкотораго подобія Вольницы и Богатырства, да виѣшняго склада творчества, стиха и эпического языка, общаго всей эпической эпохи въ творчествѣ Русскомъ; наконецъ отсюда не выродилось ни пѣсень Безымянныхъ, ни другихъ какихъ либо общихъ для Руси мотивовъ творческаго содержанія. Послѣ Былинъ, выходившихъ по времени сложенія ихъ изъ XII вѣка, Новгородъ, сколько мы знаемъ изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ данныхъ, пѣтъ Былины Московскія (нѣкоторая изъ нихъ записаны въ Новгородѣ), а теперь поетъ тѣ же пѣсни, какъ вся Русь, прошедшая чрезъ Московскій періодъ, даже безъ крупнымъ отличій мѣстности. — Высказать всю исторію Вольницы въ главномъ ея представителѣ, возведенному въ типъ творческій, исторію этого типа съ рожденія и дѣтства до самой смерти, въ зародышѣ среди Новгорода, въ воспитаніи, въ первыхъ дѣйствіяхъ, въ борьбѣ съ окружавшею сферой, потомъ виѣ ея, на сторонѣ, до возвращенія на родину или до конца послѣдняго,—вотъ задача, исполненная, нужно сказать правду, превосходно Былинами и отчасти Сказками о Васильѣ Буслаевѣ. Передавая содержаніе, мы получимъ случай безпрерывно сравнивать этотъ типъ съ типомъ Садки, чтобы видѣть близость, а еще больше все различіе: только предваряемъ, что все это отнюдь не *подвиги* — подвиги были только у нашихъ Богатырей, — а *похожденія и приключения*.

Объ родѣ-племени Садки и даже объ отчествѣ не стѣло говорить: безъ роду-племени, выскочкой вышелъ онъ въ люди усилиными трудами; совсѣмъ не то Василій; его отецъ *Буслай* (см. выше развѣтленія имени), мать *Левотья Васильевна* или — типическое имя былеваго творчества—*Афимья Александровна*, еще типичнѣе—*Амелое Тимоѳеевна*; дворъ ихъ и имѣнья постоянно называются *дворянскими*, то есть вѣрнѣе, боярскими; они были боярами, конечно не тѣми, кои подѣ-

ХСII

лавы Князьями изъ ихней дружины, а Земскими. Буслай занималъ въ городѣ видное мѣсто, быть можетъ посадничество, ибо Былины даютъ замѣтить, что онъ «съ Новымъ-городомъ не споривалъ, со Осковыми онъ не вздоривалъ, а со матушкой Москвой (позднѣйшая вставка) не перечился.» Жиль онъ бездѣтнымъ, обыкновенно разсказывается, до 90 лѣтъ, пока зубовъ во ртѣ нѣть: Василій, какъ говорять въ народѣ, былъ сыномъ «молёнымъ и божёнымъ.» Скоро, со смертю отца, остался онъ наследникомъ почетнаго въ городѣ имени и большаго богатства: воспитательницею была мать. Садко не былъ «въ грамотѣ поученый человѣкъ» и вѣроятно на жеребьяхъ писалъ какъ пишутъ нынѣшніе Русскіе торговцы — каракульками, а въ завѣщаніи, хотя и принесли ему богатую «чернилицу валяжную (Рыбн. I, стр. 377),» вѣроятно приложилъ руку въ собственному смыслѣ, то есть обмакнувши ее, или выставилъ чернилами крестъ; да высшая образованность торговому Русскому человѣку и не полагается нужною: но, какъ Богатыри Кіевскіе, представитель Вольницы обученъ всѣмъ тогдашнимъ наукамъ. Семи лѣтъ выученъ онъ матерью грамотѣ и первомъ писать: то и другое ему въ науку пошло. А какъ стали его учить пѣтию церковному, то это до такой степени ни пошло ему въ науку, что Былина прибавляется: «а и нѣть у насъ такова пѣвца во славномъ Новѣ-городѣ сопротивъ Василья Булаева,» —знакъ, что Былина, въ ея уцѣлѣвшемъ видѣ, сложена и пѣлась въ Новгородѣ (да и гдѣ же иначе?). Настоящее его воспитаніе было впрочемъ такое: на улицѣ, среди ребятишекъ, въ дѣтскихъ играхъ, а ребяты въ вольномъ Новгородѣ были конечно не только какъ всѣ уличные мальчишки, а даже какъ Лондонскіе. Прибавьте сюда надежду на имя и богатство, да несомнѣнное баловство матери къ единственному и позднему сыну. Василій сталъ шутить шутки недобрья, тѣ, которыя разсказываются впрочемъ и объ другихъ герояхъ нашего эпоса, какъ признакъ ранней ихъ силы: особенность Василья была въ томъ, что онъ шутилъ такъ, рвалъ руки, ноги и головы, не только на знаменитой Новгородской улицѣ *Рогатинѣ*, рано известной по лѣтописямъ и перешедшей даже въ другія Былины (собственно это была всякая древняя наша улица, огороженная, вместо тумбъ и троттуаровъ, рогатками), но и на всѣхъ улочкахъ, да сталъ загуливать и на *кияженецкій дворъ*, сталъ пошучивать свои шутки съ дѣтьми *боярскими и княжескими*.

ХСІІІ

(Рыбник. т. I). Еще хуже: въ противность скромному Садко, Василій «поводился со шляници, съ безумници, съ Веселыми удалими-добрными молодцы,» знакомыми намъ Скоморохами; въ раннихъ лѣтахъ онъ «до шляна ужь сталъ напиватися (у насъ № 3).» Вотъ важнѣйшій толчекъ происхожденю Вольницы, необходимо возникавшей въ общественномъ складѣ такого города. Поднялись ропотъ, говоръ, недовольство. дошли они до матери. Былины передаютъ это различно: по однимъ, мужики (т. е. мужи, люди) Новгородскіе только пригрозили Василью—«тебѣ съ эстою удачей молодецкою наквасити рѣка будеть Волхова,» помочиться въ Волховѣ, побывать въ немъ съ мосту по мірскому приговору! По другимъ стали доходить жалобы и просьбы къ матери, притомъ съ угрозами: «унимай-ка своего чада милаго, а ты не умешь, такъ мы уймемъ!» Еще, будто съ такою жалобой приходили отъ князей Новгородскіихъ (Рыбник. т. I); наконецъ, являлись жаловаться прямо и лично люди «посадские, богатые.» Частію разсерженый, частію и напуганный угрозами, Василій къ матери: мать отъ баловства перешла къ журьбѣ-брани, конечно жалѣя сына; сыну избалованному, «журьба Василью не взлюбилася.» Нѣкоторыя Былины прибавляютъ, что мать даже перестала пускать его гулять по Новгороду (Рыбник. т. I); еще хуже. Дѣвѣ стороны уже крѣпко расходились въ розны: но мать еще пособила дальнѣйшему. Слезливая старуха ревѣла надъ сыномъ и, пугаясь за участъ его въ предстоящей непремѣнно борьбѣ съ горожанами, начала причитать: отецъ твой «не имѣлъ въ карманѣ сто рублей, а имѣлъ дружину хоробрую,»—пословица, не имѣлъ въ карманѣ сто рублей, а имѣлъ сто друзей; «а у тебя нѣту братій и дружинъ хоробрыя, не съ кѣмъ тебѣ будетъ поправлятися (Рыбник. т. II)!» «Ай же ты, Васильюшка Буславьевич! Прибрей-ка себѣ дружину хоробрую, чтобъ никто ти (те, тебя) въ Новѣ-градѣ не обидѣлъ (т. I)!» Садко предпочелъ бы въ этомъ слушать сто рублей: но Василью ложились слова въ сердце глубоко и попадали въ желанную имъ самимъ цѣль. «За эти рѣчи, говорить былина, Василій принимается (т. II).» Онъ и самъ подумывалъ, какъ огородить себя и отъ досадныхъ жалобъ съ угрозами, и отъ докучной журьбы матери. Слѣдуетъ второй, и главный шагъ въ образованіи Новгородской Вольницы, второй періодъ въ воспитаніи Буслаева. Обучаться принялася онъ теперь самъ: «семнадцати лѣтъ обучился Василій на-

укъ воинскіиъ (даже, прибавляетъ былина, «рыцарскіиъ»), ощутилъ въ себѣ силушку великую, и дѣлалъ себѣ сбрую ратнюю, палицу воинскую и кошье мурзамецкое, тугой лукъ разрывчатый и саблю вострую (Рыбник. т. I); «любимымъ однако оружіемъ Василья съ тѣхъ поръ былъ и остался «червленый» или «стемляный вязъ», шорою ось телѣжная, — черты эпохи древней. Тутъ пора бы Василья сбыть въ походы съ прочею Вольницею: да онъ, вѣроятно, и хаживалъ, но мать не могла на долго разставаться, ворочалася; притомъ одна толпа Вольницы изъ Новгорода убывала, другая оставалась или прибывала. Это и дало возможность творчеству брать типъ ея какъ постоянный элементъ Новгорода, держать здѣсь Василья для дальнѣйшей борьбы и описывать постепенный разгаръ ея съ окружавшими враждебными элементами городской общественной жизни. При такомъ порядкѣ вещей и въ такомъ городѣ, какъ Новгородъ, полный безпрестанно смѣнявшимися гостями и пришельцами, полный удалой молодежи, конечно всегда было много голи кабацкой и праздношатающихся удальцевъ, искашившихъ понагрѣть руки около богатствъ или потѣшить руки борьбою: самое устройство общины, разлагавшее и сталкивавшее партіи, требовавшее для партій крѣпкихъ рукъ и бойцовъ, тому способствовало. Къ такимъ-то молодцамъ обратился Василій, набирая себѣ дружину, по свидѣтельству былинъ разсылая письма съ приглашеніями или—по нашему—прибивая уличныя афиши, съ зазывомъ пить и ъсть готовое, носить дорогое платье, разгуливаться: афишъ и писемъ даже было не нужно, дружина Вольницы сама со-бою скоплялась вокругъ надежныхъ предводителей; а чего было надежнѣе именитаго и богатаго баловня? Собираются, по былинамъ, на дворъ къ Василью. Одна былина (Рыбник. т. II) такъ очерчиваетъ толпу въ общихъ чертахъ: «тати, воры, разбойники, плутъ, мошенникъ.» Впрочемъ некоторые, судя по описанію, были и порядочные. Набиралось чернымъ-черно, какъ черна ворона: отобразилось лучшихъ 29, самъ Васька сталъ тридцатымъ. Вотъ главныя лица по былинамъ: первый и главнѣйший *Костя Новоторжанинъ*, изъ Торжка, Новгородской области, но одной былинѣ съ отчествомъ—*Костя Никитинъ* (не ошибка ли вмѣсто Новоторжанинъ? У насть № 4); *Потапюшка* (Потапъ), *Потапъ*, съ прозвищами и описаніями — *Малый-упалый*, *Маленькой*, *Хроменъкій* или *Хромненъкій*, на праву ножку припадываетъ, на лѣву прихрамываетъ, изъ подъ ручки

посматриваетъ,—видно, одно слово, пройдоха; *Василька Маленькой*; *Оома* или *Оомушка*, *Холуушка*, *Горбатенький*, *Толстъ-благодливый* (уродился во благо, въ добро ему шло, кругленыій, гладевыій, брюшковатый),—толстый да горбатый, приземистый, ражій; *Котельная Пригарина*, прозженый, то же, что «Дѣтина Поваренный»; «Таракашка» и т. п., съ давнихъ поръ типъ всякого ловкаго помощника, услужливаго чернорабочаго; *Иванище Сильное*, *Калѣка Переходжій*, извѣстный и въ Киевскомъ творчествѣ: ему бы собственно здѣсь не слѣдъ и быть, да онъ понадѣлъ потому, что Калѣки встрѣчались тогда на каждомъ шагу; знакомые намъ оттуда же *Мужики Залышена* и *Семь братовъ Збродовичи*; *Лука и Моисей*, *Дѣти Боярскіе*, заставляющіе подозрѣвать сходство съ Лукою и Петромъ, «Королевичами изъ Крякова» (Кракова; Рыбник. т. I).» Подобныя же лица встрѣтимъ мы и послѣ, въ числѣ бойцовъ на Москвѣ. Своеобразно пробовалъ или испытывалъ пришедшихъ Василька,—вязомъ по головѣ, кто не ворохнется, у кого кудри не тряхнутся и т. п.: кто оказывался годенъ, называлъ братомъ названымъ, угощаль; мужиковъ Залышанъ, страшныхъ и въ Киевскомъ творчествѣ, до того самъ перепугался, что не посмѣль даже къ нимъ и показаться на первое знакомство. Одна стѣнка была такимъ обра зомъ готова; поводы къ столкновенію также на чеку: познакомимся и съ другою стѣнкою, представителями города, ставшими во враждебное отношение къ молодежи. Нельзя не замѣтить, что у Садки, практическаго человѣка, вовсе нѣть враговъ: страшилище Морской Царь все-таки ему благодѣтельствуетъ; Царица на его сторонѣ; Чернавка выводитъ его на Русь; купцы и «настоятели» Новгорода, временно споривши, подъ конецъ все-таки помогаютъ обогатиться; башлыки, люди таможенные—то же; еслибы въ то время существовалъ полицеймѣстерь Новгорода, и онъ явился бы «отцемъ и благодѣтелемъ» Садки; нечего уже говорить о Волгѣ, Ильменѣ и т. п.: напротивъ у Василья все, даже родные—какъ крестовый батюш카—все задѣто и лѣзеть противъ него на стѣну. Стѣна же эта воть какак. Во первыхъ, упоминается въ былинахъ оскорбленный Васильемъ «Княженецкій дворъ» и «Князъ Новгородскій», какъ глава, распорядитель, судья, наказующій и милующій (см. ниже): но это не тотъ Князъ, какіе бывали въ Новгородѣ выпрошенные, назначенные или выбранные изъ извѣстнаго рода Варяжскаго. Ближайшее

изученіе Русской исторіи въ связи съ исторіею другихъ Славянскихъ племенъ, особенно Южныхъ, не оставляетъ сомнѣнія, что и прежде сихъ Князей, и при нихъ, кромѣ ихъ, были Князья изъ своего рода, съ достоинствомъ и правами своими, такъ точно, какъ искони было у Славянъ именованіе *Князь*, такъ точно, какъ Князья были всегда и остались доселѣ у Славянъ Южныхъ, не призывающихъ никого изъ Варяговъ, доселѣ въ достоинствѣ старшинъ и судей надъ общинами, такъ точно, паконецъ, какъ имя и достоинство Князя, хотя въ иномъ смыслѣ, искони придавалось жениху на свадьбахъ. Подобнымъ образомъ и *Бояре*, кромѣ возникшихъ изъ дружины Княжеской, Варяжской, на Руси, были искони и здѣсь, и у всѣхъ Славянъ свои собственные; такъ что на оборотъ изъ дружины Княжеской дѣлались Бояре по образцу Земскихъ и, кромѣ Варяговъ, съ самаго начала въ дружины Княжеской, въ Земской и прямо въ Земщинѣ были Бояре Русскіе-Славянскіе. И дѣйствительно, по былинамъ Новгорода, упоминаются въ немъ, и въ одно время, «*три Князя* Новгородскихъ (Рыбник. т. I),» потомъ «*два Князя*» и просто «*Князь* Новгородскіе, *Старшина Оона Родионовичъ* (тамъ же).» Тѣ же два лица — одинъ сходенъ и именемъ — видѣли мы въ былинахъ о Садкѣ подъ именемъ «Новгородскихъ *Наслѣдователей*.» Въ другой былинѣ и въ томъ же совершенно положеніи, какъ лица предыдущія, упоминается «*Городничий Оона Родионовичъ*,» очевидно то же лицо, что выше названъ Княземъ и Старшиною. Тѣ же *Никола Зиновьевичъ* и *Оона Родионовичъ* выводятся въ другихъ двухъ былинахъ (унасъ № 1 и 2) просто какъ «мужики,» т. е. «мужи Новгородскіе;» тамъ, где въ однихъ былинахъ описывается цирь у «Князя,» въ другихъ одно лишь имя «у *Викулы Окулова* (*Викулы* — вѣроятно изъ *Микулы*, Николая Зиновьевича; Рыбник. т. II).» Очевидно, что все это простые, обычные мужи Новгородскіе, но облеченные въ достоинство *Князя*, а Князей этихъ могло быть нѣсколько въ одно время и достоинство ихъ, по роду службы, дѣлилось на *Судью* въ строгомъ смыслѣ (см. ниже), *Городничаго* или *Старшину* (городскаго), *Воеводу*. Какъ они выходили изъ Земщины и къ ней относились, и въ нее возвращались послѣ службы, и какой срокъ былъ ихъ службѣ, и какъ рядомъ службъ и служебныхъ лицъ въ роду образовались Служилые люди, какъ относились къ помянутымъ званіямъ Но-

ХСVII

садникъ и Тысяцкій, подъ какими изъ упомянутыхъ именъ скрывались и когда собственно организовались въ томъ видѣ, въ какомъ мы застаемъ ихъ по лѣтописямъ, здѣсь входить въ подробности не мѣсто. Не лише однако прибавить, что показанія бывшаго творчества, обыкновенно хранимаго какъ святыни въ памяти и устахъ народа, очень важны въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что ихъ нельзя здѣсь объяснить никакъ ослышкою или искаженіемъ. Равнымъ образомъ, какъ въ именахъ при Садкѣ, *Оома Назарьевъ* и *Лука Зиновьевъ*, такъ и въ помянутыхъ при Буслаевѣ нельзя конечно видѣть лицъ непремѣнно историческихъ, тѣмъ болѣе, что мы ихъ не находимъ по лѣтописямъ, но нельзя однакоже вовсе оставить безъ вниманія, съ какимъ постоянствомъ въ былинахъ народъ держится имена *Оомы Родіоновича* и *Николы* (онъ же, вѣроятно, при Садкѣ, жившемъ въ ту же эпоху, *Лука*) *Зиновьевича*. Скрытое отъ исторіи по лѣтописямъ возстаетъ первѣко въ иоатическомъ творчествѣ: и на оборотъ, дѣянія Садки и Буслаева приходились во времена Князей, княжившихъ въ Новгородѣ «изъ рода Варяжска,» съ Посадниками и Тысяцкими, а творчество, мы видѣли, представляетъ устройство правительства въ своемъ видѣ, то есть типическомъ, можетъ быть старшемъ, даже болѣе самобытномъ и народномъ, чѣмъ устройство, введенное при Князьяхъ и Князьями съ чужи, съ далека или изъ иного рода. Какъ бы то ни было, но только Василій Буслаевъ съ окружившей его Вольницей, видимъ мы, поставилъ противъ себя все тогдашнее правительство Новгорода. Въ иныхъ былинахъ оно все называется гуломъ «мужиками Новгородскими;» въ другихъ, гдѣ различаются лица правительства, исполнителями его въ борьбѣ съ Васильемъ именуются особо «господа (бояре).» «мужики Новгородскіе,» мужики «и все купцы богатые,» «мужики посадскіе,» наконецъ «городо-Кемскіе,» подоспѣвшіе къ дѣлу также, какъ Костя изъ Торжка при Буслаевѣ: то есть, это все были естественные враги Вольницы, мужи зрѣлаго возраста, стойкіе – посадніе, дружинники земскіе, гости и проч., за исключеніемъ стариковъ, зрѣлый возрастъ противъ молодежи, горожане въ собственномъ смыслѣ, полноправные дѣятели противъ Вольницы. Былины, обрисовавшия не совсѣмъ красиво дружину Буслаевскую, не скучаются и на враговъ ея: они «на пять завидные (см. ниже скору изъ за шира),» даже «воры (городо-Кемскіе),» а все творчество, въ дальнѣйшемъ теченіи разсказа, съ явнымъ со-

ХCVIII

чувствіемъ становится на сторонѣ Буслаева; видно, онъ имѣлъ правду на своей сторонѣ и сторона охранительная понадѣла народу, по-опротивѣла въ глазахъ его. Предлоговъ къ рѣшенію натянутыхъ отношеній съ обѣихъ сторонъ могло быть конечно, замѣчали мы, въ доволь. Нѣкоторыя былины всего проще зачинаютъ борьбу, безъ предлога; «говорить Васильушка Буслаевичъ:—Есть бы (еслибы) у меня была дружинушка хоробрая, тридцать молодцовъ безъ единаго, самъ-то я, Васильушка, въ тридцатиъхъ, такъ Ѳхалъ бы я биться со всѣмъ Новымъ-градомъ;» когда же собралось ихъ столько, «тутъ они сѣли на добрыхъ коней, поѣхали (Рыбник. т. I).» Но другія наблюдаютъ постепенность и выставляютъ предлоги. Когда собранная Вольница пировала во дворѣ Буслаева, «какой зайдетъ, убьютъ его, убьютъ его — за ворота бросять.» Завидные на питье, послѣ афишъ и приглашеній Буслаева, мужики Новгородскіе собирались къ его чанамъ: но они не могли и поднять чары, только лишь «шатаются день до вечера;» это надоѣло Василью, выбѣжалъ онъ на дворъ и пу ихъ бить. По другимъ, мужики собирались къ Василью, такъ бы и быть, да расхвастались: «Мы теперь стали на твоемъ дворѣ, всю мы у тя Ѳству выѣдимъ, и всѣ напиточки у тя выпьемъ, цвѣтио платыце повыносимъ, красно золото повытащимъ.» Разумѣется, «этыя рѣчи ему не слюбилися» и онъ зачалъ ихъ валить по двору. Паконецъ, разсказываютъ, что мужики собирались было честью: но Василій кормилъ-поилъ свою дружину, «а тыхъ мужиковъ Новгородскихъ не кормилъ не поилъ да не чевствовалъ, а посыпалъ по вѣ-зашей да въ сутычъ ихъ. Тутъ-то мужики Новгородскіе видѣть, что не хорошо то есть: «Осмѣемся (отсмѣемся) мы насмѣшку Васильушкѣ, сдѣлаемъ мы, ребята, почестенъ пиръ, заведемъ (подадимъ видъ, будто) для Василья для Буслаевича, не позовемъ-ка мы на почестенъ пиръ того Васильушку Буслаева!»» Каки бы то ни было, только со двора Васильева «пошли мужики — сами заплакали: «были у Васьки на честномъ пиру, не упили мы, не уѣли, а въ безвѣчье (увѣчье) залѣзли у Васьки на вѣки!»» Мужики Новгородскіе сдѣлали складчину, Братчину Никольщину (пиръ въ Николинъ день), по нѣкоторымъ у самого Новгородскаго Князя: Василья не пригласили, но онъ отправился незваный съ дружиною, не смотря на предостереженія матери и съ явнымъ желаніемъ добиться рѣшительной борьбы. Пиръ этотъ не могъ обойтись безъ конечной ссоры.

ХСIX

Одна Былина передает, что ссора вспыхнула случайно: староста церковный, казначей Братчины, принял отъ Василья и дружины долю складчины, пирь шель порядкомъ, но Вольница къ вечеру напилась въ кабакѣ; начались игры, кулачная борьба, дошло до драки: Василій бросился разнимать, а тутъ какой-то дуракъ его по уху оплеть; Василій крикнулъ—«Уже Ваську меня бьютъ!» Подоспѣли его товарищи и вышло побоище. Въ другихъ былинахъ, послѣдовательнѣе, незваный гость не могъ ожидать радушія: явившись въ буйномъ видѣ, онъ съ товарищами влѣзъ насильно, пошихаль и разогналъ собравшихся. Впрочемъ, не смотря на эти схватки, схватки сравнительно съ послѣдующимъ боемъ, пиръ тѣмъ бы и кончился; но подъ конецъ его цыная Вольница расхвасталась; Костя говорить: «Нечѣмъ мнѣ-ка, Костѣ, похвастати, я остался отъ батюшки малешенекъ, малешенекъ остался и зеленешенекъ; развѣ тымъ мнѣ, Костѣ, похвастати: ударить съ вами о великъ закладъ, о буйной головы,» именно что онъ напустится «на весь на Новгородъ, окромѣ трехъ монастырей (не трогая ихъ изъ уваженія)—*Спаса Преображенія, Матушки Пресвятой Богородицы, да еще монастыря Смоленскаго!*» Та и другая сторона взаимно перечила, а Василій говориль еще сильнѣе: «Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевичъ, не боюсь я тебя, Осма Родионовпчъ, не боюсь я всего Новгѣрода!» Это было уже близко къ вызову; мужики возражали: «Загадываешь загадку великую! Когда ты, Василій, удаль е, пойдемъ же драться на мостикъ на Волховскій, на тою на рѣченку на Волхову: ты со своими со дружинамы хоробрьма, а мы будемъ драться *всѣмъ народомъ.*» Василій не замедлилъ форменнымъ вызовомъ: «Гой еси вы, мужики Новгородскіе! Бьюсь съ вами о великъ закладъ: напущаюсь я на весь Новгородъ битися-дратися, со всею дружиною хороброю. Только (если) вы меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ, буду вамъ платить дани-выходы по смерть свою; а буде же я васъ побью, и вы мнѣ покоритеся, то вамъ платить мнѣ такову же дань.» Сдѣлали договоръ письменный за рукоприкладствомъ: «и ударился Васька о великъ закладъ, не о ста рубляхъ, не о тысячѣ, ударился Васька о своей буйной головѣ, за утрѣ (завтра, на другой день утромъ) биться Васькѣ со всѣмъ Новымъ-городомъ;» «и удариль о великъ закладъ со тремя Князьями Новгородскими, выходить на мостикъ на Волховскій и биться Василью съ Новымъ городомъ, побить всѣхъ мужи-

С

ковъ до единаго;» «ударили они о великъ закладъ, подписали под-
писи великія, что съ утра още раны мъ рано итти-то на рѣченьку
на Волхову, на тотъ ли на мосточикъ на Волховскій *).» Вспомни-
те, что такъ точно бился объ закладъ въ Киевѣ, и раздѣлилъ его на
партіи, Иванъ Гостиный Сынъ (выш. 3); что такъ точно съ Новго-
родцами бился объ закладъ Садко: но для Гостя-Купца единоборство
состояло въ лучшемъ товарѣ (какъ у Гостинаго Сына), или (какъ у
Садки) въ закупкѣ всѣхъ Новгородскихъ товаровъ; здѣсь же шло
дѣло объ единоборствѣ въ собственномъ смыслѣ, на животъ и на
смерть. И какое неравенство стѣнокъ: съ одной стороны весь Нов-
городъ опричь женщинъ, дѣтей и стариковъ, опричь монастырей—
духовенства, церковниковъ, губѣло, испытанное ядро населенія, бы-
вавшее и состоявшее въ Дружинѣ Земской, ходившее въ походы съ
Князьями, въ далекіе, чужіе и враждебные края съ купеческими то-
варами; съ другой Вольница хотя и рьяная, но неопытная, большою
частію молодежь, и всего тридцать человѣкъ. Но при этомъ нужно
однако вспомнить, что тридцать человѣкъ, по точному смыслу твор-
чества, было лишь выборныхъ и отборныхъ, друзей Василья, его
названныхъ братьевъ, душа въ душу, и это собственно была его *дру-
жина*; Вольница же расла около дружины конечно сбродомъ и тол-
пою, клубокъ рось по мѣрѣ движенія. На первый же зовъ Василья
пришла къ нему «силушка черны мъ чернѣ» было изъ чего выби-
рать, было чѣмъ и пополниться отборному. Приставали къ нему всѣ
недовольные, и выходить, что кажущееся неравенство стѣнокъ на
самомъ дѣлѣ было не такъ велико. Во всякомъ случаѣ, главное дѣ-

^{*}) Во II-мъ томѣ у Рыбникова все дѣло перенесено въ Киевъ, Василій дѣлаетъ закладъ побороть весь Киевъ, каменну Москву, со всѣми и со мальми пригородками, а дерутся мужики городо-Кемскіе: происхожденіе сему было то, что былина начинается описаниемъ пира, „да идетъ-то Василій во почестный пиръ ко князю“ — Новгородскому; но, какъ скоро сказано „ко князю“, нетвердый пѣвецъ, но привыкъ къ Киевскимъ былинамъ, продолжилъ — „ко Владимери,“ и пошла писать — „у ласкова у князя у Владимира“ и т. д. Подобныхъ явныхъ искаженій (сравните въ одной Былинѣ, Рыбник. т. II, мостъ *Обуховъ* вмѣсто *Волховскаго*) мы никакъ не должны относить къ помянутому общевину творчества Кіевскаго и Новгородскаго: общеніе тамъ, где безъ искаженія есть связь внутренняя, выраженная въ сознательномъ сближеніи лицъ, мѣсть, именъ и т. и.

ло было въ томъ, на чьей сторонѣ правда и кто долженъ былъ побѣдить по сочувствію и возврѣнію творчества: а все это было на сторонѣ Василья, а съ этой помощію въ Киевскихъ Былинахъ и одинъ Богатырь побивалъ тысячи. Василій представлялъ собою юную, притѣсняемую силу, а эта сила, права или неправа, всегда скорѣе встрѣчаетъ въ творчествѣ сочувствіе; замѣтьте еще сторону, крайне всегда щекотливую для нашего народа: Василій шелъ противъ служилыхъ и богачей.—И такъ, «ударили о великъ закладъ, и записи написали, и руки приложили, и головы приклонили.» Какъ ни быть однако же увѣренъ въ себѣ и друзьяхъ Васька, былины прибавляютъ, что когда онъ пошелъ съ пиру домой и хмѣль съ него свалился, пошелъ онъ не веселье не радошенье, повѣсили буйную голову, утушили очи ясныя. Къ матери дошла вѣсть о сдѣланномъ закладѣ, разсказала дружина, рассказалъ самъ Василій. Завалился ли онъ самъ съ тяжелой попоѣки и уснулъ мертвымъ сномъ въ прохладномъ глубокомъ погребѣ, какъ разсказываетъ одна былина (Рыбник. т. I, № 57); или мать съ намѣреніемъ еще напоила его «питьемъ забудущимъ (т. II)» и уложила; или даже сама вывела съ пира и засадила (т. I),—только во всякомъ случаѣ, испуганная вѣстью о проишшедшемъ и предстоящемъ, старуха плакала и не нашла сдѣлать ничего лучше, какъ запереть сына всѣми возможными запорами, спрятать все его оружіе, выпустить въ поле коня и т. д. То, чего не смогъ бы весь Новгородъ, сдѣлала мать своею властію: подъ крѣпкими запорами Василій лежалъ безоруженъ, спалъ безъ просыпу да и забывалъ обѣ дѣлѣ. Одна былина (у насъ № 3) называется за это мать «старухою неразмышленою:» но она знала, что дѣлала, сынъ ей былъ дороже всей гражданской и воинской чести. Поспѣшила она «налила (насыпала) чашу красна залота, другую чашу чиста серебра, третью чашу скатна жемчуга, и понесла въ даровья *Князю Новгородскому*, чтобы *простила* сына любимаго.» Здѣсь-то особенно выступаетъ *одинъ* Князь, и притомъ въ качествѣ Суды, такъ что пѣвецъ къ одной былинѣ прибавлялъ, что Амелоеу Тимофеевну «позвали въ Судъ п крѣпко тамъ разобидѣли (Рыбник. т. I):» если гдѣ искать Рюриковича, то конечно вотъ гдѣ: тогда, съ этой точки зрѣнія, «Посадникъ» соответствуетъ помянутому «Князю-Старшинѣ» или «Городничему,» «Тысяцкій» — «Князю-Воеводѣ.» Конечно обида въ Судѣ состояла въ естественномъ рѣшеніи Суды,—

СИ

«говорить Князь Новгородский: «Тожно (въ такомъ случаѣ) прощу, когда голову срублю!»» Самое живописное лицо Новгородского творчества со стороны нравственного характера есть конечно мать Буслаева, и нигдѣ такъ вѣрно и послѣдовательно не выражается творчество Новгорода, какъ въ разсказѣ о взаимныхъ отношеніяхъ матери и сына (смотрите еще ниже). Пошла она домой, «закручинилась пошла, запечалилась, разсыпала красно золото, и чисто серебро, и скатенъ жемчугъ по чисту полю, сама говорила таковы слова: —Не дорого мнѣ ни золото, ни серебро, ни скатенъ жемчугъ, а дорога мнѣ буйная головушка своего сына любимаго, молода Васильшка Буслаева!—» Одна осталась у ней надежда—на крѣнкіе запоры и на крѣпкій сонъ сына.—Между тѣмъ мужики Новгородскіе всю ночь готовились къ бою и готовили оружіе: къ чести обѣихъ сторонъ, вытекавшей впрочемъ изъ условій подобнаго боя, нужно замѣтить, что оружія остраго не употребляли, мужики приготавляли молоты и шалыги или шелепуги подорожныя, какія бывали у Калѣкъ Переходихъ, страшно тяжелыя клюки или длинныя дубины, иногда налитыя свинцомъ, иногда всѣ свинцовыя; Вольница была вооружена также; самъ Василій, не смотря на то, что, какъ мы видѣли, обучился наукамъ воинскимъ и рыцарскимъ, имѣлъ и копье, и саблю, но дерется обыкновенно дубиною, именно вязомъ, по нуждѣ—какъ увидимъ—желѣзною осью тельжною, при случаѣ—языкомъ отъ колокола. Нельзя одного похвалить у Вольницы и Дружины Буслаева: какъ всякая молодежь и самоувѣренность, какъ типъ Славянина вообще и Русскаго, увѣренаго въ правотѣ дѣла, они, въ то время, какъ опытные враги готовились и эта черта выставлена ярко въ былинахъ, по молчанию былинъ—не принимали никакихъ особыхъ мѣръ, ринулись какъ попало и не догадались даже всѣ собраться, дождаться и вызвать своего предводителя. Бой, еще во время рокового пира и заклада, назначенъ на мосту Волховскомъ и у моста: тамъ гдѣ предрекъ будущее плывущій богъ язычества, Перунъ, куда бросилъ свою палицу, куда биться палицами сходились потомъ Новгородцы въ своихъ воинскихъ играхъ, гдѣ преимущественно бились въ городскихъ распряхъ. Въ частности бой размѣренъ былъ въ условіяхъ такъ: куча Новгородцевъ, какъ застава, встрѣтить Василья съ дружиною первая до мосту, съ той стороны, откуда ему ити; другая середи мосту; третья въ конецъ моста; если хоть на одной Василья побьютъ,

СIII

потерялъ онъ свою заложенную голову; но если пробьетъ заставу третью, то онъ побѣдилъ. Вотъ эти условія по былинѣ: «Итти Василю съ утра черезъ Волховъ мостъ; хоть свалить Василья до мосту,—вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова; хоть свалить Василья у моста (та же куча, подвинувшись),—вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова; хоть свалить Василья посередъ моста,—вести на казень на смертную, отрубить ему буйна голова; а ужь какъ пройдетъ третью заставу, тоже (въ такомъ случаѣ) больше дѣлать нечего (рѣшена борьба, побѣдилъ).» Судьба Василья должна была рѣшиться тамъ же, гдѣ рѣшилась судьба Садки, гдѣ сему послѣднему (подъ мостомъ?) явился Волховъ и передалъ отъ Ильменя средства обогащенія. Рано утромъ, на другой день послѣ договора, сошлись двѣ стороны; мужики Новгородскіе, собравшись на мѣсто, кричать: «Стушай-ка, Василій, черезъ Волховъ мостъ, рушай-ка (рѣшай) завѣты великие!» Но Василья не было. Впереди Вольницы выступилъ Хомушка Горбатенькій, на смѣну Потанишка Хроменкій, потомъ Костя Новоторжанинъ; но другимъ впереди были Котельная Пригарина и Потанишка. Они дѣлали все, что могли, били каждый сотнями: но они бились три часа, потомъ цѣлый день, потомъ другой день, третій день и третью ночь; въ каждый срокъ посматривали и поджидали они Буслаева: его неѣть какъ неѣть. У дружинъ головы проломаны, кушаками головы завязаны, платками руки перевязаны, не пили они, не щли, себѣ отдыху не давали, стоять они по колѣна въ крови, иные отъ мужиковъ уже кушаками исперевязаны и веревками занутаны. Раздается воинъ ихъ: «Чтѣ ты, Васька Буслаевичъ, измѣнилъ ты своимъ товарищамъ!» А мужики съ своей стороны насмѣхаются: «Еще чтѣ же, братцы, Васька за дуракъ такой? Измѣнилъ, братцы, Васька своимъ товарищамъ, продалъ за дешево, братцы, Васька своихъ товарищей! Трои сутки боятся братаны за Ваську Буслаева, молотами у нихъ головы испроломаны, кушаками у нихъ головы испривязаны, а Васьки Буслаева въ явѣ неѣть: еще чтѣ же, братцы, Васька за дуракъ такой!» Нѣкоторыя былины говорятъ, что Василій проснулся тотчасъ на илачевній вопль товарищей и дѣло принялъ новый оборотъ, какъ послѣ Илача Ярославы въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Другія, что онъ заслышалъ въ погребу отъ мужиковъ говорю ихъ похульную, хульную и похвальную: а похвалы, хвастовства, извѣстно въ нашемъ народѣ,

не терпять высшія силы и дѣло ими переворачивается (тѣ *Фёдору Фёдоровичу*, какъ выражаетъ народное мнѣніе Геродотъ). Но большинство былинъ наблюдаетъ еще ступени послѣдовательности. На четвертый день битвы, рано по утру служанка матери Васильевой, *Дѣвка Чернавка* пошла на Волховъ по воду. Мы знаемъ уже это лицо изъ прежнихъ Замѣтокъ: вмѣстѣ съ Котельной Пригариной это единственное, что досталось изъ древнѣйшихъ доисторическихъ преданій и первобытнаго эпоса въ былины о Буслаевѣ. Она непремѣнно въ службѣ у старшой госпожи или матроны, какъ Ириса у Геры: у насъ потому иначе она именуется Повареною, даже, въ переводѣ на языкъ общежитія, кухарка, хлѣбница и т. и. Она вѣстница, посредница двухъ сторонъ, какъ въ былинахъ о Саломанѣ, Садѣ, Ермѣ и Чурилѣ, и т. д. Она помощница то одной, то другой сторонѣ, чаще—въ выводѣ—юному герою. Какъ древняя Ириса съ символомъ Радуги, она въ эпическомъ образѣ среди исторіи съ полукруглымъ коромысломъ черезъ плечо, расписаннымъ, изъ разнаго дерева: иногда, какъ въ разбираемыхъ былинахъ Новгородскихъ, коромысло ея металлическое—желѣзное, или кишарисовое, занесенное Русскими еще съ Юга. Древнее происхожденіе ея и былое значеніе выражается въ уцѣлѣвшій громадной ея силѣ. Къ неї-то обратились побитые товарищи Василья: «Не подай (не выдай) насъ у дѣла ратнаго, у того часу смертнаго!» Чернавка поставила ведра, коромысло въ рукахъ ея начало помахивать, прибила враговъ до пятисотъ. Но этого все-таки было мало. Чернавка бросилась домой, своей силою сорвала замки и запоры, разбудила грознымъ упрекомъ Василья, рассказала о случившемся, выпустила его изъ запертія. Очнувшись выскочилъ на дворь, все оружье было прибрано (послѣ уже упоминается въ рукахъ Василья любимый вязъ), схватилъ онъ желѣзную ось телѣжную и, какъ спаль, въ однихъ чулкахъ безъ чоботовъ, въ одной рубашкѣ безъ пояса, бросился выручать товарищей. Когда появился онъ «по Волхъ-рѣкѣ, по той Волховой по улицѣ, завидѣли добрые молодцы, а его дружина хоробрая,—у ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ-то молодцовъ думушки прибыло.» Подскочилъ Василий: «Вы теперь позавтракали, мнѣ-ко-ва дайте пообѣдати! Идите же, братцы, на отдыху, идите же, братцы, не съ упадкою, а я за васъ поработаю! Садитесь вы, братцы, на лавочку: продалъ васъ не я, добрый молодецъ, продала васъ моя матушка родимая, измѣнилъ

СУ

вамъ не я, добрый молодецъ, измѣнила вамъ моя родна матушка! Теперь я съ ними побратаюсь.» Кто могъ еще драться изъ дружины, развязалъ онъ и пустилъ въ дѣло (Рыбник. т. II), а самъ впереди: на часу вся сила мужиковъ была выгублена. Но они помнили, что говорилъ Васька еще на пиру при похвальбѣ: не боюсь, говорилъ онъ, никого, ни всего Новгорода, «лишо боюсь я крестоваго батюшка, *Матераго Старчища Игнатьища*, да боюсь я крестоваго брателка, молода *Григорья Игнатьича*, — имъ отъ меня и честь, и почтѣ; а что по чему пойдетъ, такъ и всѣхъ не боюсь!» Была правда, что Василій боялся ихъ, была правда, что и съ ними могъ въ крайнемъ случаѣ спрятаться. Мужикамъ приходилось схватиться за краюшкѣ. «Мужиковъ Новгородскіихъ мало ставится, очень рѣдко и мало ихъ. Видять Князья (они въ сторонѣ ожидали конца, какъ старшины) бѣду неминучую, — прибѣть мужиковъ Василій Буславьевичъ, не оставить мужиковъ на сѣмена, — приходить Князья Новгородскіе, Воевода Николай Зиновьевичъ, Старшина ѡома Родионовичъ, ко его государынѣ ко матушкѣ, сами говорять таковы слова: — Ай же ты, честна вдова Мамелоа Тимоѳеевна! Уговори-уми свое чадо милое, молода Василья Буслаевича, укроти-бы свое сердце богатырское, оставилъ бы мужиковъ хоть на сѣмена! — Говорить Мамелоа Тимоѳеевна: — Не смѣю я, Князья Новгородскіе, унять свое чадо милое, укротить его сердце богатырское: сдѣлала я вину ему великую, засадила его во погреба глубокіе (я уже сдѣла-ла одну вину прежде и дала вамъ потачку). Есть у моего чада ми-лаго во томъ во монастырѣ во *Сергѣевомъ* крестовый его батюш-ка *Старчище Пилигримище*: имѣть силу нарочитую. Попросите, Князья Новгородскіе, не можетъ ли унять мое чадо милое? — И такъ Князья Новгородскіе прѣѣжаютъ къ монастырю ко Сергиеву и про-сять Старчище Пилигримище, со великимъ просить съ униженіемъ: — Послужи ты намъ вѣрой-правдою, сходи ты на мостикъ на Волховскій ко свому ко сыну крестовому, уговори его сердце богатыр-ское, чтобы онъ оставилъ побоище...» — Или прямо, не ходя къ матери и помня слова Василья на пиру, «мужики думу думали (со злобнымъ уже умысломъ): — Во томъ ли монастырѣ во *Кириловскомъ* есть *Старчище-Пилигримище*: пойдемте-ка, братцы, подкупимте, бываетъ — онъ побьетъ Ваську Буслаева! — Они ѿхали скорымъ ско-ро во тотъ ли во монастырь во Кириловскій: — Ай же ты, Старчище-

Пилигринище! Послужи-ка намъ вѣрой-правдою, на тебѣ красна золота, чиста серебра и скатна жемчуга!—» Это новое лицо, крестный отецъ Василья, былъ еще въ роднѣ ему, ибо нередѣ походомъ на мость «идеть онъ ко своей сестры, ко Васильевой матушки, говорить ей таково слово, что силушка мужиковъ горо-Кемскіихъ разбита и чтобъ она пріуняла своего сына Васильушка (Рыбник. т. II).» Наконецъ, онъ называется еще (Рыбник. т. I) *Старчище Елизарище* и опять просто (у насъ № 3) *Старецъ Пилигримища*. Стало быть, лицо это въ сущности не новое, а весьма старое и намъ уже хорошо знакомое; онъ въ разныхъ монастыряхъ, различны его имена, но типъ одинъ: это Калѣка Перехожій, со всѣми обычными своими свойствами, принадлежностями, дѣйствіями. Помянутая составная части этого типа легко намъ уразумѣть: Старецъ, Старчище, Пилигримище—*reregrinus*, *pielgrzym*, т. е. Странникъ, Переходжій,—обычныя прозвища Калѣкъ; даже дядей Василью онъ сталъ изъ Польскихъ и Бѣлорусскихъ *Дзядовъ*, Югозападныхъ *Дидовъ-Дъдовъ*,—имя Калѣкъ. Впрочемъ, онъ могъ быть и по типу дядей Василью, братомъ его матери, въ міру: подъ конецъ пошелъ душу спасать въ монастырь и жилъ тамъ, какъ жили обычно Калѣки Переходжіе при любимыхъ монастыряхъ. На эту прежнюю его исторію въ міру намекаетъ также имя *Игнатище*, подъ другимъ именемъ *Данило Игнатьевичъ* или *Данилище*, герой, известный намъ изъ Киевскаго творчества, прежде сильный богатырь, потомъ ушедший жить при монастырѣ и спасать тамъ душу, послѣ встрѣчавшійся съ Ильею на дорогѣ уже въ качествѣ Калѣки Переходжаго, также съ именемъ *дяди* (вып. 3 и 4). Сынъ его также известный въ Кіевѣ *Іванъ* или *Михайло Даниловичъ*: вотъ откуда и въ Новгородѣ взялся сынъ *Григорій Игнатьевичъ*, крестовый братъ Василью; описанный такъ же, какъ отецъ его, и Калѣка, онъ только раздвоился изъ одного лица отцовскаго, мѣшаешь единству сего послѣдняго и ничего не прибавляетъ къ творчеству, возникши не въ силу творческой необходимости, а случаемъ и по смѣщенію съ лицами Киевскаго творчества. Послѣ онъ, до отца, дрался съ Василемъ, но ничего ровно не пособилъ ни дѣлу, ни творчеству, а только замедлилъ ходъ его и раздвоилъ одно типническое лицо; выгода, лишняя черта отъ него была лишь развѣ та, что, побивши его, Василій получилъ шалыгу или вязъ, дравшись прежде осью тѣ-

дѣжною. Былины, удивительно вѣрныя основному типу, ловко подмѣтили именно эту черту, ибо Василій, получивъ въ наслѣдство отъ убитаго шалыгу, говоритъ: «Нѣть (не было оружья) на друга на стараго, на того ли на брата крестоваго, — какъ братъ пришелъ, по плечу ружье принесъ (въ основѣ пословица: не было оружья на брата, пришелъ онъ — принесъ шалыгу, пригодилась на него)!» Съ той минуты «и пошелъ Василій по мосту съ шалыгою (Рыбник. т. I).» Потому и мы оставимъ безъ вниманія это вставочное, случайно возникшее лицо: смотримъ на одинъ типъ, на одного Калѣку Переходжаго. Имена его, мы видѣли, одинаковы у творчества Новгородскаго съ Кіевскимъ: такъ и должно быть, ибо эти типическія лица были тамъ и здѣсь общими и, Переходжія, не были исключительнымъ достояніемъ мѣстности; Новгороду принадлежитъ лишь одно имя, доселѣ не встрѣченное въ Кіевѣ, — старчище *Елизариче*.— И такъ, лицо старое, изношенное былыми подвигами, само въ обноскахъ и отошкахъ, вышедшее на Русь изъ старины глубокой, хранившее всегда старицу, Былину ли, Стихъ ли, Калѣка Переходжій принадлежалъ весь охранительному началу и теперь долженъ быть взять его сторону противъ молодежи и вольнацы. Кромѣ того, по одной былинѣ, Калѣка, увидавши поднесенные ему, помянутыя богатства, польстился: «на то Старчище кидается, на то Старчище позывается,» извѣстная приманка Калѣкъ-попрошакъ. Изъ монастыря, опричь коего клялся Костя и Буслаевъ, Старчище былъ для Новгородцевъ послѣднимъ резервомъ, запасомъ, выведенъ какъ крайний оплотъ, въ родѣ тѣхъ Заточниковъ, которыхъ всегда, по памятникамъ Славянской поэзіи (ср. о Саурѣ Ванидовичѣ, вып. 3, и пѣсни Сербскія), берегли на случай въ тюрьмѣ и выпускали на врага въ отчаянныхъ случаяхъ. На него можно было и понадѣяться: хоть голова Калѣки при старости, нога за ногу запинается, рука за руку заплетается (ср. вып. 4), но этотъ типъ изъ древности отдаленной, эпохи кочевья и стихій, занималъ силу громадную и ужасную, мыкая ее въ бродячихъ переходахъ, но здѣсь же часто и подымая ее до страшной энергіи; не даромъ самъ Илья признавалъ въ немъ силы «два меня (въ двое себя),» не даромъ Амелea Тимофеевна отнеслась объ его «силѣ нарочитой,» а мужики надѣялись, «бываетъ—онъ побѣсть Ваську Буслаева.» Ему бы по настоящему достойно сразиться съ Иванищемъ Сильнымъ, Калѣкою, забравшимъ

CVIII

ся въ дружину Васильеву: но этотъ, какъ случайно забрель сюда изъ Кіева, такъ скоро и улизнулъ; къ концу рѣшенія дѣла устраялось въ былинахъ все случайное и оставались только существенные типы. Настоящій Новгородскій Калѣка былъ привязанъ къ мѣстному монастырю, Сергѣеву-Троцкому, Кирилову-Бѣлозерскому; они, питавшіе не одного Калѣку, также типически пріурочены Новгороду: судьба его вела на конечную расправу. Откуда бы ни взяли его, его тащили на мостъ Волховскій: здѣсь было настоящее мѣсто его, ибо — не только типически, но и исторически — главное мѣсто Калѣка на мостахъ, какъ на примѣрѣ на Волховскомъ въ Новгородѣ, на Днѣпровскомъ въ Смоленскѣ, на Спасскомъ нѣкогда въ Москвѣ. Здѣсь, на мосту, непремѣнно и долженъ былъ встрѣтить его Василій, по типу творчества. И въ разсказѣ *σ* были выдержанъ тотъ же порядокъ: до прихода Василья дружина его была отъ мосту «попячена;» когда же, частію отсторонивъ ее, частію отославъ, а частію ободривъ, Василій рванулся впередъ и порядочно поколотилъ уже мужиковъ, равнымъ образомъ, пока Князья ходили съ поклономъ къ матери и Калѣкѣ, а Калѣка пока снаряжался и двигался, Буслаевъ, очищая дорогу и сваливая встрѣчныхъ, дошелъ уже до середки моста Волховскаго. Здѣсь-то и встрѣтилъ его во всеоружії Старчище. У Старчища упоминается обычный «костыль,» клюка; «шалыга девяноста пудъ,» то же; «клюка въ десять пудъ;» «колпакъ въ двадцать пудъ,» — шляпа земли Греческой; «кафтанъ въ сорокъ пудъ,» — гуна подорожная; недоставало лишь лапотковъ семи шелковъ, да сумы бархатной: но все это нарядъ типическій, а здѣсь былъ случай чрезвычайный. Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ Старчище воспользовался тѣмъ, что всего ближе было подъ рукою въ монастыре: онъ скочилъ на башню колокольную, сорвалъ колоколъ, надѣль на голову колоколь, поднимаемый творчествомъ въ разныхъ былинахъ Новгородскихъ съ 12-ти до 40, 90, 150, 300 и 1.000 пудовъ; въ правую руку взялъ оторванный колокольный языкъ во 500 пудовъ. Идетъ онъ на мостъ, языкъмъ то онъ подширяется,—подъ нимъ мостъ нагибается (*Рыбник.* т. II). На середкѣ загородилъ онъ Василью дорогу и началъ то мягко, а то ужъ и не мягко: «Ай же ты, мое чадо крестное! Укроти свое сердце богатырское, оставь мужичковъ хоть на сѣмена!» «Ай же ты, мое чаделко крестовое! Молодой курень (пѣтухъ), не попархи-

вай, на своего крестового батюшка не наскакивай!» А потомъ: «А малый курь, не запурхивай, а ты, дитя, не заскакивай, а прямозжай дорожки не заваливай!» «А стой ты, Васька, не попархивай, молодой глуздырь, не полетывай! Изъ Волхова воды не выйти, во Новѣ-градѣ людей не выбити, есть молодцовъ сопротивъ тебя, стоимъ мы, молодцы, не хвастваемъ!» «Какъ пурхаль-то ясный соколь да и донурхаль, ходиль-то добрый молодецъ да и доходилъ!» Наконецъ прямо: «Я иду — Василью смерть несу!» Какъ вездѣ, такъ и здѣсь, и въ отвѣтъ Василья, былины, по разнымъ образцамъ своимъ, выражаютъ въ творчествѣ постепенность. Вотъ какимъ путемъ разгоралось слово и дѣло Буслаева: «Ужъ ты здравствуешь, крестовый батюшка! Ты за чѣмъ идешь, старъ человѣкъ? На что ты идешь, крестовый батюшка?» «Старца убить — не спасенъя залѣзть (найти), а грѣха себѣ на душу: поди-тко ты, Старецъ Преугрюмище, на свое иѣсто, а въ наше дѣло ты не суйся!» «А и гой еси, Старецъ Пилигримища! А и бился я о великъ закладъ со мужики Новгородскиими опричнъ тебѧ, Старца Пилигримища: во задоръ войду — тебя убью!» И вошелъ: «Тебя ли чортъ несетъ во той поры на своего на любимаго крестничка? Головамы, батюшка, играемся!» «Не корись ты, старая шлея бросовая, не корись ты, корзина дертиюжная, дертиюжная корзина, вѣковалая!» «А не даль я ти яичко о Христосъскомъ днѣ (въ Свѣтлое Воскресенье), а дамъ ти яичко о Петровомъ днѣ (бой былъ во времія Петровокъ или въ Петровъ день)!» «Колько я тебя хрѣстнымъ ни называваль, на вѣку ты мнѣ яичка не давываваль, теперь мы съ тобой похристосуемся: вотъ тебѣ красно яичко — Христосъ воскресъ!» Яицами чокаются, боятся въ головки: за послѣдними словами Василья слѣдовалъ ударъ по головкѣ батюшки, по колоколу, желѣзною осью, по другимъ булатною палицей. Колоколъ разлетѣлся въ мелкія череня, за колоколомъ голова, изъ головы глазные яблоки какъ нивны чаши; Василій заглянуль еще подъ колоколъ, какъ говорить одна былина: «а во лбѣ глазъ ужъ вѣку неѣть», давно ужъ умеръ старикъ, да давно и глазъ не было, потому что вѣроятно Калѣка былъ слѣпой. Спихнуль его Василій подъ мостъ Волховскій, задавило тамъ Старика языккомъ колокольнымъ; но Василій черезъ чурь разъярился, онъ слѣзъ подъ мостъ, еще издѣвается надъ тѣломъ: «еще сердце въ емъ не уходилося, еще граетъ (играеть) надъ тѣломъ Васька Буслаевъ сынъ: — Лежи

СХ

ты здѣсь, сучище облѣзлое, вотъ тебѣ яичко,—Христосъ воскресъ!—» Взялъ Буслаевъ колокольный языкъ и явился опять на мостъ съ новымъ оружіемъ: «Тутъ-то Васильюшку червленый вязъ, копье долгомѣрное, тутъ-то и сабля острая, и палица военная!» Начавши споръ языккомъ, Василій и доканчивалъ его языккомъ же.—Съ паденiemъ Старчища пала послѣдняя застава и послѣдній оплотъ стѣнки мужиковъ Новгородскихъ: бой былъ ими проигранъ окончательно; теперь слѣдуетъ только исторія укрошенія и умилостивленія Василья. Въ ней опять по разнымъ былинамъ есть своя постепенность. Вторично отправляются съ просьбою къ матери: «тутъ-то два Князя Новгородскіхъ (замѣчательно, что *одинъ* Князь, Судья, вѣроятно изъ Рюриковичей, въ этихъ покорныхъ депутаціяхъ не участвуетъ), Воевода Николай Зиновьевичъ, Старшина Осма Родіоновичъ, приходятъ къ его государынѣ матушкѣ: — Упроси свое чадо любимое, укротилъ бы свое сердце богатырское: мужиковъ въ Новѣ-градѣ рѣдко ставится (мало становится), убиль онъ крестового батюшку, честнаго Старчища Пилигримища.» На этотъ разъ, по свидѣтельству одной былины (у насъ № 3), мать послала извѣстную намъ Чернавку: едва могла она пройти между убитыми тѣлами, сильная—«схватила Василья за бѣлы руки», рассказала о покорности мужиковъ, повела Василья со дружиною на широкой дворъ (въ этой былинѣ два раза повторяется одно и то же: Чернавка будто бы и прежде притащила Василья, послѣ чего онъ былъ запертъ въ погребъ; явная путаница отъ пѣвца). Но, или Василій снова вернулся на побоище, или вообще не здѣсь еще былъ конецъ, только въ большей части былинѣ продолжаются и драки, и депутаціи, чтобы вызвать саму мать, которая одна могла укротить сына. Вотъ нѣсколько описаній: «тутъ мужики видѣть, что бѣда пришла, бѣда пришла неминучая, бѣжали они скорымъ скоро ко его ко родной ко матушкѣ: — Выручи насть отъ смерти отъ напрасныя, отъ того Васильюшка Буслаева!—» «Мужики покорилися, покорились и помирилися, понесли они записи крѣпкія къ матерой вдовѣ Амелѣ Тимофеевнѣ; насыпали чашу чистаго серебра, а другую чашу краснаго золота, пришли ко двору дворянскому, бьють челомъ—покланяются: — Принимай ты дороги подарочки, а уйми свое чадо милое: а и ради мы платить на всякой годъ по три тысячи, на всякой годъ будемъ тебѣ носить съ хлѣбникомъ по хлѣбнику, съ калач-

никовъ по калачику, съ молодицъ повѣнечное, съ дѣвицъ повалеш-
ное, со всѣхъ людей со ремесленныхъ, опричь поповъ и дьяконовъ
(разряды Новгородскихъ и вообще древнихъ городскихъ податей).—»
«И Городничій Фома да Родіоновичъ накладъ злата-серебра, скат-
ного жемчуга подарками, и приносить къ его къ родной матушкѣ:
—Уговори-тка свово чада милага, не прибѣть-то онъ да весь Нов-
городъ!» По иѣкоторымъ, старуха бросилась въ однихъ чулкахъ и ру-
башкѣ; по другимъ болѣе естественная размѣренность дѣйствий: ста-
руха «одѣвала платыца черныя (вдовинныя и смиренныя), одѣвала
шубу соболиную (въ Петровки это немножко жарко), полагала шеломъ
на буйну голову (она шла въ средину побоища: примѣръ Кіевскихъ
героинь и Новгородской Мары не единственный), и пошла Мамелеа
Тимофеевна унимать своего чада любимаго. То выгодно собой ста-
рушка догадалася (распорядилася), — не зашла она спереди его, а
зашла она позади него и пала на плечи на могучія:—Ай же ты, мое
чадо милое! Укроти свое сердце богатырское, не сердись на госу-
дарыню на матушку, уброси свое смертное побоище, оставь мужич-
ковъ хоть на сѣмена! —» Кого не могъ укротить весь Новгородъ,
того, съ удивительною вѣрностью типического творчества, укротила
старуха мать, и мгновенно, какъ электрическимъ ударомъ: «туть
Васильюшка Буславьевичъ опускаетъ свои руки къ сырой землѣ, вы-
падаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ на тую на матерь сырь землю:—Ай ты, свѣтъ государыня матушка, тая ты старушка лу-
кавая (хитрая, умѣлая), лукавая старушка, толковая! Умѣла унять
мою силу великую, зайти догадалася позади меня: а ежелибы ты
зашла впереди меня, то не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ,
убилъ бы за мѣсто мужика Новгородскаго!—» «—Никого я
не послухаю бы, а послушалъ тебя, родну матушку: не послу-
хать мнѣ — законъ не даетъ! —» Сравните въ Кіевскомъ творче-
ствѣ такое же укрощеніе Ильи Добрынею. Отъ матери по плоти
творчество Новгородское шагнуло еще выше; когда Василій, недовольный
однимъ побоищемъ, «напустился на дома на каменные»,
разбивать ихъ и давать дружинѣ добычу разбоя, тогда конечно
взмолился народъ православный, подобно какъ взмолился при
наступившей опасности отъ разыгравшагося Садки. Тогда, по мо-
литвамъ народа, «вышла Мать Пресвятая Богородица со того мо-
настыря Смоленскаго» и обратилась къ матери Василья со сло-

вами: «—Закличь своего чада милаго, милаго чада, рожонаго, хоть бы оставилъ народу на съмена!—» Выходила мать и закликала. По-водомъ къ этому явленію послужилъ конечно выходъ матери Василья, отъ которой перенеслись уже къ *Матери Пресвятой*. Та-кія явленія, какъ замѣчено выше, не составляютъ необходимости въ нашемъ творчествѣ: но въ то же время они здѣсь естественны и случаются нерѣдко, какъ естественно было явленіе боговъ для решения участіи битвъ въ Гомерическомъ творчествѣ или *Deus ex machina* во всемъ творчествѣ античномъ; если же это естественно вездѣ, гдѣ только въ народѣ жива вѣра, даже въ язычествѣ, то тѣмъ естественнѣе въ нашемъ Былевомъ творчествѣ, развившемся въ эпоху живой Христіанской вѣры и уцѣлѣвшемъ въ устахъ народа, ей преданнаго. — Пока продолжалось побоище Васильево и происходили переговоры депутатій, прошелъ весь четвертый день, съ утра до вечера, и былины согласны въ томъ, что конецъ имѣлъ мѣсто въ вечеру. Василій Буславьевъ побѣдилъ Новгородъ въ единоборствѣ, какъ побѣдилъ Садко съ своей стороны: но Садко удовольствовался торжествомъ и наемѣшкою, а послѣдствія единоборства смертнаго еще должны были продолжаться. Слѣдовало выкупить тѣла убитыхъ чтобы погребести, подобно Гомерическимъ посольствамъ къ Ахиллу. Передъ ночью того же дня—такъ слѣдуетъ по всему ходу разсказа — «приходить Князья Новгородскіе, Воевода Николай Зиновьевичъ, Старшина Фома Родіоновичъ, ко тому Васильюшку Буславьеву. Пали ко Василью въ рѣзы ноги, просять Василья во гостебынце (на пиръ къ себѣ), сами говорять таковы слова: — Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ! Прикажи обратъ тѣла убитыя, предать ихъ матери сырой землѣ; во той ли во рѣченѣкѣ Волховѣ на цѣлую на версту на мѣрную вода съ кровью смѣслиася: безъ числа пластина принарублена!—» Какъ Ахиллъ, великодушно и гордо, Василій «приказалъ обратъ тѣла убитыя; не пошелъ къ имъ въ гостебынце: зналъ, де, за собой замашку великую (что опять не утерпить).» Садко послѣ всѣхъ похожденій принять и успокоенъ женою, товарищами: съ дружиною Василій нашелъ отдыхъ у матери. Сюда опять явились Новгородчана и заключили окончательный миръ: «втапоры мужики Новгородскіе приносили Василью подарочки, вдругъ сто тысячей, и за тѣмъ у нихъ мирова пошла, а и мужики Новгородскіе покорилися и сами поклонилися.» Все кончается пиромъ, а на пиру раздаются голоса

СХІІІ

дружини, Вольницы: въ родѣ хора, какимъ кончались античныя произведенія, а вмѣстѣ какъ выводъ изъ всей исторіи и указаніе предмета, послужившаго содержаніемъ былинъ. «Сѣли они молодцы во единой кругль, вышли вѣдь по чарочкѣ зелена вина, вскричать тутъ ребята зычнымъ голосомъ: — У мота и у пьяницы у млада Васютки Буславича не упито, не уѣдено, въ краснѣ-хорошѣ не ухожено, а цвѣтнаго платья не уношено, — а увѣчье на вѣкъ залѣзено (всего вдоволь, но вдоволь на вѣки и увѣчья отъ побоищ!)! — » Тѣмъ кончена въ былинахъ исторія Василья Буслаева, а въ ней исторія Новгородской Вольницы, возведенная въ одинъ цѣлый типъ, разсказанныя какъ событіе типическое, только лишь пріуроченное извѣстному имени, лицу, мѣсту и времени, ибо это имя, и лицо, и мѣсто, и время—изъ XII-го вѣка—дали творчеству такіе живые образы, такъ возбудили его своими образами, что отсюда оказалось возможно создать цѣлый творческій типъ, цѣльное творческое созданіе.

Когда вы прослушали или прочитали былины о Садкѣ и зададитесь вопросомъ — чтѣ же послѣ того дѣлалъ Садко и какова дальнѣйшая его судьба, — вы чувствуете, что отвѣтъ намѣченъ въ былинахъ: жилъ, да пожиналъ, да добра наживалъ, больше ничего и не могло быть. Сдѣлался онъ первымъ богачемъ, даже монополистомъ, подчинилъ себѣ Новгородъ въ торговыхъ дѣлахъ, усѣлся дома, съ женой, съ подраставшимъ сыномъ, съ товарищами прежнихъ поѣздокъ, а теперь прикащиками и довѣренными лицами, иаконецъ на свою наживу строилъ церкви, украшаль ихъ, всячески пособляя подобными вкладами городу, попалъ за то въ лѣтописи. Но, послѣ побѣды Василья надъ Новгородомъ, хотя и рѣшительной, былины вамъ оставляютъ его въ первомъ цвѣту молодости и въ пылу страстей, противъ Русскаго обычая — неженатымъ, съ побѣдоносною, столь же рѣкою какъ самъ предводитель, дружиною: что же съ ними дальше, какова же была судьба? Отвѣта нѣть, ибо былины прибавляютъ: «и стала тутъ—мать—Васильушка кормить-поить, въ покояхъ хоронить (сберегать) и весело съ нимъ жить;» «и жилъ Васильушка въ праздности, излѣчилъ дружинушку хоробрую отъ тыихъ отъ ранъ кровавыхъ и привель дружину въ прежнее здравіе.» То есть, ничего не дѣлалъ: но вы чувствуете, что, судя по всему, этого никакъ не могло быть. Слова былинъ значать, что въ даль-

CXIV

иѣйшей жизни Буслаева творчество не признаетъ ровно ничего достойнаго былины, другими словами, что онъ важенъ для творчества и великъ какъ типъ Вольницы, какъ выраженіе извѣстной борьбы, а послѣ борьбы былины оставляютъ его равнодушно. Но вы со знаете тотчасъ, что, покинутый былинами, Василій со своею Вольницею продолжалъ похожденія: они принадлежать исторіи, ищите ихъ по лѣтописямъ, взвѣшивая, что для Новгорода сдѣлала его Вольница, какъ билась съ соѣдними врагами, какъ проникала въ далекіе края, какъ заводила счастливыя колоніи. Здѣсь мыкались и умыкались молодыя беспокойныя силы, пока возвращались въ лоно Великаго Новгорода зрѣлыми, стойкими, осѣдали, давали истинныхъ гражданъ. Если молчатъ былины, то говорить лѣтопись, что то же было съ Васильемъ: онъ удостоился сдѣлаться Посадникомъ; такимъ имѣть его лѣтопись, записавши годъ его смерти. Это не значитъ, что умеръ онъ въ должности Посадника: напротивъ, какъ увидимъ ниже. Значитъ лишь, когда онъ умеръ, лѣтопись помянула его въ этотъ годъ какъ бывшаго Посадника.

Минуя всю эту жизнь Буслаева, послѣднимъ звѣномъ коей быль высшій почетъ Посадничества, Былины обращаются къ его *смерти*, подоспѣвая съ своимъ разсказомъ тамъ, гдѣ оставляетъ насъ лѣтопись. Для творчества Василій существуетъ только какъ отчаянныи и побѣдоносныи борецъ въ первой молодости, а потомъ какъ умирающій удалецъ. Но въ семь послѣднемъ случаѣ для былинъ Новгородскихъ существуетъ Василій не какъ Посадникъ, не какъ опытный степенный Новгородецъ, прошедшій бурную жизнь и вышедший къ успокоенію: для нихъ остался тотъ же Василій, что и въ бывшей борьбѣ съ Новгородомъ, тотъ же юный и удалый, неженатый, съ тою же матерью, съ тою же дружиною, съ тѣмъ же неизмѣннымъ вязомъ, съ той же отвагою, доходившею до дерзости. При этомъ разсказывается одно изъ похожденій или одинъ изъ ноходовъ, какіе свойственны были Новгородской Вольницѣ и какихъ не мало было обѣ ней извѣстно: но не изъ такихъ, которые кончались мирнымъ ея возвращеніемъ или возвращеніемъ,—этого, съ послѣдствіями, посадничествомъ, знать не хотеть творчество, — а напротивъ такихъ, въ которыхъ Вольница складывала свою голову, и не даромъ, за крайнюю предпріимчивость и дерзость, которой, при по-

стоянномъ ея нарожденіи, не могъ укротить весь Новгородъ, кото-
рая сама побѣждала его, побѣждалась послѣ лишь сама собою, сама
въ себѣ получала казнь и смерть.—Говоря объ этомъ событии, воспѣ-
томъ въ Былинахъ, мы приведемъ прежде Сказку, весьма рѣдкую
съ концемъ сего рода и помѣщеннюю у насъ подъ № 1-мъ въ При-
ложеніяхъ. Записана она въ Пермской губерніи, вдали отъ Новго-
рода: обстоятельства подробная стерлись, выведена рѣка *Обь*, со-
битіе само округлилось, потерявши частности, но тѣмъ любо-^{лько}
имъ уцѣлѣвшія черты главнаго, общаго типа. Сначала сущест-
та же, что въ приведенныхъ Былинахъ. Есть и дополнительная чер-
та, именно что Василій отданъ быль обучаться грамотѣ, перомъ
писать, известному Старику Угрумищу, т. е. Пилигримишу: на это
есть указаніе и въ Былинахъ, гдѣ сынъ Пилигримища напоминаетъ
Василью, — «Помнишь, какъ учились мы съ тобой въ грамоты? Я
надъ тобой быль въ тѣ поры большій братъ (Рыбник. т. I).» Это
весьма древняя черта творчества: вспомните (вып. 1), что также
Илья учился грамотѣ вмѣстѣ съ Калѣчищемъ; дѣло въ томъ, что
это сообразно съ жизнью, ибо въ ней издревле у Калѣкъ были
свои училища (да и до послѣдняго времени), особенно когда жили
они при монастыряхъ. Вторая черта Сказки сближаетъ Василья съ
Вольгою или Волхомъ Сеславычемъ (Рыбник. т. I), а также Кня-
земъ Романомъ, старше же съ Саломаномъ (т. II): «выучился Василій
не во листы писать, а выучился *соколомъ летать*,» пріобрѣль спо-
собность изворачиваться, быть оборотнемъ, проходить въ приключ-
еніяхъ разные виды бытія, выучился высшей премудрости. Но въ-
аженъ особенно конецъ, гдѣ разсказывается именно то, къ чему пе-
решли мы въ разсмотрѣніи творчества Новгородскаго. Разсказывается,
когда Василій побилъ множество Новгородцевъ, мать осердилась
на него за пролитіе крови, снарядила ему корабль, набрала дружи-
ну, пустила въ море и махнула въ слѣдъ рукой. Начался обычный
походъ Вольницы: онъ лежалъ на море, куда ходилъ и Садко, и все
удальцы Новгородскіе, гдѣ часто, за излишнюю дерзостъ, слагали они
голову. Всего замѣчательнѣе, что Василій встрѣчаетъ *Морскую*
Пучину: въ Замѣткѣ къ 4-му выпуску (стр. IV) мы объяснили
уже, что самое имя Пучины значить и Море, Ионтъ, и Путь, обык-
новенный, главный путь древле-Славянскихъ и Русскихъ удальцевъ.
Морская Пучина «лежить,» у нея «кругомъ глаза:» это образъ,

столь извѣстный въ Греческомъ творчествѣ иодь именемъ Медусы-Горгоны, столь же страшной и именно морской, любимицы Посейдона, нашего Морского Царя; на сушѣ занималъ ту же роль многлазый, всевидящій Аргосъ. Какъ герой Греческаго творчества, герой наши, и именно тинь торговли, далекихъ торговыхъ предпріятій, также точно боролись съ сими чудовищами: Садко, препиравшійся съ Морскимъ Царемъ, нашель его въ глубинѣ моря въ томъ же видѣ, какъ Пучину,—онъ «лежить (у насъ № 3),» «голова у Царя какъ кучка спинная (Рыбник. т. I),» такая точно, какая изображалась у Медусы; Чурило, сынъ Плынка, Гостя Богатаго, Суроженина, и самъ такой же, выродокъ Чура-Гермеса (см. выше. 4), подобно сему послѣднему, «Убийцѣ Аргоса,» былъ губителемъ Ермы, типа стоглавой ревности, и такъ же на сушѣ, уже не на морѣ. То же затѣяль и Василій,—одолѣть Пучину, перескочить ее: перескакала дружина, Василій палъ жертвою своей дерзостной отваги, онъ погибъ отъ Пучины, не перескочилъ ее, не вернулся изъ мореходства. Любопытно еще, что въ Сказкѣ Морская Пучина, вопреки видимому смыслу, помѣщена «на зеленыхъ лугахъ,» именно чтобы дать Василью, съ позднейшей точки зрѣнія, возможность скакать черезъ нее ногами. Но этотъ выводъ на сушу, извѣстный и въ миоѣ о Медусѣ, выразившійся въ сухонутномъ Аргосѣ, дѣйствительно случился для Русскихъ Славянъ въ дальнѣйшее время, при выходѣ ихъ къ положительной исторіи, по мѣрѣ отдаленія отъ морей или развитія дѣятельности на землѣ, среди сложившейся Земщины: съ тѣмъ вмѣстѣ камень Алатырь, янтарь, нѣкогда привлекавшій и питавшій нашихъ отважныхъ мореходцевъ гостей, переведенъ былъ также на сушу, какъ не разъ уже доказали мы и какъ увидимъ сейчасъ, ибо Василій, въ сказкѣ погибшій отъ Морской Пучины, по Былинамъ гибнетъ отъ того, что скакалъ черезъ камень Алатырь.—Переходимъ къ Былинамъ, возникшимъ въ самомъ Новгородѣ, гдѣ всѣ обстоятельства изложены по тому самому подробнѣе и опредѣлѣнїе (Рыбник. т. I, II, и нашъ настоящій выпускъ). У Василья есть уже корабль, онъ плаваетъ на немъ по Ильменю, съ обычными приключеніями Вольницы, окруженнай своею дружиною, тридцатью друзьями, изъ которыхъ держитъ корму Костя Никитинъ (Новоторжанинъ), на носу стоитъ Маленькой Потаня, намъ уже извѣстные. Они пристаютъ къ Новгороду, для задуманной цѣли: Ва-

CXVII

силій просить у матери благословенія съѣздить съ дружиною въ Ерусалимъ, помолиться Богу, приложиться къ Святымъ, искупаться въ Ерданѣ, осушиться на Фаворѣ и проч. Для этого они между собою «складываются» особо «на лодочку.» Побужденіе главное, сходное съ показаніемъ приведенной сказки, узнаѣмъ далѣе изъ словъ Василя встрѣчнымъ гостямъ-корабельщикамъ: «А мое-то вѣдь гулянье неохотное (ѣду по неволѣ), — съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душа спасти.» Это не значитъ, что онъ былъ уже дѣйствительнымъ старикомъ, ибо въ той же Былинѣ называется «молодымъ» и такимъ же описывается, оставаясь для творчества героемъ юнымъ: но онъ помнилъ проказы своей молодости и заготовлялъ подъ старость спасеніе. Въ этихъ видахъ онъ дѣлается Старикомъ, Старцемъ, ибо путешествіе къ Святымъ мѣстамъ есть удѣль Калѣкъ Переходихъ, Странниковъ, безъ различія лѣть представляемыхъ типически Старцами. Итакъ Вольница съ своимъ предводителемъ принимаетъ на себя иной типъ — Странниковъ, Переходихъ, «по водѣ бродящихъ,» и отъ вѣрности этому типу зависитъ успѣхъ и спасительность ихъ предпріятія. Мать напоминаетъ это, давая благословеніе лишь въ томъ случаѣ, если пойдутъ они «на дѣла добрыя: то коли ты, дитя, на разбой пойдешь (по обычай Вольницы), и не дамъ благословенія великаго, а и не носи Василя сыра земля!» Поэтому же напоминаетъ она — «побереги ты буйну голову свою,» но, по мягкости материнскаго сердца, какъ замѣчаетъ былина, даетъ на случай и оружья, и боевыхъ снарядовъ; не забылъ Василій и своего вяза, съ которымъ является въ теченіи разсказа. Отправляются они по Ильменю, выѣзжаютъ отсюда на Волгу, ибо послѣ оказываются на морѣ Каспійскомъ. Первые встрѣчные, какихъ тогда вездѣ бывало встрѣтишь, — гости-корабельщики; они первые предостерегаютъ о разбойникахъ впереди, «атаманахъ козачихъ (встрѣчавшихся Ильѣ Муромцу, еще болѣе извѣстныхъ и дѣйствительныхъ на морѣ Каспійскомъ);» и въ первые же Василій высказываетъ буйную самонадѣянность Вольницы: «А не вѣрю я, Василька, ни въ сонъ, ни въ чохъ, а и вѣрю въ свой червленой вязъ, — а бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ!» Слѣдуетъ второе предостереженіе или знаменіе. При выѣздѣ въ Каспійское море, Василій замѣтилъ на берегу гору Сорочинскую (всѣ высокія горы — Сорочинскія), вышелъ на берегъ поглядѣть. Тамъ лежитъ «пуста голова, че-

CXVIII

ловѣчья кость,» такая же, какъ помянутая голова Медусы, на сушѣ съ своими пророчествами являющаяся у насъ Олегу, Добрынѣ, богатырю Ивану (см. Замѣтку къ 3-му вып. и II т. Рыбник.). Какъ Пучину, Василій началъ эту новую Медусу ногою попинывать: та въ отплату прорекла, что и его головѣ валяться будетъ тутъ же. Снова Василій отнесся дерзко: «Али, голова, въ тебѣ врагъ говоритъ, или нечистой духъ?» «Сама ты себѣ спала, себѣ сонъ видѣла!» Плюнулъ и пошелъ дальше въ гору, а тамъ лежитъ камень, камень Алатырь, смѣнившій (на сушѣ) Пучину: но его еще увидимъ мы ниже. Молодцы начали поперегъ его скакать, а вдоль не смѣютъ, по угрозѣ надписи; Василій же, прибавлено, опять-таки «тому не вѣруетъ.» Сошедши снова на корабль, путешественникъ *на морь Каспійскомъ, на островъ Куминскомъ*, нашелъ предсказанныхъ разбойниковъ: слава Василья Буслаева была такъ велика, что они тотчасъ его узнали по полеткѣ соколиной — поступкѣ молодецкой, угостили, дали провожатаго къ Ерусалиму. Прямо съ моря вѣхали они въ Ерданъ и бросили якорь: въ Ерусалимъ выполнили все, что слѣдовало Странникамъ,—молились, прикладывались, служили заупокойную обѣдию съ панихидою по покойномъ Буслатѣ, заздравную за мать Буслаева и его самого, обѣди съ молебнами за дружину, «что съ молоду бито много, граблено,» расплачивались съ попами и дьяконами, давали милостыню несчетную Богадѣльнымъ Старцамъ при церкви (въ странно-примѣрѣ), и прочее. При купанье въ Ерданѣ Василій опять подпортилъ: мать предостерегала его при поѣздѣ не купаться здѣсь «нагимъ тѣломъ,» а въ рубашечкѣ; при случайнѣ мы объяснимъ, почему, на основѣ древнѣйшихъ воззрѣній, иѣкоторымъ нашимъ героямъ, на примѣрѣ Добрынѣ (см. прежніе выпуски наши и Рыбник.), и въ иѣкоторыхъ рѣкахъ нельзя было этого дѣлать; съ христіанской же точки зренія известно, что безъ одѣжды крестился лишь въ Ерданѣ Іисусъ Христосъ, а богомольцы доселѣ купаются въ рубашкахъ (сохраняя ихъ, чтобы послѣ лечь съ ними въ гробъ). Василій опять-таки пошелъ на перекорь, куялся нагой, «нарушилъ родительско благословленыце, не послушалъ государыни матушки.» Этимъ вызвано новое предсказаніе, — приходила *Баба Зальсная*, т. е. Баба Горынинка, она же Алатырка (связанная съ Пучиною и Азатыремъ), намъ известная изъ Киевскаго творчества. Она догадалась, что опричь Василья Буслаева некому сдѣлать эту дерзость, купаться

CXIX

нагому, и за то предрекла дружинѣ: «Потерять его вамъ будетъ, большаго атамана Василя Буслаевича!» И тутъ дружины нашлась сгубить: «Нашь Василій тому не вѣруетъ, ни въ сонъ, ни въ чохъ!» Впослѣдствіи, когда творчество спустилось въ этихъ былинахъ ступенью ниже, мѣсто Бабы Залѣсной заняла простая «женщина престарѣлая» и Василій обошелся съ ней болѣе положительно: «Кабы ты была, сказалъ онъ, на сей сторонѣ, я бы тебѣ сдѣлалъ двухъ мальчиковъ, двухъ богатырей!» Плюнула женщина и прочь пошла, а между тѣмъ, видите, надъ головой Василя скопилось уже слишкомъ иного дурныхъ предзнаменованій (ср. предзнаменованія въ походѣ Игоря) и все-то вызвано было его дерзостью, и сопровождалось дерзостью его новою, а задача странниковъ все нарушалась да нарушалась, и за невыдержанку священнаго народа типа непремѣнно должна была послѣдовать казнь. Вспомните изъ исторіи Потыка и его товарищей, сухопутныхъ странниковъ къ Ерусалиму, какъ страшно заклинались они противу грѣховъ, какія страшныя казни выполняли надъ своими членами при малѣйшемъ даже подозрѣніи (вып. 3): тѣмъ грознѣе казнь свыше. Но, исполняя своимъ чередомъ вѣшніе обряды, въ кожѣ Странниковъ, внутри тою же Вольницей, пошли прибывши на послѣднюю святыню, на Фаворъ-гору, гдѣ стояла церковь, стояль образъ Преображенія. Голова-Кость богатырская перенеслась съ Каспійскаго моря, съ Сорочинской горы, и сюда, съ тѣмъ же пророчествомъ о гибели (Рыбник. т. I); и естественно, ибо какъ перешелъ, мы видѣли выше, пупъ морской въ пупъ земной, а этотъ послѣдній съ теченіемъ времени на Голгоу, такъ и эта древнѣйшая голова въ христіанскихъ преданіяхъ признана «головою Адамовою», лежавшею съ костями подъ крестомъ; на нее-то, по преданію, текла кровь съ креста, текла и на пупъ земной, сквозь разсѣлину камня Алатыря; она же владѣла и силою пророческой о суетѣ сей жизни. Но, еще важнѣе, за головою, съ невѣдомой горы Сорочинской, послѣ того какъ народъ сближался съ христіанствомъ и шелъ въ его глубь, перенесся въ Ерусалимъ и самъ камень *Бѣлый Алатырь*. Поэтому, тогда какъ въ одной былинѣ Василій гибнетъ на пути возвратномъ изъ Ерусалима, проѣхавши заставу козачью и взошедши на Сорочинскую гору, въ другихъ его постигаетъ эта участь уже въ самомъ Ерусалимѣ: то же движение Алатыря, какъ въ Голубиной Книгѣ, съ моря на сушу, на гору

(ср. «Латыгорку,» вып. 4), на путь-дорогу, въ Ерусалимъ. «Побѣда, говорить былина, на Фаворъ гору, ко тому ко каменю ко Латырю, и ко той ко церкви соборнія, которая стоитъ со двѣнадцатью престолами, у того у каменя у Латыря, на которомъ камени преобразился самъ Иисусъ Христосъ... Итакъ Васильюшка поѣздъ держаль ко той ко церкви ко соборнія, ко тому ко каменю ко Латырю» и т. п. Камень описывается огромный, въ нѣсколько сажень, самою величиною достойный своего великаго значенія. И, какъ мы знаемъ изъ Киевскаго творчества, когда перешелъ онъ уже на перекрестки богатырскихъ дорогъ и легъ здѣсь, какъ постоянно читались на немъ надписи, пророчившія богатырю судьбу его въ будущемъ, такъ и на Фаворѣ Алатырь имѣлъ разныя надписи того же рода. Прочтемъ ихъ: «Кто на эту гору захаживаль, тотъ оттуль живъ не выхаживаль; кто скочитъ черезъ этотъ бѣльгорючъ камень, тотъ буде живъ, а не скочитъ, не бывать живу.» Явно, онъ подзадоривалъ на опасную игру, какъ подзадоривалъ Садку на игру Царь Морской. «Кто перескочить трожды черезъ бѣль камень, тотъ достигнетъ церкви соборнія и тому образу Преображенскому; а кто не перескочить черезъ бѣль камень, тотъ не достигнетъ церкви соборнія и тому образу Преображенскому:» еще вызывательнѣе, особенно послѣ надѣйныхъ пророчествъ «пустой головы, не сулившей Василью доѣхать до церкви, твердившей о суетѣ жизни и смерти. Наконецъ: «А кто у камня станеть тѣшиться, а и тѣшиться-забавлятися, вдоль скакать по каменю,—сломить будетъ буйну голову.» Это ужъ былъ прямой вызовъ, послѣ коего не утерпѣлъ бы ни одинъ удалецъ: это какъ будто нарочно было разсчитано на Василья, будто знали его характеръ. Виновать былъ Василій прежней своей дерзостью въ богомольѣ; не молился народъ православный за личную судьбу его, противъ опасностей игры его; никто не тронулъ его въ плечо, чтобы удержать во время какъ Садку: Василій новой дерзостью купилъ себѣ гибель. Дружина его, какъ ни была смѣла, рѣшилась скакать только *поперегъ*: Василій пустился *вдоль* (въ долину камень былъ три аршина съ четвертью, поперегъ же только лишь топоромъ подать); дружина перескочила черезъ камень, перескочила и трижды: Василій въ третій разъ придумалъ скакнуть не передомъ, а *задомъ*. И задѣль онъ каблучкомъ, ножкой правою, и ударился о жестокъ камень плечами богатырскими, ударился го-

ловушкою. Сталь онъ умирать, сталь прощаться, наказывать братій: «Скажите-ка, братія, родной матушкѣ, что соеватался Василій на Фаворъ-горѣ и женился Василій на бѣломъ-горючемъ камешкѣ.» Не довелось ему и въ законъ вступить. Похоронили его, гдѣ валялась прорицательница голова человѣческая.—Поѣхала, прїѣхала дружина въ Новгородъ: не встрѣтила ее, какъ Садкову, жена съ ребенкомъ, не подошелъ нечаянно Василій, какъ спасшійся Садко. Ожидала одна горемычная старуха. Передали ей завѣщаніе сына, подали письмо. Прочитала она, заплакала: «Гой вы еси, удалы-добры молодцы! У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего; подите въ подвалы глубокіе, берите золотой казны не считаючи!» Въ послѣдній разъ явилась знакомая намъ Чернавка, повела въ подвалы: благородная дружина, подвизавшаяся не изъ за денегъ, а изъ за молодости и отваги, брала казны «по малу числу.» Замѣтьте эту противуположность, выставленную творчествомъ: первые люди города, благородные, сановные и гордые, оказались, когда пристрастили ихъ, послѣдними низпоклонниками, готовыми на подкупъ и всякое подлое дурно; молодежь почти что распутная, тати-разбойники, явились подъ конецъ образцемъ благородства и великолѣдія. Разсчитавшись, поклонились они вдовѣ: «Спасибо, матушка Амела Тимофеевна, что поила-кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцовъ (таковы были условія содѣжанія!)» Поднесла еще имъ Чернавка по чаркѣ, «и пошли добры молодцы, кому куда захотѣлося:» у Садки они бы остались въ прикащикахъ. Садко при жизни утѣшался вкладами на церкви: старуха, на концѣ дней своихъ, съ горемъ «собрала все свое имѣніе-богачество, и роздала она по Божиимъ церквамъ, по монастырямъ.» Такъ вѣрно выдержаны типы творчества въ былинахъ о Буслаевѣ до самого конца, такъ вѣрно во всемъ представляютъ они противуположность тишамъ былинъ о Садкѣ!

Теперь упомянемъ вкратцѣ о Сказкахъ, помѣщенныхъ нами въ Приложеніяхъ этого выпуска подъ №№ 2-мъ и 3-мъ. Мы ихъ не брали для изложенія дѣла и можемъ брать только для свѣдѣнія: въ основѣ ихъ лежать Былины, Сказки и Преданія народныя, но все это передѣлано, болѣе или менѣе. Чулковъ еще лучше. Онъ весьма близко выдерживаетъ основы народныхъ представлений и даже разсказа, допустивши только для украшенія — по его миѳнію — витіеватость лите-

ратурного языка своей эпохи. Но его поправки легко отде́лить опыту-
ному чутью. Главная бѣда его — отъ воззрѣній на Русскую исторію,
царствовавшихъ въ его время. У него является Новгородъ не дѣй-
ствительный, а «сія гордая и славная Республика,» существую-
щая непокорствоватъ предъ Князьями, «въ землѣ Старо-Словенской
и Княжествѣ Русскомъ.» Для той же цѣли покойникъ Богуслай
выставленъ *Киляземъ*, не такимъ, каковы Князья въ былинахъ, а
настоящимъ Рюриковичемъ; вдова его, мать Василья, *Княгиня*; самъ
Василій *Княжичъ*, *Витязь* и живетъ съ матерью въ «Старо-
Словенскомъ дворцѣ.» Въ разсказѣ вставлена *интрига*: Василій
въ тихомолку подумываетъ, какъ бы взять всѣхъ Новгородцевъ въ
ежовыя рукавицы и для того въ молодости запасаетъ себѣ надеж-
ную дружину, для своего будущаго княженія; «буйные» вожди Рес-
публики, именуемые всѣ «Посадниками (даже въ выраженіи—«весь
Посадники»),» пользуясь молодостью Княжича, дѣлаютъ заговоръ
лишить его «престола» подъ предлогомъ проказъ его; послѣ побѣнія
Посадниковъ, они подносятъ Василью Княжество, Княжичъ пріемлетъ,
править «съ мудростью и милостью,» получаетъ дани съ *Чуди*, и
т. д. Подобную щелуху впрочемъ, какъ говорили мы, легко сдунуть,
и въ основѣ остается все-таки замѣчательный народный разсказъ,
любопытный и некоторыми чертами, которыя сейчасъ приведемъ мы и
которыя то повторяютъ дословно показанія былинъ, то присоединяютъ
къ нимъ исполненія и разнорѣчія. Товарищи Василья — знакомые намъ
Фома Толстой сынъ Ременниковъ и *Новгородецъ Потапюшка*,
«маль собою — невеличекъ, на одну ногу прихрамываетъ.» Они въ
битвѣ не участвуютъ — то единоборство Василья съ Новгородомъ,—
а лишь готовы только на подмогу, на случай.—Первыми именитыми
гражданами, а на языкѣ Чулкова «первыми посадниками» выстав-
лены: 1) *Сотко Богатой Гость*, весьма естественно, ибо онъ
исторически былъ современникомъ Василья; 2) общій типъ древняго
творчества и вѣчеваго Старца, «Чуденъ Старъ-матъ человѣкъ,»
изъ котораго Чулковъ сдѣлалъ лицо *Чудина*, соблазнившись вѣро-
ятно еще названіемъ Новгородскаго «Чудинова конца,» названаго
въ дѣйствительности конечно по первоначально жившей здѣсь Чуди,
участвовавшей — по преданію — и въ призваніи Князей, подобно какъ
въ томъ же Новгородѣ была «сторона *Славянская*,» былъ «конецъ
Славянскій,» мѣсто жительства главной, господствующей части со-

CXXIII

шедшагося въ городъ народонаселенія.—Рѣчь Василья на пиру у Новгородцевъ, что «послѣ государя батюшки остался онъ сиротою малешенекъ, а государыня его матушка во вдовствѣ живеть» встрѣчается и въ былинахъ, именно въ устахъ Кости: мы даже склонны думать, что тамъ она попала къ Костѣ по сбивчивости, ибо совершенно соответственно,—и эта черта пополнительная,—что Василій говорилъ на пиру сначала весьма скромно и лишь послѣ дошелъ до дерзости.—Знаменитый *Старчище-Многолѣтице* (Пилигримище, Калѣка) очерченъ хорошо: только что онъ тридцать лѣтъ не выходилъ «изъ теремовъ своихъ,» это могъ бы Чулковъ оставить про себя,—ибо типъ Старика быть бродячимъ и Василій непремѣнно долженъ былъ встрѣтить его на мосту. Да же, что онъ снимаетъ колоколь съ вѣча, а не съ колокольни, какъ говорятъ былины, это даже естественнѣе былинъ. Оставимъ народу то и другое: по типу своему, Калѣки были и звонарями, и первыми лицами при набатахъ, такъ что Викторъ Гюго знаменитаго своего Квазимодо взялъ изъ дѣйствительныхъ, древнѣйшихъ народныхъ преданій. Наконецъ, Василій, по-рядкомъ поучивъ старика, отпускаетъ ему душу на покаяніе: это есть, какъ видѣли мы, и въ иѣкоторыхъ былинахъ.—Что особенно хорошо у Чулкова, ибо совершенно согласно и съ типомъ Василья, и съ народными преданіями, это то, что Василій умеръ *не оставилъ роду-племени*, а оставилъ только на память Новгороду, какъ древнѣйший Перуцъ, какъ второобразъ его, свой *стемлянинъ вѣзъ*.—Прочія подробности, улица *Рогатица*, *Чернавка* и т. п., совершенно вѣрны и согласны съ дѣломъ.

Нельзя того же сказать о г. Сахаровѣ, обѣ И. П. Сахаровѣ. Мы помѣщали его Былевыя Сказки, помѣщаемъ и будемъ помѣщать, ибо въ ихъ основу положены все-таки разсказы народные. Но—пора же сказать правду, Сахаровъ ихъ обдѣльвалъ, передѣльвалъ, додѣльвалъ и все, что угодно, и какъ ему было угодно, и не такъ наивно, какъ Чулковъ, а съ полной свободою фантазіи личной, съ притязаніями художника въ народномъ жанрѣ, съ образованностью регулятора, съ языкомъ не литературнымъ, а поддѣльнымъ народнымъ, исправленнымъ, вымытымъ, причееннымъ, разсыпая въ немъ дары своихъ знаній рукою полною, рѣпло тапи. Дивиться этому не слѣдуетъ: Чулковъ по себѣ оставилъ первый Русскій печатный

Пѣсенникъ, нынѣ сдѣлавшійся библіографической рѣдкостью, и въ рукописи, съ которой печаталь, не разбирая нѣкоторыхъ словъ, какъ самъ признается, подставлять ихъ. Новиковъ, знаменитый Н. И. Новиковъ, перепечатывая Пѣсенникъ Чулкова, не усумнился также кое что переиначить. Это были еще осторожнѣйшие издатели: имъ въ точности послѣдовали многочисленныя изданія нашихъ Пѣсенниковъ на спекуляцію, въ простотѣ своей не находившія поводъ къ исправленію. За тѣмъ И. И. Дмитріевъ, въ своемъ «Карманномъ пѣсенникѣ,» 1796 г., столь же и даже болѣе рѣдкомъ нынѣ, какъ Чулковскій и Новиковскій, многія пѣсни прямо уже передѣлалъ по своему, соблазнивши и тѣхъ, кто изъ него перепечатывалъ. Нечего уже прибавлять о Макаровъ, справедливо вызвавшемъ общее негодованіе, но несправедливо понесшемъ всѣ тяжкіе упреки на себѣ одномъ за поддѣлки. Первымъ безукоризненнымъ издателемъ народныхъ пѣсень можетъ быть названъ лишь К. Ф. Клайдовичъ. Со Стихами духовными и Сказками была у насъ также исторія. Такъ воспитался Сахаровъ и, хотя умѣль сердито критиковать, самъ увлекся путемъ ложнымъ. Вспомните, что даже почтеннѣйший В. И. Даль, современникъ дѣятельности Сахаровской, пошелъ было также по этому *ложному*, какъ нынѣ самъ признается, штуки: его такъ не дозволилъ однако ему передѣлывать, а лишь возсоздавать народное творчество, но и то было отчасти уклоненіемъ. Единственный великий художникъ, умѣвшій и записывать у народа, и, не передѣлывая, возсоздавать народное творчество, то есть переводить его въ иную область, область посредственного художества, образованного сферою высшею, — законная задача для будущихъ писателей-поэтовъ,—былъ Пушкинъ. Но доселѣ еще, ни равенство геніальныхъ силъ, ни художническая образованность, ни умѣніе не дали никому другому ни охоты, ни права наслѣдовать въ семъ дѣлѣ Пушкину. Что же сталоось бы съ тѣмъ, кто вздумалъ бы не возеоздавать,—на это не хватало силъ,—а передѣлывать народное творчество, подправлять и выдавать за цѣльное, извращать и увѣрять, что такъ творилъ самъ народъ, однимъ словомъ на частное лицо свое надѣвать маску, снятую со всего великаго народа? Сахаровъ поддался этой неблагодарной роли, доказалъ свою роль тысячью ошибокъ. При всемъ томъ, мы не рѣшились бы этого говорить о почтенномъ въ другихъ отношеніяхъ дѣятелѣ, сдѣ-

лавшемъ все-таки много для словесности народной, не рѣшились бы легкомысленно, если бы предварительно не взяли на себя труда провѣрить есть напечатанные имъ памятники устнаго народнаго творчества съ образцами неподдѣльными, до насъ уцѣлѣвшими. Выводъ нашего безпристрастнаго сличенія оказался крайне неблагопріятенъ для издателя «Сказаній Русскаго народа» и «Русскихъ народныхъ Сказокъ.» Довольно припомнить обдѣланный имъ Стихъ Егорья, помѣщенный у насъ во 2-мъ выпускѣ «Калѣкъ Переходихъ;» довольно привести пѣсню объ осадѣ Волока и Карамышевѣ, гдѣ Сахаровъ, по мнимымъ историческимъ требованиямъ, подставилъ вмѣсто Волока Псковъ, вмѣсто Карамышева — Шуйскаго Ивана Петровича; въ пѣсняхъ болѣе мелкихъ онъ вездѣ почти стеръ особенности мѣстныхъ нарѣчий, укорачиваль — удлинялъ стихъ по произволу, дѣлалъ тѣ же поправки и вставки. Дошло до необходимости создать уже какой нибудь авторитетъ подобныхъ поправокъ: это и была знаменитая рукопись Бѣльскаго, выведенная Сахаровымъ въ ссылкахъ, но не на показъ, ибо она гораздо болѣе сомнительна, чѣмъ Акимовская-Татищевская; и увидать ее въ томъ видѣ, какъ она цитовалась, конечно мы никогда не увидимъ. «Эта рукопись, говорить Сахаровъ въ Примѣчаніяхъ къ Сказкамъ, писана въ шоллиеть, скорописью, разными руками въ XVIII вѣкѣ. Впереди всего были, почти безъ раздѣленія, помѣщены Былины (здѣсь образцемъ послужила Сахарову рукопись Кирши), а послѣ ихъ Сказки. Бѣльскій, постоянный житель города Тулы, какъ самъ сказывалъ мнѣ, получилъ эту рукопись изъ дома Демидова (опять желаніе сродниться съ рукописью Кирши)... Изъ этой рукописи Бѣльскаго всѣ Былины буквально перепечатаны; Сказки же помѣщаю теперь.» Столъ точно описанную рукопись познали мы отъ плода ея: Былины, изъ нея напечатанныя, оказались совершенно тѣ же, что у Кирши, но, съ естественными, казавшимися необходимостью, исправленіями. Въ Былинѣ обѣ Ильѣ (у насъ вып. 1), «И начался (начаялся, показался, по мнѣнію) Добрынѣ какой сильной могучей богатырь,» рукопись Бѣльского объяснила — «показался;» въ другой — «А Спиря встаетъ, то постыриваетъ,» исправлено вѣрно «поспириваетъ;» въ Былинѣ о Добрынѣ (у насъ вып. 2) «Никитъ» вмѣсто «Никитичу,» — рукопись Бѣльского исправила «Никитичу». — Тамъ же — «не мнѣ вода грѣть,» древнее словосочиненіе, а рукопись Бѣльского нашла совре-

менине—«не мнѣ воду грѣть;» тамъ же, гдѣ нужно бы поправить—«сидѣть онъ, ничего, сѣсть, не видить,» ошибка рукописи Киршевской *свѣту* перенесена и въ Бѣльскую; неправильное «зашельщина» вмѣсто «засельщина» оставлено по недосмотру и у Бѣльскаго; въ Былинѣ обѣ Аleshѣ (у настѣ выш. 2) древняя форма «убихъ» замѣнена болѣе понятною нынѣ «убилъ;» вмѣсто «мочено» также точно явилось «можено;» вмѣсто сокращеннаго народнаго «подъ небесью» болѣе обычное «по поднебесью;» вмѣсто народнаго «замочило Тугарина—крылья бумажныя,»—«у Тугарина;» вмѣсто «Тугаретинъ мъ,»—«Тугаринъ мъ.» Въ Былинахъ о Чурилѣ (у настѣ выш. 4), «другую сорокъ,» возникшее вѣроятно изъ «другое,» «свѣтлицы-гридній» вмѣсто «свѣтлыя» догадливая рукопись Бѣльскаго исправляетъ «другой сорокъ,» «свѣтлыя.» Въ Былинѣ о Соловьевѣ Будимировичѣ (у настѣ тамъ же) ошибку пѣвца, попавшую въ сборникъ Кирши, «глухоморья» вмѣсто «лукоморья,» наслѣдовала себѣ рукопись Бѣльскаго; «свашила (сваха) княгиня Апраксѣвна» рукопись Бѣльскаго объяснила отъ глагола *свашибть*, и потому выразилась «свашила,» сватала. Въ Былинахъ обѣ Васильѣ Буслаевѣ (настоящій нашъ выпускъ), употребительную форму «хоробрый» Калайдовичъ читалъ вездѣ въ рукописи «хорабрый,» примѣняясь къ формѣ «храбрый:» рукопись Бѣльскаго сочла безопаснѣе остановиться на сей послѣдней; явная ошибка «тако» вмѣсто «только» наслѣдована и Бѣльскимъ; рукопись Кирши имѣла «начаестся (полагаетъ онъ, кажется ему, казалось):» рукописи Бѣльскаго должно бы наслѣдовать это правильное чтеніе, тѣмъ больше, что она, какъ выше замѣчено, уже замѣнила слово «начался (начаялся)» словомъ «показался;» но, совсѣмъ неожиданно, она усвоила себѣ неосторожное исправленіе Калайдовича—«качаестся;» исправила она также «старцу подъ колоколь» вмѣсто двусмысленнаго «старца.» У Кирши «увѣчье залѣзено,» добыто, и тотъ же глаголъ встрѣчается въ другихъ мѣстахъ Васильевыхъ Былинѣ («не спасенъ залѣсть,» Рыбник. т. II), такъ что Калайдовичъ остерегся исправить, указавши примѣръ подобнаго лѣтописнаго употребленія; но слово, употребительное въ одной мѣстности, незнакомо было въ другой, такъ что пныя Былины, объяснивши себѣ «залѣченъ,» выразили свое пониманіе новымъ описательнымъ стихомъ — «излѣчили дружинушку хоробрую (Рыбник. т. II):» рукопись Бѣльскаго,

какъ сльдовало ожидать, выразилась «зальчено;» но она, какъ и выше замѣчено, не признавая древняго словосочиненія, не допустила выраженія «подъ старость надо душа спасти» и исправила «душу.» Но довольно, перейдемъ къ Сказкамъ. «Всѣхъ Сказокъ, какъ говорить Сахаровъ о содержаніи рукописи Бѣльскаго, было: 1. Добрыня Никитичъ, 2. Василій Буслаевичъ, 3. Илья Муромецъ, 4. Акундінъ, 5. О семи Семіонахъ, семи родныхъ братьяхъ, 6. Змѣй горыничша, 7. Соловей сынъ гостяной Ивановичъ, 8. Иванъ гостиной сынъ, 9. Алеша поповичъ, 10. Емеля дурачокъ, 11. Шемякинъ судъ, 12. О семи мудрецахъ и о юношѣ, 13. О чудныхъ и зѣло умильныхъ гусляхъ самогудахъ, 14. О Жаръ-птицѣ и Иванѣ царевичѣ.» Прежде всего настъ останавливается здѣсь скромность рукописи Бѣльскаго: она сохранила въ себѣ лишь тѣ имена, лица и предметы, которыя извѣстны изъ другихъ народныхъ преданій и памятниковъ: новаго только Акундінъ, котораго разсмотримъ ниже, да сказаніе о гусляхъ, которое однако въ печати у Сахарова къ сожалѣнію не явилось. Во вторыхъ, удивительна здѣсь вѣрность былинамъ Кирши: такъ въ нихъ обѣ Иванѣ Гостиномъ лишь отрывокъ (мы прежде доказали, что съ этимъ героемъ связана цѣлая область самостоятельнаго творчества), — и Сказка Бѣльскаго, по замѣчанію Сахарова, «не имѣла окончанія,» не откуда ей было достать. Но, если скромна была рукопись Бѣльскаго, то не совсѣмъ скроменъ ея издаватель, ибо онъ прибавилъ: «Всѣ эти Сказки, удержаніемъ вполнилъ нашъ чистый народный языкъ (такъ думалъ издаватель), были приняты мною за основаніе текста (выраженіе опасливое, на случай, если бы доказали подправки: только «приняты за основаніе»). Но крайней мѣрѣ доселъ не видалъ ничего лучшаго ни самъ я, ни кто либо другой.» Богъ знаетъ, куда бы повело, еслибы намъ пришлось это повѣрять на дѣлѣ: но по счастію издаватель большей части всѣхъ сихъ Сказокъ не издалъ и успѣхъ напечатать лишь тѣ, кои вытекали прямо изъ имѣющихся народныхъ Былинъ и Сказокъ, — о Добрынѣ, Василѣ, Ильѣ, Акундінѣ и Семи Семіонахъ. Всѣ онѣ — относить ли это къ ихъ достоинству или къ естественному происхожденію? — всѣ, за исключеніемъ опять Акундина, о коемъ ниже, суть перифразъ народныхъ Былинъ и Сказокъ. Нельзя потому сказать, чтобы онѣ много прилагали, — для свѣдѣнія мы даже печа-

CXXVIII

таемъ ихъ при настоящихъ выпускахъ, — онѣ довольно осторожны: но осторожность ихъ даже бросается въ глаза, именно заботливость удалить все то, что въ другихъ памятникахъ сего рода есть двусмысленного, или искаженного, или требующаго поясненія. Есть и наивныя прибавки: такъ про смерть Ильи наше народное творчество съ намѣреніемъ умалчиваетъ, давая лишь разумѣть, что онъ ушелъ изъ Киева, спустился въ пещеры, окаменѣлъ и т. п.; но Сказка Бѣльского обстоятельна: «а живши онъ, Илья, во Киевѣ состарѣлся, состарѣлся и переставился.» Добрыня по лѣтописямъ воевалъ съ Болгарами, о чёмъ впрочемъ молчать устное творчество, зная Добрыню совсѣмъ иного, какъ своеобразный типъ свой: образованная рукопись Бѣльского влагаетъ Тугарину, врагу Добрыни, тонкій намекъ, — «прогнѣвиль князь Киевскій царя Болгарскаго...., и велѣль тотъ царь Болгарскій (Тугарину) привезти ему главу Владимирау,» при чёмъ Тугаринъ даже немножко обмолвился, заявивши, что царь Болгарскій «живеть не далечь лукоморья синаго,» тогда какъ это лукоморье несовсѣмъ умѣстно въ мѣстѣ жительства тогдашнихъ Болгаръ и тогда какъ народъ обыкновенно говорить «лукоморья зеленаго.» По тѣмъ же причинамъ устное народное творчество Киева не знаетъ Добрыню въ Новгородѣ, а только въ Киевѣ: но рукопись Бѣльского свѣдуще въ лѣтописяхъ и заставляетъ героя увѣрять, — «а прїехаль я къ тебѣ, осударь, изъ Великаго Новгорода.» Къ чести ея нужно также прибавить, что, имѣя подъ рукою памятники народные, она женить Добрыню на *Настасіѣ Микулишинѣ*, обстоятельство, подтвержденное Былинами: но не къ чести, что отецъ ея, типъ *крестълнина*, *Микула Селяниновичъ*, вышелъ тутъ «торгозымъ гостемъ,» «воеводою Киевскимъ» и *Микитичемъ*. Домовитая и религіозная рукопись Бѣльского всѣхъ этихъ богатырей, вопреки установившемуся типу Киевскаго творчества, непремѣнно, женивши, поселяеть въ Киевѣ и здѣсь хоронить: такъ и Добрыня «принявши законъ, жиль припѣвающи, а живши состарѣлся, состарѣлся и переставился.» Есть и еще кое-какія любопытныя вещи, — онѣ большею частію означены въ Указателѣ, напечатанномъ нами при 4-мъ выпускѣ, замѣткою «сомнителъно:» но достаточно. Въ языкѣ также нельзя сказать, чтобы употреблялись слова и обороты, совершенно чуждые народу: но у него они на мѣстѣ, въ мѣрѣ требованія и творчества, а здѣсь

CXXIX

на каждой строчкѣ; это—удлиненные формы—«добрыхъ,» «сладкихъ (вм. «добрыхъ,» «сладкихъ»);» безпрестанное «а и,» «а и то-то,» «а и было,» «ужь и я ли,» «ужь и ты ли,» и т. и.; не просто «слово,» а непремѣнно «словечушко,» или «слово ласковое, великое;» рѣчи «вѣстныя,» рати «сильныя,» руки «крѣпкія,» терема «златоверхіе,» «надежа осударь;» «и на томъ рѣчь свою ставили:» «думать крѣпку думушку,» «служить вѣрою и правдою;» пре-клоняютъ «чело до иолу,» кланяются «большимъ члобитыцемъ, отъ востока до запада,» кланявшиесь «становятся во единъ рядъ» или «на особицу,» просять «созволь выслушать,» и прочее, и прочее. Отражающаяся всюду въ Былевомъ творчествѣ, отчасти грубая и суровая, но несомнѣнно простая и честная, развязная и удалая, стойкая и сильная наша древняя Землица является здѣсь дворянской челядью XVII вѣка или придворною толпою, съ большими козырями, Китайскими церемоніями; не скажетъ просто слово, все съ ужимками и штуками; поклонъ ея оказывается какимъ-то реверансомъ, слово синичемъ. Впечатлѣніе рѣшительно паточное, послѣдствія для читающаго тошнотныя. — Переидемъ къ Сказкѣ о Васильѣ Буслаевѣ. Она вся сложена у Сахарова изъ Киршевскихъ Былинъ и Чулковской Сказки, съ пособіемъ можетъ статья еще кое-какихъ народныхъ данныхъ, пами не отрицаемыхъ, но съ тѣми же передѣлками. Вмѣсто народнаго «пльтье церковное» выставлено безопаснѣйшее «пльье;» «въ наукѣ» замѣнено словомъ «въ науку.» — Отринувши показаніе Былины, что Василью грамота, письмо и пльтье въ науку пошли, Сахаровъ не дошелъ до тѣхъ сказочныхъ данныхъ, что Василій вмѣсто того «выучился соколомъ летать,» а увѣряетъ, что «грамата и пльтие Васькѣ въ науку не пошло.» — Показаніе Былины, отразившее чѣтность ея происхожденія, — «а и нѣть у насъ такова пльвица во славномъ Новѣ-городѣ сопротивъ Василья Буслаева,» Сахаровъ ечель надежнѣе замѣнить словами — «а и не было такого молодца супротивъ Васьки Буслаева.» — Слова Чулковской Сказки «отиускасть она посадниковъ съ почестю» изложены красивѣе: «и чинить почесть честна вдова Амелоя Тимофеевна мужикамъ Новогородскімъ.» — У Чулкова подобнымъ образомъ отвѣтъ Василья матери: «не боюсь я посадниковъ, не страшны мнѣ мужики Новогородскіе, а боюсь твоихъ рѣчей родительскихъ, мнѣ страшно твое слово доброе;» у Сахарова: «не боюсь страху посадниковъ, не

страшны мнѣ мужики Новогородскіе, а боюсь твоей великой заповѣди, страшно мнѣ твое слово великое.»—Василій по Былинамъ разослалъ ярлыки съ приглашеніемъ Вольницы, ихъ и читали проходившіе у Сахарова «бюроочи кличутъ кличъ.» и тогда уже излишнѣ удержаній имъ изъ Былинъ образъ случайного прочтенія,—«шли люди грамотные, читали ярлыки скоропечаты.»—Удержано изъ Чулкова неловкое прозвище свинца «Сорочинскимъ,» тогда какъ у народа свинецъ «Чебурацкій.»—Потанюшка у Сахарова «идетъ-плыветь по улицѣ,» — красиво, но забыто, что хромому было трудновато плыть утюшкой и лебедушкой, какъ хаживали женщины.—Въ имени Дѣтей Боярскихъ намѣренно вставлено любопытное разнорѣчіе «Матвей» вмѣсто «Монсей.» — Сохранины изъ Былины «Мужики Залѣшане,» но, что Василій испугался ихъ и не смѣялся показаться, думалось Сахарову несомнѣннымъ съ храбростью героя и онъ приправилъ растянутую картину, что Василій ихъ не встрѣтилъ, потомъ спохватился, бросился угощать.—Собирались, говорить Сахаровъ, къ Василью на ширь «со всѣхъ концовъ, опричъ Погацкой:» это казалось необходимымъ, ибо на сторонѣ Погадской враги; но къ сожалѣнію, по Былинамъ, ихъ-то больше всего и было у Василья, только онъ ихъ не потчиваѣлъ, а прогиалъ.—Сборъ Новгородцевъ «въ терема тайницкіе» нравился Сахарову и всѣ рѣчи ихъ взяты изъ Чулкова: но сочинитель побоялся выставить Чудина и Садку, замѣнивши первого «чюднымъ старцемъ» и удаливши изъ рѣчей все, что касалось правъ Василья «на княжескій престолъ.» этого наивнаго мотива, допущеннаго Чулковымъ.—Старики задумали споить молодаго Василья, и у Чулкова «покупаютъ вина заморскія, что и пьяныя,» то есть что и самыя пьяныя, самыя какія только были пьяныя, самыя похмѣльныя: не понявши этого, Сахаровъ говоритъ, что «приходили гости торговыя (казалось неприлично, что старики посадники сами ходили къ нимъ) съ винами заморскими, и съ пьяными, и съ похмѣльными.» т. е. совершенно вопреки смыслу.—Въ Былинѣ у Кирши, Новгородцы не думаютъ звать къ себѣ Василья и, случайно узнавъ о случайній ихъ братчинѣ Никольщинѣ, онъ идетъ туда безъ всякого особаго умысла: у Сахарова изложенъ форменный зовъ на ширь Василью отъ мужиковъ, а между тѣмъ выраженіе Былины, выставлявшее случайноть, удержано: «просыпалъ Василья про канунъ варенъ — пива ячнаго у мужиковъ посацкіхъ, по-

СXXXI

шель въ терема тайницкіе;» да какъ же онъ *прослышиалъ*, когда его нарочно приходили звать и онъ дать согласіе притти?—У Буслай старика нигдѣ нѣть отчества: какъ допустить этотъ проѣблъ? Рукоиць Бѣльского должна же отличиться любопытнымъ пополненіемъ, и вотъ очутился «Буслай Довмонтьевичъ.»—Но самого себя превзошелъ Сахаровъ въ описаніи иира: онъ собралъ сюда даже богатырей изъ Кіева и вложилъ имъ въ уста чудовищные спичи. Первый взять изъ Чулкова Садко: онъ, владѣвшій кораблемъ *Соколомъ*, здѣсь является удалымъ всадникомъ и хвалится «конемъ Соколомъ,»—вѣдь куницы хвалятся же нынче хорошими лошадьми! Затѣмъ Чурило краснорѣчиво описываетъ свою жену, не бывши женатымъ, да еще какую жену! *Нааетасью Апраксѣевну*, то есть жену чужую, жену Дуная Ивановича! Ставръ, изъ своего XII вѣка занесенный Былинами Кіевскими къ Владиміру—вмѣсто Мономаха—Святославичу, маніемъ Сахарова возвращенье въ Новгородъ и отданъ на время въ сыники къ Владимірову боярину Шутятѣ, въ *Шутятини*; у него и слуга *Акундинъ*, имя, которое Сахаровъ старался ввести въ творчество, упоминая и въ воеводахъ Кіевскихъ при Владимірѣ, готовя сказку, которую ниже увидимъ. Еще забавнѣе: стыдливый и даже робкій, вырученный изъ бѣды женою, Ставръ является страшнымъ богатыремъ, наѣзжаетъ на Чудь поганую, кричить, свистить, гонить враговъ, машетъ копьемъ, хватаетъ мечемъ. Мѣстный герой, Костя, бездомный сирота, который въ Былине прямо скорбить, что ему «нечѣмъ похвастати,» и у которого одинъ выходъ—драться съ Новгородомъ, какъ голой Вольницѣ, у Сахарова разбогатѣлъ на диво: «а и нѣть нигдѣ такого богачества суротивъ моего,—три корабля плывутъ за синими морями съ крупнымъ жемчугомъ, три корабля плывутъ по морю Хвалынскому со камнями самоцвѣтными, а златомъ и серебромъ потягаються со всемъ Новымъ-городомъ.» Бѣдняга, по не-привычкѣ къ богатству и неопытности въ коммерціи, забылся до того, что, по словамъ его, у него даже «*три корабля плывоутъ по лукоморью съ соболями:*» а лукоморье — лука по морю, излучистый берегъ моря. Но онъ по крайности даль намъ объясненіе, почему лукоморье, въ народномъ творчествѣ обычно «зеленое.» покрытое мхомъ и травою, у Сахарова, по недоразумѣнію, которое мы упоминали, явилось *синимъ* (въ Сказкѣ, выше помянутой). Богатый негошантъ-издатель, отпустившій Костѣ въ

СXXXI!

кредитъ à fonds perdus лукоморье, считалъ его «заливомъ!» — Договоръ, особенно письменный и съ закладомъ, бываетъ не менѣе какъ при двухъ сторонахъ: а у Сахарова Василій уже ушель съ цира и тогда лишь, собравшись «въ терема тайницкіе (какъ это по-правилось, на каждомъ шагу!), мужики догадались сдѣлать закладъ съ неизвѣстнымъ лицомъ, иксомъ,—«битися-дратися всею дружиною съ Ваською, а въ великъ закладъ за Новгородъ держимъ дани и вы-годы (вмѣсто «выходы») по три тысячи на всякий годъ. И на томъ мужики посацкіе руки подписали.»—Старуха мать Василья, указавшая Новгородцамъ на Пилигримища, сама нотомъ вышедшая унимать сына, во всякомъ случаѣ передъ городскими старшинами по своему вѣжливая, поднята Сахаровымъ (по неумѣстной выпискѣ изъ Чулкова) въ трагическое негодованіе: «отсыпала ихъ матери вдова, честна жена Амела Тимофеевна съ нечестіемъ.» Но, что дозволительно было Василью, могло быть страшновато старухѣ: а еслибы ее побили за нечестіе?—Старчище Многолѣтище, согласно Былинамъ, отведенъ Сахаровымъ «въ почестной монастырь:» но, согласно съ Чулковымъ, про-повѣдуетъ, что «сижу я во теремѣ неисходно ровно тридцать лѣтъ.» Такъ въ монастыряхъ бывали не кельи, а семейные терема?—Чтобы не дать издателю случая какъ ни будь ошибиться, Старикъ надѣваетъ колоколъ просто, не съ колокольни—по Былинамъ, не съ вѣча—по Чулкову, а вѣроятно изъ кармана. Судьба его самого еще удивительнѣе: согласно съ Былинами, у Сахарова «заглянуль онъ Васька старцу (исправлено вмѣсто пѣсенного «старца») подъ колоколь, —а во лбѣ глазъ ужъ вѣку нѣту,» — поминай старика, какъ звали; но, согласно съ Чулковымъ, онъ тутъ же и оживаетъ,—«поднимаетъ Васька старчища со сырой земли, обнимаетъ его во бѣлыхъ рукахъ и отпускаетъ на цокой съ честію.» Любопытно еще, какъ Сахаровъ осмыслилъ пѣсенное—«начается, старецъ не шевѣлится:» «качается старецъ, шевелится, ко сырой землѣ клонится.»—Мы видѣли у Чулкова, что дружинники Василья, Тома съ Потанишкой, въ битвѣ не участвовали, держались отъ нея вдали про запасъ, на случай, если ослабнетъ Василій; потому, когда вхѣ будила Чернавка, они не захотѣли даже встать и спокойно завернули голову въ подушки: все это, почти до слова, лишь съ прикрасами, переписано Сахаровымъ. Но у Сахарова была еще Былина Кирши, гдѣ дружина выносить на себѣ всю тяжесть первого боя, гдѣ она

CXXXIII

избита и Василій, пробудившись, является выручать ее: безири-
страстный сочинитель рукописи Бѣльского не погнушался и этимъ,
онъ выписалъ и отсюда,—«пошель Васька по Волхвъ-рѣкѣ, по той
улицѣ Волховой; завидѣли его удалы молодцы, Фомка со Потаниш-
кой, — у ясныхъ соколовъ крылья отрасли, у нихъ молодцовъ ду-
мушки прибыло, молодой Васька сталъ выручать ихъ.» Завидѣли—
со своихъ перинъ, Василій выручаетъ ихъ—изъ просонья! Невольно
вспоминается: «согала неправда себѣ,» себѣ, а не кому другому.—
Сбившись здѣсь однажды, Сахаровъ заставляетъ и далѣе унимать
уже не одного Василья, а *дружину*, и *дружина* запиваетъ свои
раны, —то есть, какъ пошаль на Былину, такъ отъ нея и не отор-
вался сознаніемъ.—Наконецъ, у Чулкова, гдѣ весь вопросъ изъ за
Княжества и владѣнія Новгородомъ, разумѣется побѣжденные граж-
дане передаютъ всѣ княжескія права побѣдителю и раздаются воз-
гласы: «Здравствуй, батюшко нашъ, Славенской князь, Василей Богу-
слаевичъ!» Эту невинную коронацію легко простить наивному Чул-
кову. Но Сахаровъ вопросъ о Княжествѣ весь вычеркнулъ: какъ же
онъ допустилъ рукопись Бѣльского выписать послѣдствія битвы изъ
Чулкова? Читаемъ: «втапоры мужики посацкіе вспознали бѣду неми-
нучую, идутъ въ терема тайницкіе (безъ этихъ теремовъ ничего у
нихъ не дѣлается), пишутъ крѣпки записи — быть Новугороду за
Ваською Буслаевымъ!—» Горожане Великаго Новгорода могли усту-
пить побѣдителю въ единоборствѣ часть городскихъ повинностей;
могли принести ему и дѣйствительно принесли записи — закладныя,
теперь вышганныя: но, поступиться Новымъ-городомъ, а за нимъ
всей Новгородской областью, поступиться счастливцу изъ Вольницы,
когда не поступались ни одному Рюиковичу,—Сахаровъ въ увлече-
ніи своего творчества, снисавшаго съ одного боку Былину, съ дру-
гаго Сказку Чулкова, не остерегся выставить Новгородцевъ глупыми
ребятами.

Рукопись Бѣльского еще не вся: слѣдуетъ Сказка объ *Акулди-
нь* и Князѣ Глѣбѣ Ольговичѣ. Долго было бы намъ по прежнему
разбирать языкъ: онъ такой же прынай и уснащенный. Только лишь
зачинается Сказка, — «соизвольте выслушать, люди добрые, слово
вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою словеса немудрья,» — тотчасъ
чувствуете съ Гоголемъ, какъ пошла писать распыщенная губернія.

Все вступлениe Сказки прошитано этими сладостями и жалостями: рассказывается, какъ жили въ старину «не по нашему, по заморскому, а по своему православному,» но народъ не описаль бы такого православнаго житья: вставали, видите, утромъ рано и «склонялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада,» — что за безобразie! Потомъ «созывали слугъ вѣрныхъ на добры дѣла,» — только слуги ихъ и дѣлали; «старики судъ рядили,» «старыя старушки судили-рядили,» — мужеско-женскія народоправства; «молодыя молодицы пра-вили домкомъ,» тогда какъ въ народѣ онѣ, именно молодыя молодицы, никогда до этого не допускаются; ваконецъ — «красныя дѣвицы завивали вѣнки на Семикъ день,» «старыя старушки сказывали,» — это то же православie. Но за рѣчью издателя не угояешься: мы остановимся на содержаніи. Опять же отрицаешьъ, что въ основѣ нашлись кое-какія преданія, подслушанныя или прочитанныя гдѣ-либо Сахаровыми, въ теченіе лѣтъ, когда онъ всюду интересовался народной словесностью: такъ, на примѣръ, существенные черты въ образѣ выведенныхъ имъ Каликъ или Калѣкъ весьма замѣчательны и вѣрны, какъ убѣдились мы, долго занимавшись тѣмъ же предметомъ. Но, что изъ этого слѣдлена перехитренная мозаика и сшить тучный романъ, также не подлежитъ сомнѣнію. Имя Акундина, какъ замѣчали мы, старался нѣсколько разъ уже привести Сахаровъ, подготавляя естественность сказки: и въ Кіевѣ, и при Новгородѣ Ставрѣ. Еще любопытнѣе ближайшій поводъ къ сочиненію сказки. О. Н. Глинка жила въ Олонецкой губерніи, въ этой странѣ былини и поэтическихъ преданій, недавно поразившихъ насть своей творческой красотой и величавостью въ Сборникѣ П. Н. Рыбникова. То, что могъ собрать путешественникъ, — весьма вирочемъ скучное, — онъ группировалъ около события — заточенія Марыи Ивановны Романовой на Выгозерѣ, въ Обонежской пятинѣ, принадлежавшей Новгороду. Преданія Олонецкія, истекавшія изъ массъ, заселившихъ сю мѣстность, перекрецывались въ древности — и доселе — съ Новгородскими, ибо, какъ здѣсь были владѣнія древняго Новгорода, такъ изъ него же на глазахъ исторіи шли сюда многочисленные поселенцы, со всѣмъ запасомъ Новгородского творчества. Рассказъ, сгруппировавшійся около Марыи, или, лучше, отрывочная описанія въ стихахъ, издалъ сочинитель въ 1830 г. подъ именемъ столь известной своей «Кареліи,» въ четырехъ частяхъ. При озерахъ

Олегъ, въ Мурскомъ уроціщѣ, есть извѣстная обитель, основанная Лазаремъ Мурскимъ. Это былъ выходецъ изъ Рима, Странникъ, жившій послѣ въ Новгородѣ, основавшій монастырь въ уроціщѣ, которое и подарено было монастырю въ 1182 году отъ Новгорода, именно однимъ доброхотнымъ дателемъ, жителемъ Славянскаго Конца. Простодушное житіе, описанное Лазаремъ, о странствованіяхъ, иодвигахъ, чудесахъ, получено было Ф. И. Глинкою и дало, какъ видно, ему мысль воспользоваться разсказами, тѣмъ болѣе, что въ мѣстныхъ преданіяхъ имя и вліяніе Лазаря играли значительную роль. Къ Марѣ Ивановнѣ введено съ разсказами таинственное лицо какого-то Отшельника, описывающаго свои странствованія, любовь, разлуку, приходъ издалека на Сѣверъ, водвореніе въ пустыни Олонецкой. Онъ родомъ былъ изъ Греціи, любилъ войну, битвы и походы, избѣгая двойной чужеродной и, когда она гибнущимъ отцомъ была убита, попалъ самъ въ темницу, освободился, «тошиль свою печаль» въ далекихъ странствованіяхъ, явился въ Италии, «онъ гробъ Марона посетилъ и прочиталъ на немъ Гомера,» и все это, и объ Италии, «странѣ гробовъ неумирающихъ героеvъ,» разсказывалъ Марѣ Ивановнѣ. Досужая, послушно она внимала. Да же, «онъ всю Германію прошелъ, искалъ чего-то,» онъ «весну проводилъ надъ Рейномъ,» видѣть видѣніе Богоматери, такое же какъ Лазарь Мурский, и призванъ былъ видѣніемъ на Сѣверъ. «Такъ онъ, къ безвѣтному влекомый, все шелъ на Сѣверъ,» и пришелъ, засталъ въ Карелии пожаръ, воспоминавшій «пѣнь Омира въ его стихахъ — лѣсной пожаръ;» пугался дикости сначала, но примирился съ языкомъ, «но сладокъ у лѣсной Карелы ея безписьменный языкъ; казалось, я (слова разсказщика) переселился въ края Авзоніи опять и мнѣ хотѣлось повторять ихъ рѣчъ, въ ней слухъ мой веселился игрою звонкой буквы *Л* (ель);» потомъ, для риомы, встрѣтиль *ель*, явленье частое въ томъ краѣ и, Промыслъ своей благословляя, нашелъ пристанище въ глаши, усѣяя, въ мирѣ и тиши вѣкъ проводилъ и кончилъ передъ Марою повѣсть разсказомъ, какъ страдала совѣсть мечтою грѣшиной о быломъ, влетавшею какъ будто итица, «какъ мысль, какъ пылкая зарница,» а тамъ, какъ онъ владѣлъ собой и «какъ держалъ Духовный бой, и что въ пустынѣ съ нимъ сбывалось.» Сіи поэтическія картины, при всемъ ихъ достопримѣтѣ и живости, не скрываютъ отъ насъ, что образъ Отшельника есть

второобразъ, снятый съ Лазаря Мурмскаго. Благоговѣйный поэтъ не рѣшился никакъ высказать этого прямо: но, что это близко къ дѣлу, мы заключаемъ изъ примѣчаній о Лазарѣ, присоединенныхъ къ стихотворенію, изъ таинственности Отшельника и изъ того, что говорится: «Душей съ земнымъ разставши прахомъ, онъ небомъ званъ; онъ жилъ въ лѣсахъ близъ Толвуи и на скалахъ у Кивача, не знаясь съ страхомъ; у поселеній онъ слыть монахомъ; то будь онъ и у насъ монахъ! Кто же онъ, какой онъ уроженецъ? Наставникъ мирныхъ поселеній — за чѣмъ? И изъ какихъ онъ странъ въ сей край недавній преселенецъ?» При семъ замѣчаніе прозою: «разсказъ объ отшельнику, о его переселеніи съ Востока на Сѣверъ, не есть просто вымыселъ (вотъ указаніе прямое); но — прибавляетъ скромный сочинитель — здѣсь не мѣсто о семъ распространяться.» Такимъ образомъ, думаемъ мы не безъ основанія, Мареа Ивановна въ разсказѣ таинственного Отшельника выслушала мѣстную повѣсть о Лазарѣ Мурмскомъ. — Теперь сторона другая: къ Царственной Изгнаницѣ входитъ послѣ Отшельника дѣвшка-крестьянка Маша, и полились разсказы уже о преданіяхъ чистонародныхъ, творческихъ. Тотъ же подвижникъ, котораго видѣли мы въ Лазарѣ — со стороны болѣе нравственной, теперь, по народному представлению, является Богатыремъ подъ именемъ Заонѣги, — имя вымышленное, просто — поселенецъ Заонежья, уничтожившій въ семь краю страшилицъ, злыхъ духовъ, Зимя Тугарина. Почерпнуты ли эти разсказы поэтомъ изъ рукописнаго Житія, или изъ устъ Олончашъ, — все равно, они близко сходятся и одинаково принадлежать воззрѣнію народнаго творчества. «Теперь разсказывается Маша все больше про свою страну и говорила дѣва наша про то, что было въ старину: про озеро свое Онѣгу и про Карельца Заонѣгу. А кто же былъ онъ? Богатырь, и славный. Онъ съ дубиной, смѣлый, берегъ Карельскіе предѣлы и славилъ свой лѣсной пустырь.... За чѣмъ тутъ ели вдругъ не стало? Ее унесъ нашъ богатырь. На Мурму шелъ онъ въ монастырь (замѣтьте его тожество съ Лазаремъ): вдругъ стадо на него напало, какъ войско цѣлое, волковъ, конечно посланныхъ духами; но въ мигъ управлявшися съ волками, добрался онъ и до духовъ. И видимыхъ своей дубиной громилъ и билъ онъ какъ пестомъ, а невидимокъ гналъ крестомъ, считалъ ихъ козни патиной: и силой честнаго креста онъ ихъ — воздушныхъ скоморо-

ховъ, ихъ не спасла и высота... Мы помнимъ Змѣя Тугорина (Тугарина; действительно, у Олончанъ есть свой Тугаринъ, Шаркъ—великанъ, получившій имя отъ исторического Шарукана): онъ триста саженъ былъ длиной и горы подымалъ спиной; но Заонѣгина дубина ему далась порядкомъ знатъ. Мы помнимъ, изо всей Карелы сошлась какъ туча нашихъ рать: метали камни, копья, стрѣлы, а Змѣй бойцевъ и не слыхалъ и, лежа на скалахъ Онѣги, имъ въ уши бурею свисталь и полъ. Онѣги разплескалъ хвостомъ. Но все отъ Заонѣги онъ не ушелъ. Избитый, чуть черти густою кровью путь, чуть, сонный, въ Укшу дотащился и тамъ у Коссалмы свалился. (Да) онъ лежить тамъ и теперь: и съ той поры, огромнымъ тѣломъ загородилъ на Кончу дверь и легъ какъ толстая плотина, его покрыла пыль и тина, на немъ скопилась земля и выросъ лѣсъ.» Это описание действительно прекрасно и конечно не могло возникнуть безъ основы народныхъ разсказовъ, очеркнутыхъ, говоримъ, изъ устъ ли, или изъ рукописнаго Житія. Далѣе слѣдуетъ встрѣча Заонѣги съ Водяникомъ, потомъ съ воздушными духами:... «Заонѣга, послѣ обѣдненнаго сна (въ кельѣ?), пдѣть нутемъ къ лѣсному Уру сбирать душистую мамуру,—она въ то время новизна. Все тихо, тихо и сонливо, порой лишь, подъ овеянной нивой, взреветь медвѣдь. Но вотъ жужжитъ и вѣется—что такое? Мухи? Но Заонѣга говорить:—Я знаю васъ, воздушны думы!—» Духи начинаютъ искушать Заонѣгу, какъ всегда искушаютъ отшельниковъ: «—Ну полно жъ врать, я не люблю, вы знаете, я васъ не трушу!—Такъ Заонѣга. Но кипитъ воздушниковъ лихая сила, хоочетъ, дразнитъ и шумитъ, ужъ Заонѣгу разсердила... Но—Лазарь въ Мурмѣ зазвонилъ (угодникъ съ братіей тамъ жилъ),—и духи тотчасъ присмирѣли, и Заонѣга стала смиренъ: прогналъ враговъ вечерній звонъ, то въ Мурмѣ павечерье пѣли.» Такимъ образомъ Лазарь же прогналъ искушения духовъ. Ясно, что Мароа Ивановна въ разсказѣ Маши слышала ту же повѣсть о Лазарѣ, но народнымъ воззрѣніемъ, лишь замаскированную скромнымъ сочинителемъ.—Спросить многіе: къ чему это длинное отступленіе къ творенію поэта? Какое его отношеніе къ народнымъ сказкамъ? Да, странно представить, что здѣсь отношеніе есть: а между тѣмъ, спустя 10 лѣтъ послѣ «Кареліи», въ 1841 г. отпечатаны Сказки Сахарова и въ нихъ, изъ рукописи Бѣльского, сказка объ Акундинѣ. Акундинъ—житель Новгорода, связанныго съ

Заонежьемъ и всей Олонецкой областью народными сказаніями; изъ эпохи XII вѣка (судя по современности Глѣбу Ольговичу), следова-тельно современникъ и Лазаря, и Заонѣги. Ходилъ онъ прежде въ походы съ Вольницею, но ему наскучило разгулье, его влечетъ къ инымъ странствіямъ, къ Киеву и Москвѣ, и пускается онъ по Волхову, одинокимъ Странникомъ, какъ Лазарь, какъ Отшельникъ—второ-образъ Лазаря. Какъ эти послѣдніе призваны были къ дальнѣйшимъ подвигамъ чудными видѣніями, такъ мѣсто высшихъ силъ для Акун-дина занялъ таинственный Калѣчище: онъ береть Акундина, ставить на высокій курганъ и съ высоты показываетъ обширную Рязанскую область отъ Оки до Дону, городъ Ростиславъ, тамошнихъ жителей и совершившіяся тамъ события. Увлеченный дивнымъ видѣніемъ, юный странникъ рвется въ открывшуюся взорамъ страну на подвиги: Калѣчище мгновенно переодѣвается, надѣваетъ на себя платье Посадника (онъ на-рочно таскалъ это платье съ собою на случай), является въ величіи по-садническомъ, открывается дядею Акундина, передаетъ ему наслѣдіе отъ отца, мечъ кладенецъ, калену стрѣлу, тугой лукъ (это то же до поры-времени береглось въ каличье сумѣ), благословляетъ пле-мянника на предстоящіе подвиги и — самъ кончается, пресе-ляется въ вѣчность. Ясно, что Калѣчище есть дивное видѣ-ніе, но не такое, какое описываютъ Житія, подобныя Житію Лазаря, или суевѣрныя народныя преданія о Заонѣгѣ, а живое, съ кровью и илотью дѣйствительности, въ образѣ, какой только могла создать народная сказка. — Что же за подвиги предстояли Акундину? «Глядѣть Акундина на Оку рѣку, а въ Окѣ рѣкѣ плы-вать чудовище невиданное, Змѣй Тугаринъ: длиною-то быль тотъ Змѣй Тугаринъ во триста сажень, хвостомъ бѣть рать Рязанскую, спиною валить круты берега, а самъ все просянть стару дань.» Чи-тателы узнаютъ грознаго врага Лазарева и Заонѣгина. Изъ Ростиславя пытаются сперва укрогить его подарками: здѣсь вставляется юмористи-ческій эпизодъ о *Думномъ Дѣлѣ Чоботѣ*. Но мысль о семъ послѣднемъ, и самый характеръ плута, успѣвшаго обмануть старшину, старого воеводу и посадника, встрѣчаемъ мы ошѣять у Ф. Н. Глинки, въ разговорѣ духовъ съ Заонѣгомъ; желая развлечь подвижника соблаз-нительными картинами мірской жизни, они говорятъ насыщливо: Что у васъ въ міру за люди? «Ихъ судить *Думный Дѣлъ* изъ

CXXXIX

платы, они другъ друга тянуть въ судъ, другъ друга лишь во снѣ не бываютъ... Подъячій врѣть передъ Дьякомъ, Дьякомъ, лукавый, предъ Царемъ перелукавленъ Воевода.» Вотъ вамъ исторія Чоботка и перелукавленаго Юрья Микитича.—Когда же Тугарина не смогли побѣдить лукавствомъ, встаетъ весь Ростиславль со своимъ юнымъ княземъ Глѣбомъ Ольговичемъ, влюбленнымъ, но изъ за Тугарина теряющимъ невѣсту: тучи ихъ стрѣль, посыпавшихся на Тугарина, уже мы видѣли у О. Н. Глинки въ описаніи того, какъ встала на Тугарина вся Карелія. Но и рать не успѣла. «Какъ прочуялъ Змѣй Тугаринъ рать немирную, и началь мутить Оку рѣку широкимъ хвостомъ: широка Ока рѣка возмутилася, круты берега разсыпалася, мутна вода разливалася. Нельзя къ Змѣю подойти, нельзя Змѣя войной воевать: широко поле Рязанское; а негдѣ рати стать, на широкихъ поляхъ кони не стоять, на круты холмы вода взошла.» Сравните вышеприведенное описаніе въ «Кареліи.» Всю эту бѣду Рязанцевъ видитъ съ высоты Акундинъ: ему такъ хочется въ дѣло, такъ рвется онъ помочь бѣднякамъ, что въ описаніи порыва его Сахаровъ иѣсколько измѣняетъ величественному тону рукописи Бѣльского, ибо не можетъ статься, чтобы она рисовала такую картину: «какъ заходили у Акундина ноженьки по курганчику, какъ замоталася головушка буйная по молоду князю по Глѣбу Олеговичу,» —это точь въ точь, какъ рвутся въ удалую присядку. Разумѣется, когда этотъ новый Лазарь и Заонѣга дорвался до Тугарина, онъ его побилъ: «и его-то, Тугарина, онъ еретичество разрушаетъ (уступка воззрѣніямъ Житія), а разрушивши его еретичество, идетъ ко круты бережку. Во ту пору Ока рѣка въ круты берега собиралася, на днѣ Оки рѣки желты пески воздымалися (улегались?). И береть онъ, Акундинъ, мечъ кладенецъ, разсѣкаетъ его, Тугарина, на сорокъ сороковъ: и отъ того онъ, еретикъ Тугаринъ, дотолѣ и живъ быль.» Побѣдителя торжественно вводятъ въ городъ Ростиславль, дарятъ, чествуютъ, умоляютъ остаться: но странника влечетъ невѣдомый голосъ—«впередъ,» къ Киеву, въ Москву. Они уѣзжаютъ. Въ этомъ разсказѣ Былины Новгородскія переходятъ въ Княжескія, удальцы Новгородскіе изъ мѣстной исключительности выводятся на широкія поля другихъ областей Руси: Сахаровъ рѣшился познакомить насъ съ бытомъ Княжествъ, съ ихъ сказаніями, эпосомъ Кня-

жескимъ. Выѣхавъ изъ Ростиславля, Акундинъ является въ сосѣднемъ, по той же Окѣ, Муромѣ, и здѣсь-то развивается снова исторія Лазаря и Отшельника. Вмѣсто урочища «Мурмскаго» и «Мурмы» является область *Муромская, Муромъ*; вмѣсто роя воздушныхъ духовъ, тревожившихъ Лазаря и Заонѣгу, рой Татарь, обложившихъ городъ, идолившихъ народъ, увезшихъ красавицу Настасью Ивановну. Для Акундинна настала пора любви, онъ влюбленъ какъ Отшельникъ Ф. Н. Глинки. Онъ мчится, разбиваетъ Татарь какъ мухъ, освобождаетъ дорогую плѣнницу: но, какъ отецъ разрушилъ своею яростью союзъ сердецъ Отшельника и Турчанки, такъ названный отецъ Настасья. Нежданъ предательски выдаеть ее за другаго; какъ Отшельникъ попадъ даже въ темницу, изъ которой едва высоводился, такъ Нежданъ грозить Акундину, велить пинками гнать его. Разочарованыи, неся въ сердцѣ неисцѣльную рану, страпникъ убирается по добру по здорову изъ Мурома, стремится къ Кіеву и Москвѣ: въ Москву почему-то онъ уже не попадъ, но въ Кіевѣ очутился. Одна отрада его — молитва. Какъ Буслаевъ въ Ерусалимѣ, такъ Акундинъ сѣ, да здѣсь поминалья и батюшкѣ и всѣмъ роднымъ. Таинственные Калѣки, занимающіе во всей сказкѣ мѣсто тѣхъ небесныхъ видѣній, которыя черпалъ изъ Житія или аллегорически рисовалъ Ф. Н. Глинка, пророчатъ аллегорически Акундину, что онъ долженъ искать и найти «сѣрую утицу,» прежнюю любовь свою. Теперь вспомнимъ: когда Мароа Ивановна, прослушавши длинную повѣсть Отшельника обѣ его странствіяхъ, Авзонії, Германії и Рейнѣ, наконецъ о прибытіи въ дикую страну Кареліи, перешла къ его «Духовному бою въ пустынѣ» и задала вопросъ, намекая на прежнюю разочарованную любовь Отшельника, — «покинувъ свѣтъ, не зналь ли грусти сокровенной?» Отшельникъ въ аллегоріи рассказалъ, что прежняя любовь, милый образъ прилетаетъ къ нему въ пустыню сердца, въ образѣ дивной птицы, такой, какая прилетаетъ и въ пустыню Кареліи: «На дальнемъ Сѣверѣ есть птица. Она, какъ слышно, иногда перелетаетъ и сюда. Какъ мысль, какъ пылкая зарница, она мелькаетъ по лѣсамъ. Ее, какъ сонъ, я видѣлъ самъ. Грудь — яхонть, и лазурны крылы отливомъ золота горятъ.» Видите, она похожа на сизую золотистую утку: по крайности у *простаго народа*, не знающаго райскихъ птицъ, естественно перейти ей въ образъ утки, и такою-то Саха-

ровъ, чуткій къ народному творчеству, изобразилъ ее. Тогда какъ Акундинъ горевалъ во образѣ Калики или, что то же, Странника, явилась ему прежняя возлюбленная, она успѣла уже потерять неправаго своего батюшку, матушку и первого мужа: на языкѣ Сахарова это выражено въ образѣ, что она «ровно три годочки лебедушкой жила, а на четвертой сѣрой утицей поплыла.» Разумѣется, Акундинъ соединился съ предметомъ любви, женился на Настасіѣ Ивановнѣ, потомъ, какъ всѣ герои у Сахарова, «состарѣлся и переставился.»—Но, при всемъ этомъ, столь явномъ и даже рабскомъ заимствованіи изъ Карельскихъ или, лучше, Олонецкихъ преданій, вы спросите все-таки невольно: не ужели это такъ, не ужели можно творить народныя Сказки на основаніи стиховъ поэта, хотя бы и Ф. И. Глинки? Признаться, намъ самимъ это не вѣрилось и даже какъ будто не вѣрится до сихъ поръ: а между тѣмъ это такъ. Самъ И. П. Сахаровъ потрудился увѣрить насъ въ томъ; напечатавъ Сказки, въ Примѣчаніяхъ къ нимъ, въ концѣ, какъ будто мимоходомъ и ненарочно (такъ всегда бываетъ, когда дѣло не совсѣмъ чисто и ищутъ подкрѣпить свое созданіе авторитетомъ народа), бросаетъ онъ нѣсколько словъ: «Сказка Акундинъ взята изъ рукописи Бѣльского. Есть много сходнаго съ нашимъ Сказкою въ Олонецкихъ народныхъ преданіяхъ. Любопытные могутъ видеть заимствки обѣ этомъ Акундинъ въ примѣчаніяхъ къ стихотворенію О. И. Глинки Карелія.» А въ этихъ, процитованныхъ, примѣчаніяхъ Ф. И. Глинки нѣть ни слова обѣ Акундинѣ, есть только—сходное—о Лазарѣ Мурмскомъ, съ которымъ сближенъ и народный герой Заонѣга. Кто читывалъ «Сказанія Русскаго народа,» тотъ знаетъ, что Сахаровъ вездѣ—иногда очень справедливо—смѣется надъ ирежнимъ обычаемъ выводить нашихъ народныхъ героевъ съ чужи, связывать ихъ съ преданіями церковными или принимать на слово суевѣрия о нихъ сказанія въ народѣ: все это и вездѣ онъ старается перевести на языкъ простѣйшій, такъ, какъ бы сказалъ по его языку нароль, а этотъ языкъ и эти образы, возникающіе въ языкѣ, создаетъ самъ на основаніи своей опытности въ дѣлѣ. Такъ все онъ упростили и въ настоящемъ случаѣ: зачѣмъ въ Новгородѣ выходецъ изъ Рима?—Это просто Новгородецъ; и имя его народное, известное въ Новгородѣ, хоть бы знаменитый Якунъ,—только прибавить «динъ.» Странникъ по Востоку и Евро-

тѣ—ну откуда ему быть? Это просто Новгородскій переходецъ, исчадіе Повольницы, бродившей по княжествамъ. «Мурма,» «Мурмское урочище,»—это просто Муромъ, искаженный народными преданіями въ Заонежье. Видѣнія, пророчества,—это просто таинственные Калѣки съ ихъ способностью передавать и разказывать всякия дива. Тугарину мѣсто на Окѣ: любовь романтическая—просто любовь къ Настасіѣ Ивановнѣ. Ф. Н. Глинка придумалъ, вѣроятно по народнымъ преданіямъ, залетную птицу, нечаянно прилетавшую: да это сѣрая утица, это и есть Настасіѧ Ивановна. Какіе тамъ духи въ воздухѣ! Это Татары; а указаніе духовъ на Думного Дьяка—просто память о Чоботкѣ. Сочинитель опытнымъ взглядомъ расшифровалъ всѣ эти аллегоріи, столь любимыя Ф. Н. Глинкою: дай изложу дѣло; какъ оно могло быть у нашего простаго народа, въ сказкѣ! А тутъ рукопись Бѣльского съ готовыми сказками: въ ней и есть сказка объ Акундинѣ. Но нужно бы подкрѣпить себя? Сдѣляемъ сноску на Глинку: ищите, кикъ тамъ искажена подлинная сказка объ Акундинѣ.—Ищите: но мы находимъ совсѣмъ другое, мы находимъ *источникъ* и *поворъ* творенію Сказки! Прочая обстановка не хитра: Глѣбъ Ольгович изъ исторіи; Путята и Путятини есть въ творчествѣ Кіевскомъ, были уже вставлены въ сказку о Еуслаевѣ; Муромцы изъ Былины и Сказокъ объ Ильѣ; Татары, Калѣки.—ихъ въ древнемъ творчествѣ и даже въ нынѣшнемъ—бери хоть пригоршнями.

Грустно разоблачать подобныя вещи у всякого издателя: грустно видѣть, какъ легко разлетаются эти карточные домики, на которые такъ разсчитывали безпокойный труженикъ, строилъ, обставлялъ, обгораживалъ, гдѣ замазывалъ, гдѣ закопошачивалъ; еще грустнѣе говорить это о литературномъ дѣятелѣ, не мало потрудившемся для народа: но—и отрадно, какъ отраденъ всякий выходъ изъ удушья на свѣжій воздухъ, на чистую истину. И полезно: вкусъ къ народному творчеству воспитывается изученіемъ его произведеній: онъ гибнетъ отъ фальшивыхъ поддѣлокъ; онъ зреетъ зрѣлостью мужества, когда рядомъ съ истинными произведеніями народа сопоставляемъ мы для слѣченія поддѣлки.

CXLIII

Сказка объ Акундинѣ, тѣмъ, чѣдѣ есть въ ея основѣ народнаго, хотя переходитъ къ Княжескимъ, но есть собственно продолженіе Новгородскихъ. Въ первыѣ среди нашей литературы мы выводимъ затерянныя между другими Былины *Княжескія*, даже цѣлый Эпосъ *Княжескій*. Вторая половина нашей «Замѣтки,» *Б.*, посвящена именно этой новой и громадной области, со всѣми ея особенностями: но, по обстоятельствамъ, мы вынуждены помѣстить ее при выпускѣ слѣдующемъ, какъ вступленіе къ Былинамъ Московскимъ; тамъ же будутъ приложенъ и соответствующій «Указатель.»

И. Б.

1862,
Августъ.

Конецъ 5-го выпуска.

ОГЛАВЛЕНИЕ 5-ГО ВЫПУСКА.

Стран.

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Л. Р. Сл.	I.
Пѣсни Былевыя. I. Новгородскія.	
Василій Буслаевъ, 1, 2, 3, 4:	2—33.
Садко Купецъ, Богатый Гость, 1, 2, 3: .	34—53.
Гость Терентьевъ:	54—60.

—

Пѣсни Былевыя. II. Княжескія.

Димитрій Князь:	63—65.
Василій Князь:	66, 67.
Князь Михайло, 1, 2, 3, 4, 5:	68—76.
Смерть Князя Михайла:	77.

Туда же относящіяся—

Король-Королевичъ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9:	78—87.
Козаченъка, 1, 2:	88—91.
Князь Романъ, 1, 2:	92—99.
Князь Романъ—жену терялъ, 1, 2, 3, 4, 5, 6:	100—112.

Туда же относящіяся—

Донской козакъ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8:	413—422.
Добрый Молодецъ, 1, 2, 3:	123—125.
Молодой Маторъ, 1, 2:	126, 127.

Князь Волконскій и Ваня Клюшичекъ,

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8:	128—140.
Тоже:	140, 141.
Тоже, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7:	141—154.
Тоже, 1, 2, 3:	154—158.
Тоже, 1, 2, 3, 4, 5:	159—163.

Туда же относящіяся—

Молодецъ у короля въ службѣ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11:	164—178.
Князь Румянцовъ:	179.
Камеръ-лакей, 1, 2:	180—182.
Князь Данило:	183, 184.
Князья—Борисъ и Глѣбъ, Александръ Невскій, Михаилъ Черниговскій, Мос- ковскій Симеонъ Ивановичъ, Димит- рій Донской, Федоръ, Давидъ и Кон- стантинъ Ярославскіе (въ сноскахъ): . .	185.
Князья Тверскіе:	186—190.

—

Приложения.—I Сказки про Василья Буслаева, 1, 2, 3:	I—XXV.
II. Сказка про Князя Глѣба Ольговича и Акундина:	XXVI—LIII.
III. Замѣтка П. А. Безсонова. А) О Нов- городскихъ Былинахъ, Сказкахъ и про- чихъ народныхъ преданіяхъ:	LIV—CXLIII.

При семъ особо: УКАЗАТЕЛЬ ко II-й части Пѣсень, собранныхъ П. В. К., къ 5-му выпуску, а) къ творчеству Новгородскому, составленный П. А. Безсоновымъ; Отдѣлъ I-й: Лица, Имя Собственное (съ особымъ счетомъ страницъ).

—

Для пмѣющихъ I-ю часть въ 4-хъ выпускахъ, общая къ нимъ Сорочка.

*

ЕЩЕ ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ И ПОПРАВКИ въ I-й Часті.

Вып. 1, Пѣсни, стран. 22, въ разнорѣчіяхъ. Разнорѣчіе Б.) близко сходно съ тѣмъ, что въ Новиковскомъ пѣсенникѣ, 1780 г., ч. III, № 76, стр. 82.
Разлочія слѣдующія:

- 2) Б.) Что по синему морю по
Каспіцкому — — — — —   Что по синему по морю
по Каспійскому

5) Б.) ... отнюдь... — — — — — ... отнюдь...

9) Б.) ... Святогоръ... — — — — — ... Свѣтогоръ...
...Подъ-атаманомъ... — — — — — ... Подъ-атаманъ...

10) Б.) ...въ пять сотъ рублей... — — ... во пятьсотъ рублей...
... во сотенку... — — — — — ... во сотеньку...

Вып. 3, Пѣсни, стран. 87, стихъ 96, стран. 88,
ст. 122 и 148: Слѣдуетъ исправить:

«Есть да пить, — — — — — «Быть да пить,

Вып. 4 «Замѣтка,» стран.

CXLIII, строка 5 сверху:

обступаютъ Киевъ; — — — — обступаютъ городъ;

Строка 19:

заморить Киевлянъ — — — — заморить горожанъ